

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ® УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

2

2017
Часть VII

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 2 (136) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 01.02.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Илон Маск*, американский миллиардер, инженер, изобретатель и бизнесмен. Илон Рив Маск родился 28 июня 1971 года в ЮАР. Отец Илона занимался бизнесом, а мать была моделью и диетологом.

Еще в детстве Илон увлекся программированием и в возрасте 12 лет уже создал свой первый коммерческий продукт — компьютерную игру, которую продал за 500 долларов.

Окончив школу в Претории, Маск, несмотря на протесты родителей, уехал из ЮАР в Канаду, где продолжил свое обучение. Затем он поступил в Стенфордский университет, но так его и не закончил.

В 1996 году Маск вместе с братом основал свою первую компанию по разработке программного обеспечения Zip2. Спустя три года компания Compaq выкупила Zip2 за 308 миллионов долларов. Доля Илона в этой сделке составила 22 миллиона долларов.

В 1999 году Маск учредил компанию X.com. В 2000 году произошло слияние компаний X.com и Confinity, одним из подразделений которой была электронная платежная система PayPal. Уже в 2002 году e-Bay выкупил перспективное подразделение PayPal за 1,5 миллиарда долларов.

Илону Маску принадлежали 11,7% акций компании, и эта сделка принесла ему 165 миллионов долларов.

Свой третий масштабный проект Маск реализовал в июне 2002 года. Так появилась компания SpaceX, которая специализировалась на разработке ракет-носителей и стала коммерческим оператором космических систем. В 2008 году НАСА и SpaceX заключили контракт на сумму 1,6 миллиарда долларов. Цель контракта — 12 запусков носителя Falcon9 и космического корабля Dragon к международной космической станции.

Илон Маск организовал благотворительный фонд Musk Foundation, который в январе 2015 года пожертвовал 10 миллионов долларов на разработки в области искусственного интеллекта.

Характерный, предприимчивый и целеустремленный, Илон Маск стал прообразом Тони Старка (фильм «Железный человек», режиссер Джон Фавро, 2008 год). А в 2009 году Маск снялся в фильме «Железный человек 2», где сыграл самого себя. На его счету также несколько эпизодических ролей в фильмах «Мачете убивает» (режиссер Роберт Родригес, 2013 год) и «Превосходство» (режиссер Уолли Пфистер, 2014 год).

*Людмила Вейса,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Ватаман А. В.**
Национальные интересы и социальная идентичность..... 665
- Гнатышин И. Ю.**
Политическая субъективация в контексте постполитики 668
- Хижняк А. С.**
Формирование гендерных стереотипов в информационном обществе 671

СОЦИОЛОГИЯ

- Игебаева Ф. А.**
О многообразии управленческих стилей 674
- Исаев М. Д.**
Проблемы образования в государственных федеральных учреждениях высшего образования 676
- Каримова К., Артыкбаева С. Ж.**
Социальная работа с молодыми выпускниками детских домов 678
- Пономарев П. А., Марченко Н. Ю.**
К проблеме безработицы в современных условиях 680

ПСИХОЛОГИЯ

- Антоненко Е. Г.**
Взаимосвязь типов привязанности и ранних дезадаптивных схем у наркозависимых..... 683
- Бибарцева К. Ю.**
Копинг-стратегии у военнослужащих срочной и контрактной службы с разным уровнем фрустрации 686
- Болотин Ю. Е., Чугунова К. А., Якунина Е. В.**
Механизмы психологической защиты в подростковом возрасте..... 688

- Гусева А. В., Кравцова Н. А.**
Характеристики мышления у студентов, обучающихся по специальностям «клиническая психология» и «лечебное дело»..... 690
- Жиганов К. В., Данилов П. В., Пронин А. В., Титова Е. С.**
Воздействие опасных факторов пожара на психику спасателя..... 693
- Зародина В. В.**
Социально-психологический климат в организации и его влияние на эффективность профессиональной деятельности 696
- Кольберг Н. А., Царева С. В.**
Оценка уровня школьной мотивации младших школьников при разных вариантах обучения..... 698
- Митичева Т. И., Шадрин Я. А.**
Особенности подготовки детей дошкольного возраста к обучению в школе..... 700
- Носков А. В., Колобова Е. А., Горячих А. В., Сукаев А. А.**
Психологическая составляющая успеха человека 703
- Туктарова Р. Р.**
Профорориентационные занятия как фактор повышения психологической готовности к самоопределению старших школьников 706
- Царева С. В.**
К вопросу о самооценке детей младшего школьного возраста 710
- Шигина Е. П.**
Коррекция самооценки и уровня притязаний младших школьников с задержкой психического развития в процессе их психолого-педагогического сопровождения..... 713

Шигина Е. П.
Особенности мотивации и психологической готовности студентов факультета психологии и специального образования к волонтерской деятельности 715

Шурухина Г. А., Халимова А. Д.
Механизмы психологической защиты женщин во время беременности 717

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Исаев М. Д.
Проблемы культурной интеграции иммигрантов России в западные страны 719

Ламанская Н. Б.
Проблемы сохранения и развития народной художественной культуры в Республике Хакасия 721

Махмудова К. Г.
Фестиваль академической музыки как форма музыкального просветительства: «Порт-Петровские ассамблеи» в Махачкале 723

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Вревская Н. А.
Люди с ограниченными возможностями в области зрения и музейный мир Великобритании 726

ФИЛОЛОГИЯ

Abdirazzakova S. A.
Educational effectiveness research and teacher professional development 730

Головина Е. В.
Особенности женского романа как жанра литературы 732

Журавлев И. А.
Авторская пунктуация как ключ к определению жанра произведения К. Маккарти «Старикам тут не место» 734

Конькова И. И.
Топонимы как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе 736

Mavlonova M. D.
Methods of the test and its influence on teaching 741

Маломожнова Е. С.
Специфика героической тематики в чувашском фольклоре 744

Musayeva F. M.
Product — based communicative language teaching approaches 746

Суннатуллаев О. С., Ибрагимова Д. Д.
А. Навои и А. Арипов — две жемчужины узбекской поэзии 749

ФИЛОСОФИЯ

Абдрахимов Д. М., Давлетгаряева Р. Г., Янбердин Н. Р.
Логические нормы обоснования в научном познании 751

Багапов Р. Н., Гаитов Э. Р., Хаматов А. Ф.
Позитивизм как гносеологическая концепция 753

Бакирова А. У., Габдрахманов Р. Р., Хабибуллин Р. М.
Теоретический уровень научного познания 755

Батурин Б. И., Бакиров Р. Н., Давлетгареев А. Р.
Телеологический характер философии истории марксизма 757

Гиниятуллин Ф. Ф., Камалов Д. Р., Рафиков Р. Н.
Эволюция материализма 759

Давлетгаряева Р. Г., Лебединский А. С., Назаров Т. З.
Концепция технологического детерминизма в философии истории 761

Измайлова В. Г.
Социально-философский анализ исторической трансформации понятия преступника в понятие делинквента: от преступного акта к качеству личности 763

ПРОЧЕЕ

Юшкова Д. Р.
Product placement в кинематографе 768

ПОЛИТОЛОГИЯ

Национальные интересы и социальная идентичность

Ватаман Александр Владимирович, аспирант

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Социальная идентичность общества и национальные интересы взаимосвязаны и тесно переплетены. Социальная идентичность определяется отождествлением интересов личности с интересами общества и государства в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах. В тоже время на базе этих же интересов происходит формирование национальных интересов, при реализации которых государство должно обеспечить условия для установления в обществе баланса гражданской и этнической идентичности. Такой «Баланс идентичности» составляет основу уникальной социальной идентичности и является одним из важнейших факторов устойчивого существования и прогрессивного развития государства.

Ключевые слова: национальный интерес, социальная, этническая и гражданская идентичность, идентификация

National interests and social identity

Vataman Alexander, postgraduate student

Nizhny Novgorod State Linguistic University

The article discusses the interrelationship and interdependence of national interests and social identity of society. Social identity is determined by the identification of personal interests with the interests of society and the state in the economic, political, social, cultural and other spheres. At the same time these interests are fundamental in the formation of the national interests of the state, the implementation of which should ensure the appropriate social and political environment for the creation a balance of civic and ethnic identities in society. Such a «Balance of identity» is the basis of a unique social identity and one of the most important factors for sustainable existence and progressive development of the state.

Key words: national interest, social, ethnic and civic identity, identification

Социальная идентичность общества и национальные интересы взаимосвязаны и тесно переплетены. Процессы формирования и реализации национальных интересов неразрывно связаны с конструированием социальной идентичности в обществе, как важнейшего условия эффективного функционирования государства.

Познание и конструирование социальной идентичности в современных условиях связаны с процессами социальных, экономических и политических трансформаций в обществе, с процессами миграции и интеграции, развития технических коммуникаций и глобализации. Социальная идентичность это не только основа межгрупповых отношений, но и определенные рамки индивидуального восприятия деятельности государства, истории и культуры сообщества в котором находится личность и признает его своим.

Социальная идентичность имеет сложное структурное строение, в котором можно выделить два основных эле-

мента — идентификация личности с собственной этнокультурной группой (этническая идентичность) и идентификация личности с обществом (гражданская идентичность) [5, с. 113]. В каждом из этих элементов по отдельности и, как результат, в целом осуществляются социальная идентификация, которая как раз и связана с отождествлением интересов личности с интересами общества и государства в экономической, политической, социальной и других сферах. В результате социальной идентификации определяется целостное отношение человека к социальному и природному миру, устанавливается баланс индивидуальных и общественных интересов, а это, в соответствии с классическим определением, и является основой при формировании и реализации национальных интересов государства [3, с. 56].

Развитие общества в условиях глобализации и коммуникационной индивидуализации, когда граждане все

меньше связывают свои интересы и потребности с развитием государства в котором живут, требует от государства в полной мере задействовать ресурсы и возможности для конструирования социальной идентичности отвечающей реалиям сегодняшнего дня. При этом, несомненно, такое конструирование должно учитывать элементы государственной стратегии по реализации национальных интересов.

Социальная идентичность конструируется посредством формирования оппозиционной схемы взаимодействия «Я» — «Он» (на индивидуальном уровне) и «Мы» — «Они» (на коллективном уровне). Каждый из взаимодействующих в этой схеме субъектов осмысливает себя через различие, т. е. «Я» («Мы») — это не «Он» (не «Они») или «Я» («Мы») есть то, чем «Он» («Они») не является [4, с. 49]. В отношении этнической идентичности дополнительно рассматриваются функции «приписывания» или «внутреннего выбора». Когда по рождению или в процессе социализации и инкультурации личность в обществе относят к определенному этносу — это приписывание. Когда члены групп меньшинства и выходцы из межэтнических браков, проходят через «постоянный внутренний референдум» на лояльность к той или иной общности — это «внутренний выбор».

О том, что принадлежность человека к народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к тем культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание народа весьма современно звучат слова русского философа и ученого Густава Густавовича Шпета: «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять не «произвольно», а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада» [8, с. 27].

Понятие идентичности применяется ко многим политическим, социальным, этническим, культурным явлениям и включает тождественность и определенность бытия, существование его в четких границах. При исследовании идентичности ученые опираются на историю, культуру, религию и язык, как на формы, отражающие и формирующие национальную ментальность,

Например, социальная идентичность Приднестровской Молдавской Республики, сформированная на базе советской идентичности, сегодня определяется наличием трех основных этнонациональных групп: русские, украинцы и молдаване, трех государственных языков, общей культуры и истории. Особенностью ПМР является то, что в Республике определенная этническая общность не является государствообразующей нацией.

В начале 90-х годов в целях защиты от поглощения частью большинству жителей приднестровского региона румынской культурой произошло сплочение населения Приднестровья, что послужило своего рода толчком к формированию в Приднестровье новой модели социаль-

ной идентичности. Эта модель основана не на этнической идентификации, а на осознании народом Приднестровья единства, в основе которого тесно переплетены история, культура, территория и традиции мирного полиэтничного сосуществования [2, с. 36].

Пример межнационального мира и единства, демонстрируемый республикой в течении всего ее постсоветского существования уникален. На территории республики проживают более десятка национальностей, которые не теряя собственной идентификации, остаются верными приднестровскими гражданами и патриотами молодого государства [7, с. 21].

Приднестровцы сегодня идентифицируют себя как граждане Приднестровской Молдавской Республики и одновременно сохраняют свои национальные особенности. Это ведет к формированию надэтнической или полиэтничной идентичности. Принимающие такую идентичность люди обладают особенностями нескольких групп, что позволяет человеку использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатствами нескольких культур без ущерба для собственных ценностей.

Кроме этого, непризнанность существующего де-факто на протяжении 25 лет государства подразумевает принятие гражданами ПМР его политики, консолидацию общества вокруг общих государственных идей и ценностей, следовательно, можно говорить и о существующей в Приднестровье на высоком уровне гражданской идентичности.

В тоже время, изменения в Республике происходящие под воздействием внешних и внутренних факторов требуют от государства особых шагов в целях совершенствования политики формирования гражданской и этнической идентичности и обеспечения в обществе «баланса идентичностей». Это особенно важно на фоне социально-экономического кризиса в ПМР.

Существенным внешним фактором для Приднестровья были и остаются совместные действия по отношению к Республике соседних государств — Украины и Молдовы, поддерживаемых Румынией и Европейским Союзом. Результаты этих действий, в виде ограничений в области экономической деятельности и ограничений в области свободы передвижения, оказывают негативное воздействие на ситуацию в ПМР в целом и непосредственным образом сказываются на сознании всех социальных групп и слоев населения.

В этих условиях существует опасность, того, что индивидум, выберет для себя тактику отрицания значения фактора этнической и гражданской идентичности, как в своей жизни, так и в обществе в целом. Что в свою очередь, приведет к слабой, четко не выраженной идентификации или даже к ее полному отсутствию, по крайней мере, на осознаваемом уровне. При этом, будет проявляться предпочтение личностной идентичности перед социальной, что выражается в осознании себя прежде всего уникальным индивидом, а не членом группы. Или наоборот, личность причислит себя к широкому наднациональным

общностям — европейцам, гражданам мира, т. е. будет декларировать космополитическую идентичность.

Все это ведет к нарушению «баланса идентичностей» или вытеснению из структуры самоидентификации одной из составных частей — этнической или гражданской — что грозит, с одной стороны, потерей целостности личности «Я-образа», а с другой — потерей связей личности с обществом или национальной группой и, как результат, отсутствие консолидации общества и его устойчивого развития.

В связи с этим, современная приднестровская внешняя и внутренняя политика, а также концепция по реализации национальных интересов должны ориентироваться исключительно на проект «баланса идентичности» — уникальной приднестровской идентичности. Необходимо, чтобы, с одной стороны, совпадали самооценка всеми гражданами себя — как части единого независимого государства, самооценка государственных институтов — как работающих в рамках независимого государства и в его интересах и самооценка всех политических сил — как взаимодействующих во благо этого государства.

Другой пример — Республика Абхазия. Государство, которое исторически возникло как национальное и является инструментом, обеспечивающим материальные и духовные условия существования и развития основной этнической общности — абхазов — одного из древнейших народов Юго-Западного Кавказа. Абхазы осознают себя как отдельный народ и отличают себя от других соседних народов, которые также отличают абхазов от себя и считают их отдельным народом. Территория, которую всегда занимали абхазы и занимают ныне, носит имя — Абхазия.

. История страны и события XX — XXI веков, проблемы в области сохранения абхазской культуры и языка неизбежно влияли на процесс формирования этнической составляющей, как основы социальной идентичности.

Культура, представленная в Абхазии, непрерывна во времени, локализуется в пространстве, гомогенна, достаточно самобытна и самодостаточна. Ни один другой народ, кроме абхазов, не отождествляет себя с этой культурой и не выражает себя через нее. Именно абхазы самоидентифицируются через эту культуру.

Исторически Абхазия прошла огромный путь от периода древней Колхиды в начале 1-го тысячелетия до н. э. и до международного признания независимости Республики в XXI веке. История, как и создаваемые в ней мифы, это обязательная составляющая идентичности. Для абхазов вопрос исторической идентичности не стоит — каждый абхаз знает и гордится историей своей страны.

Абхазский язык — государственный язык Республики Абхазия — один из древнейших языков мира, вместе с родственными языками (абазинский, адыгейский, черкесский, кабардинский) образует абхазо-адыгскую группу. Несомненно, то, что сохранение и использование абхазского языка является одним из главных индикаторов этнической идентичности.

Характерная для абхазов система ценностей, выраженная в понятии Апсуара (букв. абхазство), представляет собой религию, обернувшуюся этикой, которая достаточно строго соблюдается и передается из поколения в поколение в форме речений, преданий, правил поведения.

Сегодня Республика Абхазия это суверенное, демократическое, правовое государство, в котором народовластие является основой государственной власти. На территории Республики Абхазия проживает многонациональный народ. Согласно переписи 2011 года численность населения составила 240 тысяч 705 человек. В республике проживают представители 91 национальности. Наиболее многочисленную этническую группу составляют абхазы — 122 тысячи человек. В республике проживают около 43 тысяч грузин, 42 тысяч армян, 22 тысяч русских [6, с. 2]. Этнические группы, бережно сохраняя свою этническую идентичность, участвуют в интеграционных процессах внутри общества, понимая общность судьбы и ответственность за страну.

Становление государства-нации, граждане которого независимого от этнической принадлежности образуют единый народ, и принадлежность к которому выступает для них главным идентифицирующим признаком — это основа конструирования уникальных этнической и гражданской идентичностей народа Абхазии. Здесь снова стоит вопрос о применении «баланса идентичностей» с учетом всех выше перечисленных особенностей.

Как в первом случае с Приднестровской Молдавской Республикой, так и во втором случае с Республикой Абхазия, обеспечение «баланса идентичности», паритета интересов личности, общества и государства составляет фундамент национальных интересов, нацеливает на консолидацию общества, его устойчивое развитие и обеспечение безопасности.

При этом реализация функций гражданской идентичности обеспечивает интеграцию в единую общность; самореализацию и самоактуализацию личности в социально значимых и социально оцениваемых видах деятельности; единство интересов индивида с данной социальной общностью, влияние на гражданское сообщество, которое проявляется в политической и гражданской активности личности.

Для стран с ярко выраженными этническими группами должен быть особый подход к реализации функций этнической идентичности. Интересы общества диктуют необходимость учитывать и использовать этническую составляющую по трем направлениям — 1) этничность как врожденная характеристика, лежащая в основе группового (этнического) сознания и поведения; 2) этничность как инструмент достижения целей сплочения и мобилизации группы, как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления поправной национальной гордости, как социальная терапия; 3) этничность как форма социальной организации культурных различий и, соответственно, как изменчивое и подверженное манипуляциям явление группового сознания [1, с. 114].

В результате полноценной реализации функций гражданской и этнической идентичностей можно говорить

о получение «баланса идентичности» в обществе, который и определяет индивидуальную для страны социальную идентичность — основу для сохранения единства многонациональной страны, предотвращения ее раскола в будущем, для сохранения культурного и исторического богатства разных национальностей, для включения личности в процесс становления государственности.

В обществе должны окончательно утвердиться ценностные и поведенческие ориентации в отношении социальной

идентификации общества и самоидентификации личности основанные на идеи об общей Родине и долга каждого гражданина, какой национальности бы он ни был, способствовать созданию атмосферы дружбы, мира и согласия. Это возможно только при наличии высокой политической и социальной культуры в обществе, что в свою очередь, возможно при формировании и реализации национальных интересов с учетом системы социальной идентичности — «баланса идентичности».

Литература:

1. Авксентьев В. А. 2001. Этническая конфликтология: В поисках научной парадигмы. Ставрополь: Издательство СГУ. 268 с.
2. Бабилунга Н. В. 2003. Тайна приднестровского феномена. 2-е изд. Тирасполь: РИО ПГУ. 338 с.
3. Быков О. Н. 2010. Национальные интересы и внешняя политика. Монография. М.: ИМЭМО РАН. 284 с.
4. Даудрих Н. И. 2002. Социальная идентичность: методологический аспект. М.: Изд-во Ин-та фонда общественное мнение. 285 с.
5. Дробижева Л. М. 2013. Гражданская, этническая и региональная идентичность. Вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 485 с.
6. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 года. Данные Управления государственной статистики Республики Абхазия от 29.12.2011 г.
7. Сергеев А. Л. 2015. Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности. М.: Российский институт стратегических исследований. 112 с.
8. Шпет Г. Г. 1996. Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии. НПО МОДЭК. 496 с.

Политическая субъективация в контексте постполитики

Гнатышин Илья Юрьевич, магистр
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Очень важно понимать, что со времён мировых войн многое изменилось. Мы вступили в эпоху, когда все сферы нашей жизни совершают эксцесс, преодолевая себя. Таким феноменом становится постполитика (трансполитика, метаполитика и т.д.). Она провозглашает смерть традиционной политики в русле её предельности, границ (как конфликта или даже как консенсуса). Важность понимания подобных явлений лежит и в поле различного рода национализма и экстремизма, являющихся их обратной стороной.

Однако, чтобы приступить к раскрытию проблемы необходимо пояснить несколько понятий, в частности «метафизика политики» и «постполитика».

Понятие постполитики тоже весьма неоднозначно. Здесь стоит углубиться в размышления, что же такое «политическое». Подобные рассуждения вынуждают отделить «метафизику» политики от её «физики»; реальный процесс политики от того, что порождает эту политику к жизни. Подобные рассуждения можно вести сквозь такие понятия, как «идеология», «дискурс», «гегемония». Однако, пожалуй, трудно выбрать какой-либо подход из названных. Более всего выгодным в данном ключе кажется синтети-

ческий подход. Здесь можно говорить, например, о великих (умерших) метанарративах Ж.-Ф. Лиотара. Интересна применительно к данной проблеме теория дискурса Лакло и Муффа, частично основывающаяся на работах Мишеля Фуко. Теория дискурса помогает понять, как различные знаки приобретают то или иное значение, легитимируют дискурс. Остро также стоит проблема повседневности, так как, очевидно, политик, очевидно, не заканчивается на репрезентациях медиа и элит. Здесь интересны работы Лукмана и Бергера в русле конструирования социальной реальности. Проблема отношения философии и политики рассматривается в трудах Алена Бадью через «истинностные процедуры», осмысление философией событий как бы постфактум. Однако стоит заметить, что политика имеет и личностное измерение, так как она рефлексивна, как систематизация опыта. Александр Пятигорский в своей книге «Что такое политическая философия?» говорит, что нет никакой сколько-нибудь реальной метафизики политики, а есть лишь отрефлексированная политика. Проблема политического субъекта становится на пути всякой рефлексии и политической идентификации.

Становится вопрос о политическом субъекте и всякой возможности политической идентификации. Постполитика, тем не менее, состоит в крайне щекотливом положении по отношению к политическому субъекту.

Для понимания феномена политической субъективации нужно понимать завязь интенциональности, то есть то, каким образом человек, ставший синонимом субъекта, соприкасается с жизненным миром, располагая в нём свою волю; и политикой, которая трактуется по-разному. По мнению автора, интересным является заявление Фридриха Ницше о том, что появление субъекта на арене целиком связано со структурой языка: «...ибо когда думают, что необходимо должно быть нечто «что мыслит», то это просто формулировка нашей грамматической привычки, которая к действию полагает деятеля. Короче говоря, здесь уже выставляется логико-метафизический постулат — не только нечто констатируется» [4. Аф. 384]. Иными словами, язык структурирован таким образом, что в нём присутствует субъект и предикат, то есть существует действующее и производимое им действие. Таким образом, сама философия приобретает метафизическую традицию, которая накладывает отпечаток на способ нахождения в мире, вне-полагание себя миру, в кантовском понимании души или декартовском понимании Бога.

Античный «субъект» существовал в виде некоей синкретической целостности с Вселенной, ему дано лишь знать своё место и не пересекать черту божественного (сакрального). Субъект, несомненно, более позднего содержания — субъект Декарта. Картезианский переворот оказал величайшее влияние на последующую мысль. Несомненно, «*cogito ergo sum*» становится наряду с теориями Канта, Гуссерля, Хайдеггера одним из оснований дальнейшего рассуждения о судьбе социального и политического. Картезианский субъект строится на некоторых допущениях, которые составляют ядро теории Декарта. Приведём цитату: Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению. Второе — делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить. Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу. И последнее — делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено [1. С. 263]. Подобное положение вещей сталкивается с фигурой Бога, которую Декарт вводит, чтобы легитимировать данность мышления субъекту, основания «очевидного» знания, политики сомнения. Первое условие для подобного познания — познание Бога, главный атрибут которого

«бесконечная правдивость». И, несмотря на почти повсеместную секуляризацию Западного мира, картезианская субъективность продолжает признаваться всеми академическими силами сильной и все еще действенной интеллектуальной традицией.

Существует традиция противоположная — традиция трансцендентального субъекта Канта. В целом субъект Канта является частью его философии. Субъект Канта существует благодаря рассудку, способности суждения и разуму, которые являются основой для способности познания, чувства удовольствия и неудовольствия и способности желания. Такой субъект является обличителем чувственности в форму *a posteriori*: «то в явлении, что соответствует ощущениям, я называю его материей, а то, благодаря чему многообразное в явлении может быть в определенных отношениях упорядочено, я называю формой явления. Так как то, единственно в чем ощущения могут быть упорядочены и приведены в известную форму, само в свою очередь не может быть ощущением, то пусть материя всех явлений и дана нам только *a posteriori*, однако форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе *a priori* и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [2. С. 91]. Однако Кант выступает против картезианского субъекта. Он считает, что некоторые знания являются до-опытными (такие как пространство и время), а вещи даны нам только чувственно, однако субъект здесь синтезирует знание — знание не об объекте, а лишь о вещи-для-нас. Кант критикует картезианское «*cogito*», так как считает, что всякое Я мы находим во времени, а не в пространстве, и «сознание самого себя при внутреннем восприятии согласно определению нашего состояния только эмпирично, всегда изменчиво; в этом потоке внутренних явлений не может быть никакого устойчивого или сохраняющегося Я; это сознание самого себя обычно называется внутренним чувством или эмпирической апперцепцией. То, что необходимо, должно представляться как численно тождественное, нельзя мыслить как таковое посредством эмпирических данных» [3. С. 434]. То есть субъект Канта изменчив, однако обладает душой, которая сходна фигуре Бога в картезианской трактовке субъекта.

В сущности, интересным продолжением теории субъекта являются работы Ю. Хабермаса. Он развивает теорию коммуникативного действия, в которой субъект становится не исповедующимся у Бога (по сути, такое познание монологично), а субъектом дискурса, общения, становясь интерсубъектом. Отсюда из-за невозможности монополии на интерпретацию возникает «согласование действий».

Трактовки «метафизики» субъекта весьма широки, как и критика этих проектов. Однако «физика» субъекта есть большой вопрос, который восходит к фундаментальному разрыву, который выделил ещё Гегель. Этот разрыв между пустотой Всеобщего (всякого рода теоретизирующих нарративов) и Особенным. Здесь, по мнению автора, смыкаются субъект политический и субъект познания. Субъективация же, в сфере повседневности, становится главным

камнем преткновения. Она становится некоей нулевой точкой пресечения осей, где происходит полагание субъекта относительно топоса, в который он заключён. Термин «топос» употреблён не случайно. Значение этого слова двойко. Слово «τόπος» с греческого — место. Но в литературе подобное обозначает стилистический образец, литературный шаблон, риторическую схему, общепринятое суждение, устойчивую языковую фигуру [5]. Ещё интереснее значение этого понятия в математике, в особенности в контексте работ Алена Бадью. Топос есть множество; топос есть область циркуляции мифов; топос есть область, в которой происходит политическая субъективация. Топос шире просто понятия места географического, он привязан к нему постольку, поскольку там циркулируют смыслы, «риторические фигуры». Однако «топос» не просто абстрактная (или даже, более того, риторическая) фигура. «Топос» в некотором интегративном понимании — совокупность практик, социальной мифологии, а также материальных объектов, которые «обрамляют» повседневные взаимодействия, политику. И эти фигуры есть форма легитимации повседневности, складывающихся в этом обществе отношений.

Здесь становится вопрос фигуры Бога, которую вводит Декарт. Что же занимает место этого Бога сейчас? Ответ, как кажется автору, лежит в сфере повседневности (её практиках), гегемонии и коммуникации. Становление политического субъекта всегда требует некоторой гегемонии, иначе нельзя говорить о политическом интересе, артикуляции требований и их реализации. В сфере гегемонии находится политический субъект.

Концепция «смерти бога» Ницше, продолженная Ж. — Ф. Лиотаром, констатировавшим смерть метанарративов, ставит вопрос о том, что сейчас заменяет фигуру Бога во всякой возможности субъективации?

Политический субъект — это складка, похожая на юбку во время танца. Под «складкой» здесь понимается, прежде всего, то, что даёт субъекту существовать в динамике, создавая динамическую метафизику субъекта, прочно спаянного с практикой. Поэтому метафора танца столь важна. Политический субъект склонен меняться, и он очень скоротечен. Зависимость субъекта от топоса выражает его скоротечность. Выплёскивание субъекта в поле политики, по мнению автора, есть следствие общественной и топологической структуры общества. Сообщество, будучи вынужденным находиться вместе (Жан-Люк Нанси) и вместе с тем соседствуя с фигурой другого и даже совсем-другого, должно придерживаться состояния не-противоречивости по отношению к топосу (нарративам, практикам, материальному окружению) до новой складки политического субъекта в фигуры другого и т. д. Подобное состояние характеризуется определённым набором нарративов, которые актуализируются в субъекте, приобретая мифологический характер. Миф в числе всего прочего — повторяемость — вечное возвращение одного и того же. Фигура Бога есть нечто подобное метанарративу (в том числе в мысли Декарта), которая позволяет миру «повторяться».

Поворот к повседневности и практике редуцирует дихотомию внешнего и внутреннего, субъекта и объекта. Практика дорефлективна. Политика есть рефлексия. Коммуникация делает структуру топоса принципиально открытой. Топологическое окружение формируется на пересечении различных дискурсивных практик, мифологий, которые восходят к повседневности, со всеми её типизациями, институционализациями и со-общественностью (которая лежит в основе политической субъектности), но, тем не менее, ограниченными структурами материальности, записи. Таким образом, политический субъект образуется в структурах, которые образуются в процессе взаимодействия с топосом, в который могут быть включены различного порядка мифы, практики, материальные объекты. Здесь идентичность индивида создается в практиках повседневности в топологических структурах.

Однако субъект живее всех живых на арене современной политики, хоть и завуалирован. Политический субъект является площадкой постоянного воспроизводства мифов. Мифы, потерявшие смысловую субстанцию, начинают функционировать в новых условиях с уже другим содержанием, в процессе чего происходит расщепление означаемого и неравенство субъекта самому себе. В итоге субъект, который должен на всё иметь мнение и этим убеждаться в своём существовании, оказывается в весьма щекотливом положении.

Карл Шмитт даёт интересную трактовку политике и политическому. Он говорит, что, чтобы определиться с тем, что называть политическим, нужно выделить его основные категории, которые помогли бы провести различие. И таким специфическим различием, считает Шмитт, являются отношения различения «друга» и «врага». Смысл же данного разделения в показании «высшей степени соединения и разделения, ассоциации и диссоциации», то есть в формировании некоей идентичности. Рансьер в некотором смысле продолжает эту мысль Шмитта, говоря про «политику другого», как про невозможную коммуникацию. И Шмитт подчёркивает, что главным фактором этого различия является инаковость, а не этические или эстетические категории. Но такое разделение всегда с логической точки зрения остаётся неполноценным в том ключе, что одно понятие определяется через другое по принципу дихотомии, так что последнее остаётся не раскрыто, что несколько противоречит принципам делиберативности, о чём нам и пытается сказать Жак Рансьер.

Однако подобные водоразделы не всегда становятся абсолютными по отношению к реальной политике. Постполитика разрушает даже свои основы, словно Уроборос, пожирая свой хвост. Она становится значительно фрагментированной. Она строится в русле некоторой со-бытийности, био-политики, повседневности и метаполитики (как некоторой рефлексии).

Однако общественный и интересубъективный характер субъекта должен учитывать динамическую часть. Некристаллизованные формы опыта становятся катали-

затом политизации сообщества. Здесь стоит понимать, что всякого рода означающие, служащие для именования сообщества (например, «левые», «жители города Краснодара, требующие смены губернатора»), выполняют функцию фиксации, сборки, репрезентации субъекта в рамках институтов. В этом ключе чрезвычайно важен тезис Ж. Рансьера о «политике» и «полиции». «Полицией» он именуется отношения, возникающие у сообщества с институтами государственной власти, прежде всего, зафиксированные. А под «политикой» он понимает неучтённые отношения, складывающиеся между сообществами и внутри них. Политический субъект скло-

нен меняться и очень скоротечен. Зависимость субъекта от опыта выражает его скоротечность. Субъект, находясь в рамках сообщества, совершает определённые практики (например, совершение намаза, молебна; хождение в школу, университет), которые позволяют некоторому опыту повторяться. Подобное состояние характеризуется определённым набором нарративов, которые актуализируются в субъекте, приобретая мифологический характер, типизируясь. Миф есть, в одном из своих свойств, повторяемость. Фигура Бога есть нечто подобное метанарративу (в том числе в мысли Декарта), которая позволяет миру «повторяться».

Литература:

1. Декарт Р. Первоначала философии // Сочинения в двух томах: Пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
2. Кант И. Критика чистого разума М.: Наука, 2006. — 512 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. — 592 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей // Избранные произведения: в 3 т. М.: REFL-book, 1994. Т. 1. — 352 с.
5. Словарь иностранных слов русского языка. Доступ: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36271/ТОПОС

Формирование гендерных стереотипов в информационном обществе

Хижняк Анна Сергеевна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Современный этап общественного развития принято считать этапом становления нового информационного общества, отличительной чертой которого является его глобальный характер. Системообразующий элемент такого общества — информация, которая проникает во все сферы жизнедеятельности человека, объединяя их в систему. Количество ресурсов, которыми может воспользоваться человек, в информационном обществе увеличивается, но, как и прежде, проблема их равномерного распределения остается актуальной. Одно из самых наглядных проявлений неравенства в доступе к общественным ресурсам — гендерное. В информационном обществе это неравенство, помимо традиционных для женщин препятствий в экономической и социальной сферах, обостряется неравным доступом к информационно-коммуникативным ресурсам. Это неразрешенное на сегодняшний день противоречие является одной из ключевых проблем современности, что доказывает ценность исследований в этой области.

Проблема гендерного неравенства в современном мире привлекает не только научное сообщество, практиков женского движения, но и крупнейшие международные организации — на глобальном уровне ее курирует специальный Заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по вопросам коммуникации и информации. После всемирного Саммита по проблемам информационного общества в Тунисе

в 2005 г., гендерная проблематика была включена в число основополагающих принципов построения и развития информационного общества.

25 сентября 2015 Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой проблема преодоления гендерного неравенства стала одной из ключевых. В документе говорится о том, что обеспечение гендерного равенства внесет решающий вклад в продвижение к достижению всех целей и задач, так как раскрыть в полной мере человеческий потенциал и обеспечить устойчивое развитие невозможно, если половина человечества будет по-прежнему лишена основных прав и возможностей. Резолюция утверждает цель, ликвидировать к 2030 году все формы дискриминации в отношении женщин, для этого предлагается следующее:

— Признавать и ценить неоплачиваемый труд по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства, предоставляя коммунальные услуги, инфраструктуру и системы социальной защиты

— Обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни

— Провести реформы в целях предоставления женщинам равных прав на экономические ресурсы, а также доступа к владению и распоряжению землей и другими формами собственности

— Активнее использовать высокоэффективные технологии, в частности информационно-коммуникационные технологии, для содействия расширению прав и возможностей женщин

— Принимать и совершенствовать разумные стратегии и обязательные для соблюдения законы в целях поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек на всех уровнях. [4]

Таким образом, мировое сообщество осознает неблагоприятное положение женщин: насилие, дискриминацию в доступе к работе, экономическим благам и участию в процессе принятия решений в частной и общественной жизни, и стремится решить эту проблему. Благодаря национальным и международным усилиям некоторые успехи в этой области все же были достигнуты, например, к 2015 году большинство регионов достигли гендерного равенства в сфере начального образования, возросло участие женщин в политической жизни. Однако гендерное равенство в полном масштабе, как признает ООН, продолжает оставаться отдаленной целью, число недовольных своей жизнью женщин только увеличивается. Почему же это происходит?

Для ликвидации гендерного неравенства ООН предлагается проводить реформы в различных сферах общественной жизни, изменить законодательство, обеспечить женщинам правовую защиту. Однако нельзя назвать эти методы полностью эффективными. Как пример — система гендерного квотирования, которую международные организации называют достаточно успешной. Не учитывается фактор того, что большинство женщин, пришедших в политику таким образом, обладают более низким уровнем образования и профессиональной подготовки, поэтому на уровне властных отношений реализуют мужские интересы.

В планах ООН по преодолению гендерного неравенства выделяется вниманием одна из важнейших его причин — субъективные стереотипные представления о разделении «мужских» и «женских» ролей и моделей поведения. Современное общество ограничивает субъектов рамками определенных гендерных предписаний, при этом определяя их деятельность в этих рамках как положительную или отрицательную, типичную или нетипичную. Так, по традиции «мужчина должен быть кормильцем в семье», «мужчина не обязан выполнять женскую работу», а «женщина должна быть хорошей матерью, зарабатывать меньше мужа». Поведение субъектов, не выполняющих предписанные системой нормы, не одобряется, считается исключением из нее. Феминные и маскулинные характеристики гендера в определенных политико-экономических условиях меняют общественное восприятие. Например, работодатель не примет молодую незамужнюю девушку на ответственную должность в силу определенного «рационального» выбора, на самом деле диктуемого

общественно закрепленными стереотипами. Регулярное повторение подобных ситуаций приводит к формированию в обществе феномена «стеклянного потолка» — невидимого искусственного барьера, формируемого гендерными предрассудками и закрывающего женщинам путь к руководящим должностям в любой сфере управления. Стоит отметить, что гендерные предписания оказывают негативное влияние не только на женщин. С 1 января 2007 г. Трудовой кодекс РФ регламентировал отпуск по уходу за ребенком не только матери, но и отцу, так же другим родственникам, фактически осуществляющим уход за ребенком. Мужчины, воспользовавшиеся этим правом, сразу воспринимаются как атипичные субъекты, так как общественное мнение считает отпуск по уходу за ребенком непрестижным и противоестественным для мужчины занятием. Таким образом, если субъекты нарушают правила общества и берут на себе не свойственные гендерные роли, система пытается их исключить, автоматически относя к категории непригодных.

Реакция на эти явления разнообразна. Одни мирятся с существующей системой, становясь звеном ее воспроизводства, например, женщины — госслужащие, объясняющие свое многолетнее пребывание на одной должности «биологической неспособностью руководить». Другие вновь пытаются обрести свою субъектность в борьбе против гендерных предписаний, иногда безрассудно заходя за рамки таковых. Это грозит разрушить не только систему угнетения, но и общественные институты, без которых мировая система не сможет нормально функционировать.

Как известно, основополагающие элементы современного информационного общества — компьютерные сети, информационные технологии, телекоммуникационные связи. Немалое значение в формировании такого общества отводится средствам массовой информации, в то же время играющим роль средств закрепления стереотипов в общественном мнении. Нельзя сказать, что современные СМИ стали полностью независимы от политики государств, зачастую они продолжают выражать интересы власти, внедряя в общественное сознание «удобную» информацию. Не обходит стороной такая информация и гендерные процессы. Средства массовой информации активно используют образ женщины и мужчины, предлагая им определенное место в обществе, закрепляя за ними определенную социальную роль. На сколько такое представление о социальных отношениях взаимодействия полов будет стереотипно, зависит от ряда факторов. К таким факторам можно отнести стадию научного и информационного развития общества, его культурно-исторические особенности, сложившуюся в нем политическую систему, степень зависимости СМИ от власти; идеологию, господствующую в данном обществе в определенный период времени и т. д.

Так, например, в советский период — время экономической мобилизации женщин, пропагандировалась идея активного участия женщин в общественной жизни, им предписывалась роль «работницы и матери». [3] Можно

обратить внимание на агитационные плакаты тех времен. В 1920–1950 женщина на плакате призывала к труду, к знаниям, к участию в производстве и государственном строительстве, плакаты времен второй мировой войны ассоциировали женщину с Родиной — «Раскрепощенная женщина — строй социализм!», «Ударницы заводов и совхозов, вступайте в ряды ВКП [6]», «Родина-мать зовёт!» и т. д.

С началом перестройки женщин призвали вновь вернуться к своему естественному предназначению преданной хранительницы домашнего очага, так как по мнению власти ее эмансипация зашла слишком далеко. В то же время в период трансформаций под влиянием процессов, происходящих на Западе, вместо традиционной гендерной политики появились конфликтующие публичные дискурсы, новые гендерные роли, иное понимание отношений между полами. [2] Несмотря на это, в информационном пространстве российского общества в настоящее время эти отношения представлены достаточно стереотипно.

Ярким отображением таких стереотипов является реклама. Экспертами в этой области были названы роли, чаще всего предписанные рекламой мужчинам и женщи-

нам. Для женщин это «домохозяйка», «красавица», «мать», для мужчин — «бизнесмен», «спортсмен», «казанова». [1]

Несколько по-иному представлены гендерные отношения в западных СМИ и рекламе. Под влиянием западного образа жизни, либеральных тенденций, активности женского движения, популярность обретает реклама, критикующая традиционные представления о гендерных ролях. Например, для рекламы куклы Barbie был снят ролик, рассказывающий о мечтах девочек, играющих в куклы. Они пробуют себя в роли университетского профессора, ветеринара, футбольного тренера, бизнесмена. Образ сильной женщины, обладающей естественной красотой — еще один тренд современной западной рекламы. Все чаще на экранах появляются спортсменки, утверждающие что «мужество внутри каждой женщины».

В заключении, можно прийти к выводу, что для преодоления гендерного неравенства, мировое сообщество должно обратить внимание не только на его последствия, но и на ключевые причины. Система преодоления гендерных стереотипов на глобальном уровне еще не разработана, но ее создание — важный шаг на пути к гармонизации человеческих отношений в новом информационном обществе.

Литература:

1. Петров М. С. Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2010. — № 124. — С. 401–407.
2. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 117.
3. Скорнякова С. С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. — СПб.: СПбГПУ, 2004. — С. 225–231.
4. Цели в области устойчивого развития: 17 целей для преобразования нашего мира // Организация Объединенных наций. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 07.01.2017).

СОЦИОЛОГИЯ

О многообразии управленческих стилей

Игебаева Фания Абдулхаковна, кандидат философских наук; доцент
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Анализ управленческой деятельности в период формирования российского аграрного рынка позволяет сделать вывод о том, что одним из решающих условий успеха руководителя является необходимость обеспечения его влияния на своих подчиненных с целью полной их самореализации в профессиональной сфере. Заметим, что эффективный руководитель выполняет эту работу в процессе реализации трех основных ролевых функций: как высококвалифицированного специалиста, умелого организатора совместной трудовой деятельности, грамотного практического психолога и воспитателя подчиненных [1, с. 105].

Главной характеристикой эффективности руководства является стиль управления, который применяет в своей работе менеджер. Стиль руководства — индивидуально-типические характеристики устойчивой системы методов, способов, приемов воздействия руководителя на коллектив с целью выполнения организационных задач и управленческих функций. При этом он должен учитывать множество объективных и субъективных условий и обстоятельств, в зависимости от которых стиль получает свое конкретное содержание.

Стиль руководства в контексте управления — это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным. Степень, до которой управляющий делегирует свои полномочия, типы власти, используемые им, и его забота, прежде всего, о человеческих отношениях или, прежде всего, о выполнении задачи — все отражает стиль руководства, характеризующий данного руководителя. К настоящему времени исследователи накопили немалый материал по данной проблеме. [2, с. 59–62]. В литературе по теории и практике управления коллективом предложено множество стилей современного руководителя со своими плюсами и минусами. Рассмотрим их.

Авторитарный. Для этого стиля характерно единоличное принятие руководителем всех решений в коллективе, когда последнее слово всегда остается за ним. Достоинством данного стиля можно считать способность руководителя принимать на себя персональную ответственность, особенно в критической ситуации, а недостатком является игнорирование инициативы и творческих начинаний подчиненных.

Коллегиальный. Основная установка в деятельности руководителя данного стиля: «Надо посоветоваться с коллективом». Решения принимаются главным образом коллективом и в этом главный плюс коллегиального стиля. Минус же состоит в том, что порой на коллективное обсуждение выносятся незначительные вопросы, не требующие детального рассмотрения.

Плановый. Руководитель этого стиля в своей работе строго придерживается плана и всевозможных программ. И хотя управление на основе проработанного плана и является положительным качеством, но иногда слишком точное следование заданному плану может тормозить работу, не давая возможности для оперативной перестройке деятельности.

Авральный. Это стиль спешки, когда руководитель мобилизует коллектив для достижения цели любой ценой. По-настоящему, что в условиях аврала заметно снижается не только качество выполняемой работы, но и неизбежно возникают конфликтные ситуации в коллективе.

Либеральный. Данный стиль руководства иногда называют попустительским, поскольку коллектив, как бы «плывет по течению», живет сам по себе, решая возникающие вопросы и не особо признавая руководителя. Достоинством этого стиля считается то, что инициатива подчиненных не подавляется, а недостаток состоит в том, что либеральный руководитель чаще всего характеризуется как беспринципный и не деловой.

Регламентирующий. Этот стиль прямая противоположность либерального стиля, когда регламентации подвергается вся работа подчиненных: что нужно сделать, кто, как и когда это должен сделать. В итоге регламентация и постоянный контроль за работой сотрудников создают в коллективе нервную обстановку.

Перестроечный. Руководитель данного стиля полон всякими идеями, проектов. Он постоянно старается видоизменить, усовершенствовать свою организацию и потому она находится в состоянии налаживания дел. Несмотря на, казалось бы, благие намерения руководителя, порой перестройка осуществляется ради перестройки.

Консервативный. Для руководителя данного стиля характерно строгое следование традициям, раз и навсегда

установленным порядкам, способам и принципам решения управленческих задач. Позитивным моментом в этом стиле руководства является то, что он несет в себе некую уверенность в стабильности и устойчивости коллектива. Однако при таком управленческом стиле коллектив обычно плетется в хвосте событий.

Дипломатичный. Руководитель данного стиля имеет в коллективе репутацию дипломата, который способен договориться даже тогда, когда для этого, казалось бы, нет реальных возможностей. При принятии решений обычно он делает ставку на личные контакты и связи. Руководитель — дипломат может менять свои требования и указания так, как это выгодно ему в создавшейся ситуации.

Документальный. Это стиль руководителя, который много внимания уделяет «бумаготворчеству», т. е. подготовке разного рода документов, справок, письменных распоряжений. В итоге у него остается мало времени на руководство коллективом. Достоинством руководителя этого стиля является то, что вся деловая документация (планы, отчеты, деловая переписка) у него всегда находятся в полном порядке.

Лидерский. Данный стиль характеризуется тем, что руководитель вдохновляет подчиненных на решение проблем, стоящих перед коллективом. Он глубоко верит в себя и в возможность выполнения намеченных планов. Если при этом лидер имеет высокий уровень творческих способностей, то он реально становится творческим руководителем коллектива. Недостаток этого стиля состоит в том, что руководитель-лидер часто использует не все резервные возможности членов коллектива.

Административный. Руководитель этого стиля строго придерживается всех указаний, распоряжений, идущих сверху, и выполняет их, чего бы это ему не стоило. При этом руководитель-администратор для преодоления сопротивления подчиненных может использовать административное давление. К положительным моментам данного стиля можно отнести то, что руководитель владеет знаниями должностных инструкций и механизмами административного управления коллективом.

Отметим, что при всем многообразии управленческих стилей специалисты выделяют **творческий стиль управления коллективом**, считая его идеальным. Он предполагает, применение руководителем в решении каждой новой управленческой задачи аграрного производства различных стилей, с предпочтением наиболее оптимального и результативного для сложившейся ситуации.

Современный руководитель творческого стиля должен уметь:

— Мыслить широко и масштабно, системно и комплексно, видя развитие своей организации на большую перспективу, но и не забывая о сиюминутных делах и задачах.

— Быть демократичным и коллегиальным, поощряя и поддерживая творческую инициативу подчиненных, но одновременно и авторитарным по отношению к лодырям и демагогам.

— Быть готовым к риску, способным полагаться не только на интуицию, но и на научно обоснованный расчет.

— Быть добрым и деликатным, одновременно требовательным в вопросах качества работы и дисциплины труда в коллективе.

— В решении возникающих задач, использовать передовой опыт, научный подход, уметь анализировать причины поражений.

— Умело и грамотно применять в своей повседневной деятельности следующие принципы:

1. Принцип инструкции. Управлять предпочтительно с помощью правил и инструкций, а не приказов и распоряжений.

2. Принцип близости. Вопросы должны решаться как можно ближе к тому уровню, на котором они возникли.

3. Принцип оперативности. Руководитель должен оперативно реагировать на происходящее, чтобы подчиненные постоянно ощущали оценку их действий руководителем.

4. Принцип воспитания. Руководитель должен постоянно показывать пример и воспитывать подчиненных — словом и делом.

5. Принцип делегирования. Делегирование полномочий только тогда результативно, когда руководитель оставляет за собой управленческую ответственность.

6. Принцип терпения. Во взаимоотношениях с подчиненными руководитель должен проявлять бесконечное терпение.

7. Принцип ответственности. Работник должен нести ответственность только за то, на что он в состоянии повлиять [3, с. 420].

В настоящее время руководители предприятий АПК должны больше внимания уделять личностным качествам своих подчиненных, их преданности организации и способности оперативно решать проблемы. Высокие темпы морального старения и постоянные перемены, характерные сегодня почти для всех отраслей экономики, в том числе и аграрного производства, подталкивают руководителей быть готовыми к техническим и организационным реформам, а также к изменению стиля руководства. Отметим, что даже самый опытный руководитель, прекрасно владеющий теорией управления, не застрахован от эмоциональной реакции на ситуацию.

Эффективность управления коллективом может быть достигнута при чутком отношении руководителя к своим подчиненным, соблюдении им принятых социальных норм, умении ценить в каждом человеке личность и чувство его полезности для людей, как бы он ни отличался уровнем своих способностей и занимаемым положением. Кемаль Ататюрк когда-то заметил: «И лучшие люди иногда попадают в худшие ситуации». Помня это, руководитель, ни при каких обстоятельствах, не должен ущемлять достоинства других людей, в какие бы ситуации они не попадали [4, с. 41].

Реализуя себя в качестве менеджера, мы имеем дело не только с ресурсами, машинами, продуктами, не только с производственными, снабженческими и бытовыми процессами, различными документами, но мы постоянно работаем с людьми — руководим подчиненными, советуемся со специалистами, общаемся с трудовым коллективом. От того, насколько хорошо мы это делаем, зависит наша репутация и авторитет, а, соответственно, и успех дела [5, с. 306].

От выбора стиля руководства предприятием АПК зависит не только авторитет руководителя и эффективность его работы, но также атмосфера в коллективе и взаимоотношения между подчиненными и руководителем. И закончить статью хотелось бы словами В. Уорда: *«Посредственный руководитель — излагает, хороший — объясняет, выдающийся — показывает, великий — вдохновляет»* [6, с. 33–34].

Литература:

1. Игебаева Ф. А. Современный руководитель АПК: каким он должен быть (на примере Республики Башкортостан) // Аграрный вестник Урала. Всероссийский научный аграрный журнал, 2014, № 6 (124), С. 105–108.
2. Галимова Г. Н., Игебаева Ф. А. Стили руководства // Уральский регион Республики Башкортостан: человек, природа, общество: Материалы региональной научно-практической конференции. — Сибай: Изд-во ГУП РБ «СГТ», 2010. — 268 с.
3. Морозов А. В. Деловая психология. СПб.: Изд-во «Союз», 2002. — 576 с.
4. Десяткина М. В. Деловой этикет: теория и практика. Учебное пособие. — Уфа: РИО БАГСУ, 2004. — С. 42.
5. Игебаева Ф. А. О преимуществах и недостатках управленческих стилей // Science, technology and life — 2015, Чехия. В сборнике: Resonances science proceedings of articles the international scientific conference. 2016. — С.305–310.
6. Панкратов В. Н. Культура делового общения и успех. — М.: А-Приор, 2008. — С. 33–34.

Проблемы образования в государственных федеральных учреждениях высшего образования

Исаев Максим Дмитриевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Судьба любого государства напрямую зависит от состояния системы образования. Если государство стремится к развитию, руководство ставит целью занимать одну из первых позиций на мировой арене, то нужно заботиться о грамотности и образованности населения.

Современная система образования переживает достаточно тяжелые времена. Советская школа разрушается, на смену приходят европейские тенденции. Порой внедрение новшеств происходит на неподготовленную почву, или инновации не адаптированы под российский менталитет.

В соответствии со ст. 69 ФЗ № 273 целью высшего образования является обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации. В связи с чем основной задачей отечественного высшего образования по реализации вышеназванной цели является подготовка высококвалифицированных кадров через систему

высшего образования: бакалавриат, магистратуру и специалитет [2].

Необходимо констатировать, что образовательная система России в современный период переживает проблемы трансформации, что обусловлено необходимостью отказа от советской системы образования, повышением престижности российского образования на международной арене, развитием его инновационного потенциала.

Реформирование системы высшего профессионального образования предполагает смену стандартов и методов обучения. Намечилась тенденция на глубокую переоценку образовательных ценностей и предпочтений, что проявилось в формулировании компетенций, которыми следует овладеть студентам. Все ФГОС ВПО содержат те или иные компетенции. Предоставлена значительная свобода в интерпретации содержания компетенций.

Можно выделить определенные проблемы, с которыми приходится сталкиваться вузам России и в той или иной степени решать на федеральном и региональном уровнях.

Введение новых правил приема абитуриентов только по результатам ЕГЭ фактически отстранило преподавателей вузов от процесса набора молодых людей для дальней-

шего обучения. Вузы вынуждены организовывать специальные курсы для дополнительной подготовки абитуриентов к обучению в вузе, учить их не только основам профильных дисциплин, но и развивать навыки критического мышления, самообучения, работы с информацией. Совершенно понятно, что единая система экзаменов, основанная на независимой проверке, выравнивает возможности выпускников с точки зрения поступления в престижные вузы. Однако на том уровне реализации, на котором находится сейчас эта система, ее оставлять нельзя.

Отмечается низкое качество образования в высшей школе, слабое внедрение новых образовательных технологий в образовательный процесс. Основной формой занятий остаются лекции, набор элективных курсов минимален или полностью отсутствует [3].

В вузах нет современных библиотек, где были бы открытый доступ к книгам, система электронного поиска, доступ к международным изданиям и библиотекам онлайн.

В качестве еще одной проблемы необходимо отметить недостаточное развитие механизмов использования возможностей сети Интернет как источника содержания высшего образования. Сегодня в эпоху высоких технологий высшая школа просто не может игнорировать Интернет, используя его и как источник первичной информации, и как средство удаленного взаимодействия, и как способ осуществления научно-исследовательской деятельности.

Довольно много говорится о недостаточном финансировании системы высшего образования. Отсутствие средств является причиной нехватки кадров в системе образования в целом по стране. К тому же, чтобы идти в ногу со временем, необходимо внедрять новые технологии, обновлять уже устаревшее оборудование. В то же время необходимо понимать, что сама по себе финансовая поддержка образования не приведет к резкому повышению его качества. В российском образовании мало профессиональных менеджеров, умеющих эффективно расходовать деньги [4, с. 79].

Определенные сложности характерны для деятельности преподавательских кадров. С одной стороны, можно отметить старение кадрового состава преподавателей вузов. С другой стороны, отмечается неразвитость системы повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. Отсутствует организованная, систематическая кадровая работа по направлению преподавателей в учебные центры повышения квалификации.

Недостаток в России высококвалифицированного кадрового потенциала, в первую очередь в сфере научно-инновационной деятельности, является одним из сдерживающих факторов при разработке крупных инвестиционных проектов национального и международного масштабов, тормозом успешного развития инновационных секторов российской экономики.

Кроме того, следует отметить низкий уровень оплаты труда педагогов государственных вузов, что приводит к не-

обходимости поиска преподавателями дополнительных заработков.

В качестве еще одной проблемы необходимо выделить отношение российского общества к системе высшего образования. Многие современные студенты приходят в высшие учебные заведения не ради приобретения знаний, а для получения «корочки» об окончании вуза. Основная масса выпускников не работает по специальности, оповещая окружающих, что им не понадобились приобретенные в стенах учебного заведения компетенции. Падает престижность высшего образования как системы. Несмотря на то, что в обществе сформировано представление о необходимости окончания вуза, нет единого мнения о том, для чего в нем учиться: ради знаний, профессии или документов об образовании [5, с. 421].

Расширение масштабов высшего образования свидетельствует о его возрастающей роли в экономическом прогрессе, обогащении общественных представлений о жизненных стандартах. В обществе возрождается понимание необходимости высшего образования для жизненного успеха, тяга к высокой культуре и духовности.

В последнее время все чаще поднимается вопрос о том, что высшее образование готовит специалистов не по тем специальностям, которые действительно требуются. По оценкам специалистов содержание востребованных специальностей меняется каждые 5 лет. Система высшего образования просто не в состоянии вовремя реагировать на эти изменения. Как результат выпускник выходит из стен вуза с устаревшими знаниями и вынужден обучаться уже в процессе трудовой деятельности.

Кроме того, многие российские вузы не стремятся устанавливать прочные деловые связи со своими выпускниками, которые могут быть ценным источником информации о реальных процессах и тенденциях, происходящих в профильной отрасли экономики. Работодатель и выпускник практически не привлекаются к разработке и реализации программ совершенствования качества подготовки специалистов [1, с. 111].

В целом следует констатировать, что современная система высшего образования России столкнулась со множеством сложностей как внешнего, так и внутреннего характера, которые она пытается тем или иным способом решить в качестве основных были отмечены проблемы кадрового обеспечения вузов, отношение к высшему образованию в обществе в целом и среди студентов в частности, недостаток финансирования и слабые инновационная и практикоориентированная составляющие системы высшего образования.

В настоящее время многие проблемы, стоящие перед отечественным высшим образованием, требуют серьезной перестройки механизмов финансирования, которые должны быть направлены на обеспечение прозрачности и конкуренции, на повышение инвестиционной привлекательности системы высшего образования. Кроме того, необходимо стремиться к тому, чтобы высшие учебные заведения стремились самостоятельно развивать экономически

привлекательные проекты и отрасли, но при этом не гнались за «модой», не хотели таким образом заработать, а развивали инвестиционно привлекательные направления своей деятельности.

Важнейшей частью обновления механизмов финансового обеспечения должен стать переход от административного распределения контрольных цифр приема в вузы к действительно конкурентным методам распределения государственного задания на обучение. При этом вузы должны заранее знать критерии, в соответствии с которыми Министерство образования и науки РФ планирует распределять средства на финансирование высшего образования.

В целом следует отметить, что современная система высшего образования должна быть более гибкой, динамичной и обеспечивать быструю адаптацию к изменяющимся социально-экономическим условиям. Необходимо опережающее развитие образования по отношению к обществу. Однако при всей очевидности необходимости реформирования образования к нему надо подходить весьма осторожно. Результаты образовательной политики, внедрения инноваций часто сказываются только через 10–15 лет. Порой они непредсказуемы, и при отсутствии грамотного планирования и постоянного контроля могут повлечь системные проблемы.

Литература:

1. Аветисян И. А. Проблемы финансирования высшего образования в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25) — С. 110–112.
2. Бодрова Е. В., Никитина С. Б. Кризис системы образования, Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX–XXI веков // официальный сайт Московского Гуманитарного Университета [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova&Nikitina.pdf>
3. Ильин Г. П. Кризис как устойчивое состояние современного образования // Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) [Электронный ресурс]. — URL: http://rus.aktobe/kz/beb/g6_05_02.htm.
4. Карманова Д. Кризис российского высшего образования: к проблеме аспектизации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 1. — С. 78–84.
5. Нойкин К. И. Проблема финансирования образовательных учреждений в России // Молодой ученый. 2014. № 18. — С. 420–424.

Социальная работа с молодыми выпускниками детских домов

Каримова Кундузхан, магистр;

Артыкбаева Сонунбу Жумабековна, магистр, старший преподаватель
Ошский технологический университет имени академика М. М. Адышева (Кыргызстан)

В современном Кыргызстане социальное положение молодежи не из легких, поэтому в обществе имеются разные категории молодежи и с разными потребностями.

Молодежь из обыкновенной, полноценной семьи, которая воспитана родителями, с трудом получает образование, профессию. Выпускники детского дома, которые тоже хотят получить хорошее образование и профессию, относятся к особой категории молодежи, решение проблем которых на сегодняшний день остается весьма актуальным.

В Кыргызстане было проведено немало исследований. Можно опираться на одно из этих исследований, которое было проведено общественно благотворительным фондом «Oasis» и общественной организацией «Наш голос». К исследованию привлечено 350 молодых выпускников (2009–2013 гг.) детских домов с возрастным показателем от 15 до 25 лет. Из них 48% — девушки, 52% — юноши. Социальный состав опрошенных: 45% считают себя «круглыми сиротами», 43% — лишенные «родительской опеки», 6%

считают себя воспитанниками с «ограниченными возможностями здоровья и полусиротами»

[4,4–6 с.].

По результатам этого исследования дана оценка возможностям адаптации выпускников к окружающему миру, в какую среду попадает выпускник. Эта оценка выражается следующим показателем опрошенных выпускников.

Полноценной адаптации к взрослой жизни выпускникам детских домов препятствуют следующие проблемы:

2,8% воспитанников привлекаются к экстремистским организациям и радикальной религии, 7,4% выпускников — к преступным группировкам, 8,0% — к алкогольным напиткам и наркотикам. У 9,1% — отсутствует возможность профессионального образования, 11,4% — отсутствие начального капитала для бизнеса, 14,2% — нецелесообразность и пассивность выпускников, у 17% возникают проблемы устроиться на работу, 39,2% — недостаточность социальных навыков, отсутствие жилья и т. п. [4,32с.].

Полноценной самостоятельной адаптации также препятствуют заражение ВИЧ/СПИДом, участие в противоправных действиях, привлечение в экстремистские группы, пристрастие к наркомании, совершение самоубийств и склонность к самоубийству (суицидальному поведению), проституция, вступление в преступную сферу, пьянство, бродяжничество (бродяги), заключение в тюрьмы [4,33].

В Кыргызстане «... каждый год около 400 молодых людей выпускаются из детских домов, через 10 лет — 4000, через 20 лет — 8000» [4,4–6с.], поэтому все должны осознавать необходимость решения проблем социальных сирот на общественном и государственном уровне. В некоторых исследованиях даны такие выводы: проблема социальных сирот — «это проблема общегосударственная, как бы мы ни старались, но молодежь, оказавшаяся в жизненнотрудных ситуациях, даже у которой есть родители, нуждается в социальной поддержке, социальной помощи, социальной защите» [4,4с.]. Наша страна, являясь социальным государством, должна как одну из высших ценностей признать социальную защищенность человека.

Положительную роль в системе поддержки воспитанников и выпускников может сыграть обеспечение так называемого «наставничества», предполагающего наличие у каждого из них в предвыпускном и выпускном периоде значимого взрослого. В качестве таких взрослых могут выступать родственники или знакомые воспитанников (выпускников), работники детского дома или работники другой организации, занимающейся решением вопросов социальной адаптации детей-сирот (учреждения профессионального образования, предприятия, общественной организации), а также волонтеры.

На основе проведенных исследований личности выпускников, а также результатов процесса адаптации выделяют несколько групп выпускников по степени сложности проблем, с которыми они сталкиваются в период постинтернатной адаптации и, соответственно, требуемой им помощи в социальной адаптации.

Первая группа — выпускники, имеющие достаточно высокий уровень социальной компетентности, хорошо структурированные жизненные планы, получившие общее образование и готовые продолжать обучение в образовательном учреждении начального, среднего или высшего профессионального образования либо устроиться на работу. Выпускники этой группы могут нуждаться в социально-педагогической и психологической поддержке в начальный период жизнеустройства по завершении пребывания в детском доме.

Вторая группа — выпускники, у которых недостаточно сформированы социальные навыки, четкие жизненные планы, способность к самостоятельному принятию решений, они недостаточно активны, имеют проблемы с коммуникацией, закреплением в коллективе по месту обучения или работы. Эта группа выпускников нуждается в информационной, социально-педагогической и психологической

поддержке, интенсивном сопровождении и оказании содействия в жизнеустройстве.

Третья группа — выпускники, имеющие нарушения здоровья, физического или психического развития, а также нарушения, связанные с социальной дезадаптированностью. Они не обладают достаточно развитыми социальными навыками, имеют серьезные проблемы с адаптацией в обществе, продолжением образования и трудоустройством, отличаются высоким уровнем конфликтности, низкой социальной компетентностью. Такие выпускники нуждаются в специальной помощи и организации сопровождения и контроля за их жизнью в целях преодоления сложной жизненной ситуации, которые могут быть оказаны усилиями специалистов различного профиля (педагогов, психологов, дефектологов, врачей, социальных работников) и при длительном сопровождении (до 5 лет и больше).

Учет особенностей психологического, социального, медицинского статуса выпускников, а также разработка программ социальной адаптации, отвечающих потребностям каждой из перечисленных групп, являются важными аспектами организации их постинтернатного сопровождения.

Отсутствие системы или наличие неэффективной работы по социальной адаптации и постинтернатному сопровождению выпускников приводит к тому, что, покидая детский дом, молодые люди, по сути, совсем ещё дети, оказываются не готовыми к самостоятельной жизни, и у них возникают такие проблемы, как:

- ведение иждивенческого образа жизни;
- формирование алкогольной или наркотической зависимости;
- совершение правонарушения, вовлечение в преступную деятельность.

У социальных сирот с рождения не все нормально. И в совершеннолетия каждый час наполнен неожиданностями. Для них в нужный момент важный человек в нужном месте может ли появиться?

Отвечая на этот вопрос, мы могли бы отметить, что важным человеком мог бы стать социальный педагог, социальный работник, социальный психолог или можно назвать их по-другому «наставник-воспитатель», «общественный воспитатель», который могли бы заменить родителей.

Социальная работа с молодыми выпускниками должна включать в себя социально-педагогические, социально-психологические, социально-трудовые сопроводительные и адаптационные работы.

Вхождение выпускников детского дома в самостоятельную жизнь сопряжено с большими сложностями и не всегда проходит успешно. Выпускник, вступая во взрослую жизнь, сталкивается с рядом проблем: обеспечение жильем, поиск работы, организация быта, питания, досуга, взаимодействие с широким социумом и другими.

Длительное пребывание в условиях детского дома нередко приводит к формированию у воспитанников особого социально-психологического статуса, который характеризуется наличием иждивенческих установок, низким уровнем

нем трудовой мотивации, правовой грамотности, повышенным уровнем виктимности, уязвимости перед различными формами эксплуатации.

В результате выпускники зачастую не могут воспользоваться предоставленными социальными льготами и гарантиями, защитить собственные права, установить контакт с окружающими людьми, становятся жертвами насильственных преступлений, мошеннических действий, влекущих утрату собственности (прежде всего, жилья), вовлекаются в совершение антиобщественных действий и противоправную деятельность.

В связи с этим, одной из приоритетных задач в области социальной адаптации выпускников детского дома является совершенствование системы социальной работы по воспитанию и обучению воспитанников, подготовке их к самостоятельной жизни после выпуска из детского дома. Во многих странах, включая страны СНГ, разработаны специальные программы для 9–11-классников таких учреждений.

Целенаправленная работа по подготовке детей-сирот к дальнейшей жизни в обществе должна начинаться с момента поступления ребенка в учреждение. Эта работа должна включать в себя:

1. Создание в учреждении условий, приближенных к условиям семейного воспитания (включая формирование разновозрастных «семейных групп», наличие постоянных воспитателей в группах).

2. Разработку и реализацию программ воспитания, реабилитации и социальной адаптации воспитанников, обеспечивающих их комплексное индивидуально-ориентированное психолого-медико-педагогическое и социальное сопровождение, и содержащие маршруты постинтернатной адаптации выпускников, основанные на оценке их реальных потребностей и возможностей.

3. Обеспечение качественного образования воспитанников, организацию работы по их профессиональному самоопределению и поиску для них конкурентоспособных профессий.

4. Формирование законопослушного поведения воспитанников.

И в нашей стране можно создавать и развивать такие подготовительные программы для воспитанников детских домов к дальнейшей жизни в обществе. Можно сказать, это один из перспективных путей решения социальных проблем социальных сирот.

Литература:

1. Кыргызстандын балдар уйлорунун бутуруучулору. Укуктарды жана муктаждыктарды баалоо. <http://www.oasiskg.org>. — Б.: 2015. — 39 с.
2. <http://nsportal.ru/shkola/sotsialnayapedagogika/library/2013/11/20/programma-sotsialnoy-adaptatsii-i-postinternatnogo>
3. Марасулова, Н. А., Тайлакова, А. А. Кыргызстанда балдарга социалдык кызмат корсотуунун негиздери. Окуу куралы. — Ош.: 2015—112 бет.
4. Марасулова, Н. А. Кыргыз республикасында балдарды социалдык коргоо. — Б., 2012. — 170 бет.
5. Закон КР «Об основах социального обслуживания населения в Кыргызской Республике» от 19 декабря 2001 года, № 111.

К проблеме безработицы в современных условиях

Пономарев Петр Андреевич, доктор философских наук, профессор;

Марченко Наталья Юрьевна, студент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В настоящей статье выявлены особенности безработицы в РФ на современном этапе, а также наиболее эффективные формы и методы решения проблемы безработицы. Представлены основные виды безработицы, а также процессы, приводящие к росту безработицы и пути их преодоления.

Ключевые слова: безработица, формы, методы, кризис, рынок труда

Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время безработица является одной из важных проблем, так как согласно прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации, на период до 2018г число безработных возрастет до 10,5 млн человек [1, с.37].

Западный экономист Дж. Кейнс считает, что пороками экономического общества является его неспособ-

ность гарантировать совершенную занятость в обществе [4]. Как и Дж. Кейнс, американский ученый А. С. Пигу эти же предпосылки возникновения безработицы на рынке труда. [2, с 52–61]

Безработица характеризуется незанятостью части населения на рынке труда, что и является одной из острых социальных проблем в системе рыночных отношений.

Современный рынок труда в России имеет свои особенности. Он требует новых подходов к изменению сферы социально-трудовых отношений. Необходимо также соответствующее обновление системы государственного управления трудовыми ресурсами на рынке труда.

В современной научной литературе по проблемам занятости выделяются следующие основные формы безработицы [3, с.54–67; 4, с.29–36; 5, с.23–43; 6, с.92–102]:

- фрикционная;
- структурная;
- циклическая.

Фрикционная (текущая, временная) безработица, которая непосредственно связана со следующими факторами:

- сменой и поиском соискателя определенного места работы в связи со сменой профессиональной деятельности,
- миграцией населения из региона в регион;
- получением определенного образования;
- выходом из декретного отпуска;
- переходом с низкооплачиваемой работы на более высокооплачиваемую и т. д.

Так как поиск такой работы требует как определенного времени, так и усилий, то человек, непосредственно ожидающий или ищущий работу, некоторое время находится в особом безработном состоянии на рынке труда. Такой вид безработицы имеет краткосрочный и добровольный характер, так как возникает по инициативе самих соискателей.

Структурная (технологическая) безработица предполагает собой определенные структурные изменения в системе рыночной экономики, которые связаны с изменением непосредственно структуры спроса на продукцию разных отраслей и изменением отраслевой структуры экономики, следствием которого является научно-технический прогресс. Под влиянием технологических изменений спрос на продукцию одних отраслей (включая новые) увеличивается, что ведет к росту спроса на рабочую силу.

Циклическая (конъюнктурная) безработица проявляется в периоды определенных циклических спадов и связана с общим низким спросом на труд во всех отраслях и регионах в связи с сокращением совокупных расходов. Когда определенный спрос на товары и услуги уменьшается при данном экономическом спаде, то происходит сокращение производства, вследствие чего сокращается спрос на рабочую силу и растет безработица.

Неэкономические последствия безработицы связаны с психологическими, социальными и политическими аспектами этого явления.

На индивидуальном уровне вынужденная безработица для любого человека в течение длительного времени приводит к следующим негативным последствиям, а именно:

- снижению уровня квалификации;
- потере уверенности в себе;
- психологическим стрессам;
- отчаянию;
- нервным и сердечно-сосудистым заболеваниям;

- распаду семьи;
- росту алкоголизма и самоубийств.
- потеря стабильного источника дохода может явиться одной из причин, толкающей человека на преступление, асоциальное поведение.

Государственное регулирование рынка труда является системой правовых и организационно-экономических мер государства в обеспечении эффективной занятости, нормальных условий труда и рационального использования рабочей силы, которое включает в себя:

- трудоустройство непосредственно на предприятии путем создания новых рабочих мест, благодаря расширению или созданию новых подразделений, переквалификации работника на другие виды деятельности;
- организацию общественных работ:
  - а) благоустройство территорий, лесных массивов и городских улиц,
  - б) работа на овощных базах, на уборке сельскохозяйственной продукции;

- поощрение частного предпринимательства и мотивирование на самозанятость населения, а также на развитие малого бизнеса путем:

- а) создания товариществ;
- б) организация кооперативов;
- в) учреждение правитель фермерских хозяйств;
- профессиональная подготовка и переподготовка по дефицитным специальностям и профессиям;
- использование гибких форм занятости (надомный труд, неполный рабочий день (неделя) [7, с.448].

Правительство РФ разработало определенный комплекс мер по борьбе с безработицей в период кризиса. Они представлены в антикризисном плане правительства. В режиме немедленного реагирования правительство приняло специальные меры по снижению определенной социальной напряженности и, в первую очередь, в отношении все более ухудшающейся ситуации на рынке труда [8, с.139]. На высшем правительственном уровне организован и проводится еженедельный мониторинг увольнений работников в связи с ликвидацией организаций или штата.

Эффективность политики занятости, проводимой правительством РФ, в большинстве своем определяется масштабами и уровнем безработицы в стране [9, с.3–4]. Безработица в той или иной форме действует везде, даже в условиях плановой экономики, но проявляла себя, как правило, в неявной форме. Переход к рынку вскрыл недостатки и несовершенства принципа «всеобщей полной занятости», который позволил по — новому представить проблемы скрытой и явной безработицы [10].

Большинство зарубежных и отечественных ученых в настоящее время, такие как Ванкевич Е. В, Вишневецкая Н. Е, Ивашковский. С. Н, Кейнс Дж. М и т. д., полностью признают следующие негативные последствия бездеятельности человека:

- приводит к потере профессиональной квалификации;

- деморализует психику вынужденно безработных людей;
- приводит к социальной напряженности и преступности;
- приводит к недополучению объема валового внутреннего продукта [11].

Отрицательные последствия безработицы вызывают насущную необходимость ее регулирования на государственном и региональном уровнях. В этой связи мы выделяем два основных направления управления безработицей:

- влияние на снижение ее естественного уровня;
- смягчение (устранение) циклической безработицы [10].

При этом, как мы полагаем, должны использоваться определенные методы как стимулирующей бюджетной,

фискальной, так и кредитно-денежной политики государства. Однако необходимо отметить и учесть, что существует определенная взаимозависимость между уровнем безработицы и темпами инфляции. Исходя из практики наших наблюдений за процессами, влияющими на рост безработицы в стране, можно сделать вывод о том, что жесткая бюджетная и кредитная политика РФ позволяет уменьшить темп определенной инфляции, так как увеличение налогообложения снижает размеры дотаций убыточным предприятиям, уменьшает доступность кредитных ресурсов, а также приводит к банкротству ряда фирм, падению производства и как следствие — освобождению рабочей силы и росту вынужденной безработицы. И, наоборот, стимулирующая бюджетная, фискальная и кредитно-денежная политика сдерживает рост безработицы, но приводит к повышению инфляции.

Литература:

1. Ванкевич Е. В. Экономические отношения занятости: закономерности развития и регулирования. — Мн.: БГЭУ, 2014, 37 с.
2. Вишневская Н. Е. Рынок рабочей силы в ретроспективе XX столетия. // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 9. — С. 52–61.
3. Ивашковский С. Н. Экономика: микро- и макроанализ. — М.: Дело, 2014. — 54–67 с.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М., 2012. — 29–36 с.
5. Количество безработных будет расти. // Национальная экономическая газета. — 2013. — № 69. — 23–43 с.
6. Рынок труда, занятость населения, экономика ресурсов для труда / под ред. А. И. Рофе. — М.: Издательство «МИК», 2013. — 92–102 с.
7. И. К. Станковская, И. А. Стрелец «Экономическая теория» 2012. — С. 448.
8. Пономарев П. А. Барьеры, определяющие конфликт со средой на рынке труда лиц с ограниченными возможностями / П. А. Пономарев, Н. А. Киселева // Научный поиск: Материалы IV Международной научно-практической конференции (31 мая 2015 г.): Сборник научных трудов (Науч. ред. к. п. н. Ю. В. Мамченко. — М.: Издательство «Перо», 2015. — 139 с.
9. П. А. Пономарев «К проблеме безработицы в современных условиях». — С. 3–4.
10. <http://government.ru/media/files/X6NrVuOjjj1ALG5ZoCbVm5G3IQ0lCkh.pdf>
11. <http://ppt.ru/news/135564>

ПСИХОЛОГИЯ

Взаимосвязь типов привязанности и ранних дезадаптивных схем у наркозависимых

Антоненко Екатерина Геннадьевна, студент

Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)

Наркозависимое поведение является аутодеструктивным и пагубно влияет как на зависящую личность, так и на его окружение. Последствия наркомании иногда бывают, необратимы и заканчиваются смертью наркозависимого. Борьба с зависимым поведением является очевидным, поэтому разработка новых теорий и методов работы с наркозависимыми остается актуальной и до сих пор.

Наркозависимому поведению уделяется много внимания, достаточно исследований проведено на тему возникновения, течения и лечения болезни. В большинстве случаев наркомания рассматривается с медицинской точки зрения, так как эта проблема купируется медикаментозно. Но, как говорится, бывших наркоманов не бывает, и поэтому, после снятия всех симптомов, важно начать анализировать проблему в период ремиссии, выяснить, что привело пациента к употреблению наркотических веществ. Более эффективно предотвратить возникновение наркозависимости, чем бороться с ее проявлениями. Поэтому необходимо рассмотреть, какими психологическими предиспозициями обладает человек, для возникновения у него химической зависимости. Одним из важных факторов способствующих формированию наркомании являются детско-родительские отношения. Этот аспект представляет особый интерес, так как на данный момент времени, в отечественной психологии эта область знаний является недостаточно изученной.

В детстве у ребенка развивается чувство привязанности к матери, как к самому близкому социальному контакту. Если чувство привязанности сформировалось правильно, то есть появилась надежная привязанность, то в дальнейшем формируется правильный, адекватный характер, не склонный к аддиктивному поведению. Надежная привязанность является защитной, то есть ее наличие может помочь человеку справиться с трудностями, которые могут возникнуть в течение жизни. В другой ситуации, когда у ребенка произошло нарушение привязанности, формируется «слабый» характер, предрасположенный к наркозависимости. Помимо этого формируются определенный паттерн поведения, как реакция на отвержение ребенка матерью, это и есть дезадаптивная схема. Во взрослом возрасте, эти

схемы активируются, если у человека возникают ситуации, которые похожи на травматические события его детства.

Понятие «типы привязанности» в психологии.

«Привязанность» как понятие, принятое в психологии — это инстинктивное поведение ребенка, а также любая форма поведения, результатом которой является приобретение или сохранение близости с «объектом привязанности», которым обычно является человек, оказывающий помощь» [5]. Зачастую этим объектом привязанности является мать ребенка. Такой феномен, как привязанность, развивается в детстве в ответ на заботу и социальное взаимодействие. Взаимоотношения, которые сформировались у матери и ребенка, можно назвать непосредственно привязанностью, если они имеют ее особые свойства, к которым относится склонность индивида при возникновении опасности к близости к объекту привязанности.

Проблема развития привязанности происходит из-за нарушения во взаимоотношениях в семье, травматических происшествий прошлого, которые сказываются на умение человека развивать отношения с окружающими. Дефекты привязанности будет обусловлено взаимоотношениями родителей к ребенку, действиями социального окружения и личными психологическими особенностями ребенка. Дети, не прочувствовавшие заботы родителей, будут в дальнейшем проявлять трудности во взаимоотношениях с окружающими.

По мере взросления ребенка, привязанность к матери видоизменяется, но не проходит. На место необходимости в ближнем плотском, телесном взаимодействии, появляется более сложная модель привязанности в психологической защите и поддержке, в надежной коммуникации, а также в податливом взаимодействии со стороны родителя. Увеличивается и количество людей, с которыми ребенок устанавливает отношения привязанности, но значение матери, как главного объекта привязанности остается. Как свидетельствуют многократные исследования, воздействие привязанности к матери не лимитируется начальными стадиями детства, а распространяется даже на старшие возрасты жизни. Необходимо отметить, что область

влияния привязанности в действительности гораздо шире сферы детско-родительских взаимоотношений. В критический момент взросления, например, когда ребенок учиться ходить либо при формировании автономности на начальных стадиях, потребность в привязанности продолжает быть актуальной, но при этом появляется острая необходимость исследовательской деятельности. Данные обстоятельства значительным психологическим напряжением, которое может привести к развитию возрастного кризиса. Опираясь на исследования российских ученых, можно сказать, что возрастного кризиса может и не возникнуть, неминуемы только переломные моменты в развитии. Кризис развивается при неблагоприятных детско-родительских отношениях. Отсюда следует, что надежная привязанность является важным критерием литического взросления.

После исследований Дж. Боулби и М. Эйнсворд и их последователей, стали выделять четыре типа привязанности: надежный тип, который сходен с гармоничным течением развития ребенка; два ненадежных — это амбивалентный (тревожно-агрессивный) и избегающий (тревожно-тормозимый) и дезорганизованный тип привязанности, который соответствует патологичным вариантам развития детей.

Параллельно развитию привязанности к близкому взрослому, которая основывается на удовлетворении потребностей, у ребенка формируются поведенческие реакции на то, как откликается объект привязанности на возникшие желания ребенка. Эти поведенческие реакции рассматривал Дж. Янг и назвал их ранними дезадаптивными схемами. На основе анализа выделенных схем Дж. Янг разработал свою интегративную схема терапию. В ко-

торую он включил разбор детско-родительских отношений, переживаний, что может служить «перепрограммированию» дезадаптивных схем.

Понятие «ранние дезадаптивные схемы» в психологии.

Теория Дж. Янга о ранних дезадаптивных схемах вышла из когнитивной психологии. Изначально в когнитивной психологии существовало отдельное понятие, такое как «схема». «Схемы — это когнитивные структуры, организующие опыт и поведение, это система убеждений, глубинные мировоззренческие установки человека по отношению к самому себе и окружающему миру, влияющие на актуальное восприятие действительности» [4]. Объединив когнитивно-поведенческую терапию, теорию привязанности, психоанализ, гештальт-терапию, Дж. Янг разработал схема-терапию, которая основана на формировании ранних дезадаптивных схем.

Под ранними дезадаптивными схемами А. Арнтц и Г. Якоб понимают представления о мире, которые оказывают влияние на когниции, эмоции, воспоминания, социальные взаимодействия и взгляды, а также преобладающие модели поведения. Так называемый искаженный паттерн поведения. Принято считать, что ранние дезадаптивные схемы формируются в детстве. В дальнейшем они могут обнаруживаться с разной степенью интенсивности в зависимости от жизненных ситуаций. Дж. Янг выделил 18 схем, объединенных в 5 групп. Каждая категория схем отражает одну из основных потребностей, удовлетворение которой важно для здорового развития человека. Когда активируется какая-либо схема, порождаются сильные негативные эмоции.

Таблица 1. Ранние дезадаптивные схемы в разбивке по категориям

Категория схем	Схемы
Разобщенность и отвержение	Покинутость/нестабильность Недоверие/насилие Эмоциональная депривация Дефективность/стыд Социальная изоляция/отчуждение
Нарушение личностной автономии и непризнание достижений	Зависимость/некомпетентность Подверженность физическому вреду или болезням Слитность с другими/неразвитое Я Обреченность на неудачу
Нарушенные границы	Обладание особыми правами/грандиозность Недостаток самоконтроля/самодисциплины
Направленность на других	Подчинение Самопожертвование Поиск одобрения
Сверхбдительность и подавление	Негативность/пессимизм Подавление эмоций Завышенные требования к себе Карательность

Принято считать, что дезадаптивные схемы возникают в детстве, когда по каким-либо причинам не удовлетворяются основные потребности ребенка. «Это предполо-

жение подтверждается растущим числом исследований, выявляющих высокую степень корреляции между травматическим или эмоционально формирующим детским

опытом и психологическими проблемами в более позднем возрасте» [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что для формирования дезадаптивных схем необходима определенная неблагоприятная почва. Опираясь на теорию Дж. Янга и теорию объектных отношений, можно сказать, что основу этой почвы представляют детско-родительские отношения, удовлетворение базовых потребностей и детская травма. Возникнув и полностью сформировавшись в детстве, как способ адаптации в микросоциуме (семье), схемы закрепляются, и уже во взрослой жизни начинают выполнять дезадаптивную функцию, так как являются не эффективными.

Характерной чертой проявления схем являются болезненные эмоциональные переживания. Чтобы не допустить их возникновения у человека активируются копинг стратегии или уход в зависимость.

Опираясь на исследования Букановской Т. И., можно сделать вывод, что употребление наркотических веществ помогает справиться с аффективными состояниями переживания горя, страха, неуверенности и других негативных эмоций на качественно другом уровне, а именно получение физического удовлетворения.

Исследование ранних дезадаптивных схем и типов привязанностей у наркозависимых.

Человек склонный к наркозависимому поведению — это обязательно человек, который ранее перенес какой-либо травматический опыт и в силу своих индивидуальных особенностей не смог с ней справиться (поэтому важную роль играет исследование преморбидной личности). Подсознательно, травмированная личность неустанно ищет способ или средство, которое могло бы хоть на какой-то промежуток времени нормализовать аффективное состояние. По началу наркотические вещества справляются с данной проблемой, но вследствие дальнейшего употребления наркотического вещества начинает диктовать человеку систему определенных личностных смыслов, оправдываясь иллюзией удовлетворения потребностей наркозависимого.

Для нас значительный интерес представляет исследование раннего травматического опыта, а именно того, которое было получено в детстве.

Важным фактором развития зависимого поведения является семья. Главной целью семьи является удовлетворение базовых потребностей ребенка. «Родительско-детские

отношения — это система разнообразных чувств родителей по отношению к ребенку, а также ребенка по отношению к родителям, особенностей восприятия, понимания характера личности и поступков друг друга» [2]. Детско-родительские отношения выражаются особой аффективной значимостью. «Важнейшими проявлениями родительского отношения являются нежность, забота, чувствительность к потребностям ребенка, надежность, обеспечение безопасности, предсказуемость, последовательность» [2]. Необходимо брать во внимание все эти сферы функционирования семьи, если они развиваются не правильно, возникает риск формирования зависимого поведения. Даже если в самом начале человеком движет простое любопытство, факт развития наркомании кроется гораздо глубже [3].

Для лиц с любой зависимостью, предмет зависимости является суррогатом близкого человека, с которым могли бы сформироваться близкие отношения привязанности. Суррогат человека в виде нездоровой страсти, например ПАВ, может быть заменой объекта привязанности, который бы мог выверять эмоциональное напряжение, может изменяться в течении жизни, развивая при этом новые аддикции. Приоритет объекта аддикции в том, что он обычно всегда доступен и его можно свободно найти. Если есть трудности в доступе к объекту зависимости, у человека развивается синдром отмены.

Таким образом, детско-родительские отношения, а именно отношения с матерью, которая чаще всего является объектом привязанности, служат для удовлетворения первичных потребностей ребенка. Если потребности ребенка удовлетворялись ненадлежащим образом, у фрустрированного малыша сформировались ранние дезадаптивные схемы, как реакция на свое отрицательное эмоциональное состояние. Дезадаптивные схемы включают в себя иррациональные мысли, которые обуславливают определенный паттерн поведения для того, чтобы справиться с негативной ситуацией. Когда возникает стрессовое событие, человек хочет избавиться от него и от негативных переживаний, связанных с этим стрессом, прибегая к разным способам ухода от реальности, в том числе и употребление ПАВ. Происходит данное действие бессознательно, и человек вполне может рационализировать для себя и других свое поведение, не подозревая, что им движут иррациональные убеждения.

Литература:

1. Арнтц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах. Перевод с англ. Е. Плотниковой; под научной редакцией Черникова А. В. — М.: Научный мир, 2016. — С. 320.
2. Березин С. В., Лисецкий К. Л., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости: Монография. — Москва: МПА, 2001. — С. 356.
3. Дубинин С. Особенности семьи, способствующие возникновению наркотической зависимости у детей и подростков // Сибирский педагогический журнал. — 2011. — № 6. — С. 81–92.

4. Лебедева Д. Л., Никонорова Ю. В., Тараканова Н. А. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. — СПб.: Речь. 2006. — 336 с.
5. Мельникова М. Л. Рисунок «Мать и дитя в диагностике привязанности: Методическое руководство Науч. ред. Сироткин С. Ф. — Ижевск: ERGO. 2007. — 216 с.

Копинг-стратегии у военнослужащих срочной и контрактной службы с разным уровнем фрустрации

Бибарцева Карина Юрьевна, студент;

Научный руководитель: Кравцова Н. А., доктор психологических наук, профессор
Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)

Статья посвящена изучению совладающего поведения и фрустрации у военнослужащих. В рамках статьи предлагается анализ совладающего поведения и фрустрации военнослужащих срочной и контрактной службы.

Ключевые слова: копинг-стратегии, совладающее поведение, фрустрация, военнослужащие

Актуальность исследования

Условия, в которых протекает жизнедеятельность современного человека, часто по праву называют экстремальными и стимулирующими развитие стресса. Это связано со многими факторами и угрозами, в том числе политическими, информационными, социально-экономическими, экологическими, природными. Для совладания со стрессовыми ситуациями человек на протяжении своей жизни вырабатывает так называемые копинг-стратегии, то есть систему целенаправленного поведения по сознательному овладению ситуацией для уменьшения вредного влияния стресса.

Военная профессия во все времена сопровождалась повышенным стрессом и фрустрацией. Тем не менее, молодые люди, которые только осваивают военное дело, тоже подвержены таким явлениям. Особую роль в жизни молодых призывников играет способ адаптации к условиям службы. Как известно, адаптация в большинстве случаев протекает с долей стресса и фрустрации, даже иногда приводя к различным психологическим и соматическим изменениям [2].

В настоящее время геополитическую обстановку в Российской Федерации можно оценить как нестабильную. Важнейшая роль в урегулировании отношений и сохранении мира отводится Военным Силам Российской Федерации. Множество требований выдвигается как молодым солдатам, проходящим срочную службу, так и военнослужащим на контрактной основе.

Военная профессия предполагает наличие экстремальных ситуаций и состояния фрустрации. Очень важно вырабатывать у военнослужащих такое поведение, которое способствует совладанию с трудными ситуациями.

Таким образом, актуальность темы обусловлена с одной стороны, необходимостью изучения влияния тех или иных выбираемых копинг-стратегий на уровень фрустрации, с другой — выявлением взаимодействия этих феноменов у военнослужащих срочной и контрактной службы.

Результаты теоретического анализа проблемы

В современной психологии пристальное внимание уделяется в основном проблеме совладающего поведения и стресса. Однако феномен фрустрации не затрагивается и остаётся мало изученным.

Впервые в литературе термин «копинг» появился в 1962 году в работах Л. Мёрфи при исследовании способов преодоления детьми требований кризисов развития. В 1966 году Р. Лазарус адаптировал это понятие для описания осознанно используемых человеком приёмов совладания со стрессовыми ситуациями и событиями, порождающими тревогу. По мнению автора, «копинг — это непрерывно меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека». Подчёркивается, что копинг нужно рассматривать как процесс, который предполагает изменения и динамику приёмов совладания, так как индивид и среда представляют собой неразрывную, меняющуюся взаимосвязь и оказывают влияние друг на друга [1].

Психология совладания большое внимание уделяет личностным ресурсам и изучению поведения людей в трудных жизненных ситуациях. Существует три базовых подхода, раскрывающих основы различных возможностей, условий и способов преодоления:

1. Диспозиционный подход, основанный на психоаналитическом учении З. Фрейда, выделении стилей стрессового поведения (Д. Паркер) и изучении черт личности (Н. С. Эндлер).

2. Ситуационно-динамический подход. В рамках этого подхода рассматриваются подвижные и изменчивые ситуационно-обусловленные факторы, определяющие выбор копинг-стратегий.

3. Интегративный подход представляет собой единство личностных и более изменчивых ситуационных факторов,

влияющих на выбор копинг-стратегии (Р. Мосс, Дж. Шефер) [3,4].

Изначально проблемой фрустрации занимался З. Фрейд и его последователи, которые прослеживали однозначную связь между фрустрацией и агрессией. В рамках теорий бихевиоризма фрустрация определялась как изменение или затормаживание ожидаемой реакции при определённых условиях, как помеха в деятельности [5]. В настоящее время понятие фрустрации используют как синоним психологического стресса. Также, правомерно рассматривать фрустрацию в контексте межличностного функционирования, и с этой точки зрения для исследователей представляет интерес сфера межличностных конфликтов и трудностей, которые могут возникать в самых разнообразных жизненных ситуациях.

В современной зарубежной психологии существуют различные теории фрустрации: теория фрустрационной фиксации (Н.К. Майер), теория фрустрационной регрессии (Р. Баркер, Т. Дембо, К. Левин), теория фрустрационной агрессии (Дж. Доллард, Н. Миллер, Д. Дуб), эвристическая теория фрустрации (С. Розенцвейг).

Термин «фрустрация» использовался в многочисленных теориях, концепциях, гипотезах, касающихся проблем мотивации, эмоций, поведения, деятельности индивида. Но целостной теории, исследующей данный феномен, пока не создано [7].

Материал и методы. С целью решения исследовательских задач было проведено обследование военнослужащих срочной и контрактной службы на базе в/ч 30926 155 отдельной бригады морской пехоты, стрелковая рота, г. Владивосток в возрасте от 18 до 25 лет. В рамках эмпирического исследования использовался психодиагностический метод, включающий стандартизированные («Тест преодоления трудных жизненных ситуаций (адапт. Н.Е. Водопьяновой)», методика диагностики копинг-механизмов (Э. Хэйма), опросник «Способы совладающего поведения Р. Лазаруса», «Индикатор копинг-стратегий (Д. Амирхан)») и проективные (Метод рисуночной фрустрации С. Розенцвейга, «Фрустрационный вербальный тест (Л.Н. Собчик)») методы. Статистический анализ полученных результатов проводился путем вычисления коэффициента U — критерия Манна — Уитни, корреляционного анализа Спирмена и Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты исследования

Первоначально перед тем, как приступить к эмпирическому исследованию, возникло предположение о различиях результатов в группах военнослужащих. Предполагалось, что военнослужащие срочной службы будут более фрустрированы, менее адаптивны и чаще использовать неконструктивные копинг-стратегии, чем военнослужащие контрактной службы. Данное предположение основывалось на том факторе, что молодые люди, отрываясь от дома и попадая в новые условия, испытывают постоянный стресс, проходят

колоссальный этап адаптации, в связи с этим будет наблюдаться повышенная фрустрированность. В то же время, военнослужащие контрактной службы осознанно выбирают службу и, следует полагать, морально готовы к трудностям, адаптированы и используют более конструктивные стратегии совладания со стрессом. Однако результаты эмпирического исследования говорят об обратном.

Наблюдается повышенная фрустрированность в группе военнослужащих контрактной службы. В отличие от военнослужащих срочной службы, их сильнее фрустрируют вопросы, касающиеся ценностей (внешний вид, здоровье, социальный статус, благополучие, характер, кругозор, нравственность) и отношений со значимыми лицами (приятель, приятельница, сослуживец, уличные контакты).

Полученные результаты свидетельствуют об адаптивности военнослужащих срочной службы. Они используют конструктивные копинг-механизмы: стремятся анализировать ситуацию, планировать решение проблем, мотивировать себя на успех, к тому же, относятся к трудностям с оптимизмом и могут позволить себе расслабиться не только физически, но и психически. В ситуациях фрустрации стараются не проявлять агрессии к окружающим, обладают здоровой самокритикой и принимают ответственность за случившееся. Если же стрессовая ситуация всячески акцентирует внимание, молодые люди всё же стремятся снизить её значение и возможное травмирующее влияние.

Для группы военнослужащих контрактной службы характерно использование относительно адаптивных копинг-стратегий. Они, скорее, стремятся избегать трудных ситуаций, отвлекаться от них для того, чтобы снизить их субъективно травмирующее значение. Молодые люди склонны чаще жалеть себя и критиковать. Вероятно, поэтому столь часто прибегают к стратегии поиска социальной поддержки. В ситуациях фрустрации для них характерно использовать внешне обвиняющую реакцию, проявляя агрессию.

Для более глубокого анализа результатов исследования стало приемлемым разделение двух групп на подгруппы по уровню фрустрации. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к эвристической теории фрустрации С. Розенцвейга. Автор не даёт чёткого разделения фрустрации по уровням, но он закладывает базу понимания феномена — типы реакций на фрустрацию. Существует три типа: самозащитный, препятственно-доминантный и необходимо-упорствующий. На основании характеристики данных типов была разработана классификация уровней фрустрации. Таким образом, самозащитный тип реакций соответствует высокому уровню фрустрации, так как здесь личность активно стремится защитить себя, свою безопасность, в том числе, проявляя открытую агрессию к окружающим людям. Препятственно-доминантный тип соответствует среднему уровню — здесь ситуация всячески акцентируется, вне зависимости от её благоприятности; хотя агрессия имеет место, но она направлена не на окружающих, а на самого индивида (принимает форму аутоагрессии). Необходимо-упорствующий тип соответствует низкому уровню фру-

страции, так как предполагает конструктивный, безболезненный выход из травмирующей ситуации.

Примечателен тот факт, что в группе военнослужащих срочной службы в каждой подгруппе оказалось одинаковое количество человек. В таком случае можно говорить о гармоничности общей группы. В то время как в группе военнослужащих контрактной службы преобладает подгруппа с высоким уровнем фрустрации. Таким образом, для большего количества человек характерно проявление открытой агрессии.

Литература:

1. Анциферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15. — № 1. — С. 5–11.
2. Буранов С. О. Особенности взаимоотношений в воинском коллективе // Ориентир. 2004. № 7.
3. Рыбников В. Ю., Ашанина Е. Н. Психологические механизмы копинг-поведения специалистов экстремальных профессий // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2009. — № 2 (37). — С. 46–50.
4. Крюкова Т. Л. Человек «совладающий»: качества субъекта и его совладающее поведение // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — 57 с.
5. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психического состояния // Вопросы психологии. — 1967. — № 6. — С. 2–12.
6. Левитов Н. Д. Психические состояния, беспокойства, тревоги // Вопросы психологии. 1969. — № 1. — С. 131–138.
7. Фрустрация. Психология. Словарь / под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — 434 с.

Механизмы психологической защиты в подростковом возрасте

Болотин Юрий Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент;

Чугунова Ксения Алексеевна, студент;

Якунина Елена Вячеславовна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье проанализированы понятия механизмы психологической защиты, психологический барьер, рассмотрены и проанализированы подходы к данной проблеме несколькими авторами.

Ключевые слова: психологическая защита, механизмы, личность, психологический барьер

В виду нестабильности современного общества, высоких темпов развития процессов, происходящих в стране, человеку необходимо постоянно приспосабливаться, адаптироваться к новым условиям жизни. Поэтому исследование психологических механизмов защиты, адаптации человека набирает все большую популярность. Феномен психологической защиты имеет высокую практическую и теоретическую значимость, о чем говорит заинтересованность данным явлением большинства направлений психологии и психотерапии [1].

Впервые термин психологической защиты был освещен З. Фрейдом в его работе «Защитные нейропсихозы». В своей практике лечения истерии гипнозом ученый столкнулся с сопротивлением, оказываемым пациентами на попытки врача привести бессознательные воспоминания в сознание больного. Это сопротивление мешало вывести пациента из болезненного состояния. Данный феномен

Для подгруппы с высоким уровнем фрустрации у военнослужащих срочной службы характерна обеспокоенность темой кругозора и сферой дружеских отношений с противоположным полом.

Для подгруппы со средним уровнем фрустрации у военнослужащих контрактной службы характерно использование стратегии поиска социальной поддержки. То есть, когда личность «застревает» на какой-то ситуации, она стремится обратиться за помощью окружающих людей.

Фрейд обозначил как вытеснение, первый и тогда единственный механизм защиты, о котором говорил «Те самые силы, которые теперь препятствуют, как сопротивление, забытому войти в сознание, в свое время были причиной забвения и вытеснили из памяти соответствующие патогенные переживания. Я назвал этот предполагаемый мною процесс вытеснением и рассматривал его как доказанный благодаря неоспоримому существованию сопротивления». В последующей работе ученого «Крайний и бескрайний анализ» появились обозначения других механизмов, а защита представляла собой совокупность всех этих механизмов, контролирующих поведение человека [3].

Продолжила исследования З. Фрейда и расширила его представления о данном понятии его дочь. Она представила механизмы защиты не только врожденными особенностями, но и индивидуальными свойствами, полученными человеком в процессе онтогенеза. Э. Фромм с позиции гу-

манистической теории описывал понятие психологической защиты как следствие проявления человеческой агрессии. К. Хорни, представляющая социокультурную теорию, отмечала, что желание человека обезопасить себя порождается чувством «коренной тревоги», обеспокоенности, неуверенности.

В отечественной психологии данная проблема нашла отражение в трудах Грановской Р. М., Роттенберга В. С., Романовой Е. С., Ф. В. Бассина, В. Г. Каменской, Г. В. Грачева и других. Одни авторы считают, что психологическая защита вполне обиходный положительный механизм психики человека, уберігающий его от негативного влияния окружающей действительности. Другие ученые описывают отрицательные последствия использования защитных механизмов. Постоянное использование психологической защиты приводит к повторению прошлого опыта и ослаблению контакта с окружающим миром, а не к реальному решению конфликтной ситуации.

Р. М. Грановская называет психологическую защиту барьером, ограждающим личность от полноценного восприятия мира, сужающим и искажающим представления о нем. Человеком воспринимается лишь менее опасная информация, которая впоследствии так же искажается и остается в сознании в наиболее удобном для личности представлении. Наиболее опасная информация не воспринимается и не усваивается вовсе. Но так же она отмечает и положительное влияние психологической защиты на организм человека. Ограждая сознание человека от опасной информации, она предоставляет возможным целенаправленное решение конкретной ситуации [2].

Особо важно изучение этой проблемы в подростковом возрасте, а так же в переходный период от подросткового к юношескому, ведь именно этот момент является основополагающим в становлении личности и формировании мировоззрения. В этот период решаются важнейшие вопросы, такие как дальнейшее самоопределение, выбор профессии и жизненного пути в целом, умение брать на себя ответственность за себя и свой выбор, принятие нового положения в семье и обществе. Отсутствие необходимых жизненных навыков, стратегий поведения, неспособность подростка справиться с новыми жесткими требованиями, незнание эффективных способов снятия стресса приводит его в состояние сильнейшего эмоционального напряжения. Подобные ситуации вынуждают подростка прибегнуть к различным формам защитного поведения, не редко и к деструктивным. В частности, некоторые из малопродуктивных способов психологической защиты, используемые подростком, могут повлечь за собой развитие отклонений в поведении и привести к девиантным его проявлениям.

В своих работах З. Фрейд выделял следующие механизмы психологической защиты: вытеснение, проекция, регрессия, замещение, отрицание, рационализация, реактивные образования. Эти механизмы активизируются личностью не осознанно, они позволяют снизить негативные

последствия различных переживаний, в то же время искажают реальность [3].

Механизм отрицания заключается в блокировке восприятия информации, которая может как-либо травмировать человека или привести к конфликту. Вытеснение способствует выталкиванию из сознания человека негативной информации. Проекция позволяет перенести на другого человека свои качества, черты, поступки при осознании их неприемлемости обществом и собственном нежелании их принимать. Замещение дает возможность перенести желаемое действие с недоступного объекта на доступный. Регрессия сходна в своем проявлении с инфантильностью. Рационализация заключается в оправдывании своего поведения более приемлемыми для себя объяснениями. Реактивные образования подразумевают демонстрацию противоположных истинным чувств.

Любой механизм психологической защиты однозначно выполняет функцию самосохранения, приводит к эмоциональной устойчивости и целостности самосознания, что говорит о позитивном результате адаптивного процесса. Например, наиболее распространенный механизм, отрицание, являясь психологическим барьером для внутреннего мира человека, позволяет переживать трагедию по частям, тем самым снижая разрушительное влияние подобных ситуаций на организм. При этом подросток не может адекватно воспринимать и осознавать сути проблемы и ее причин, система ценностей и установок деформируется психологической защитой, что может привести к появлению нарушений в поведении.

Ф. Крамер самым популярным у подростков механизмом считал проекцию. С одной стороны этот механизм защиты помогает человеку отвергнуть качества, которые он не желает принимать в себе, приписывая их окружающему миру, тем самым укрепляя позицию личности. В то же время, за счет приписывания окружающим мнимых пороков, к ним вырабатывается враждебность и негативный настрой, что способствует усугублению межличностных взаимоотношений и появлению проблем в их построении.

Е. Н. Андреева в своих исследованиях обозначила особенность использования подростками защит по половому признаку. Девочкам в большей степени присуще использование компенсации, заключающейся в уходе человека в определенную область деятельности, пытаясь компенсировать свои недостатки и дефекты. Но подобный уход и заинтересованность определенным занятием может проходить в ущерб другой деятельности, либо делать ее совершенно невозможной. Мальчики же чаще всего пользуются вытеснением, пытаясь забыть истинные травмирующие причины событий, заменяя их менее болезненными. Вместе с тем подавленная информация не может исчезнуть безвозвратно, негативная энергия копится длительное время, трансформируется в нечто более губительное и может находить пути выхода, негативно сказывающиеся на психике и организме, например в форме тревожности, гнева, или же, что серьезнее, психосоматики [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что использование любого механизма защиты может привести как к конструктивному, так и к деструктивному эффекту. Механизмы, которые носят конструктивный характер, позволяют адекватно переоценить ситуацию, обнаружить альтернативную цель, подобрать оптимальные средства для ее достижения, что будет способствовать удовлетворению желаний и потребностей. Деструктивный эффект состоит в искажении и отрицании реальности, что со временем может привести

к патологическим изменениям личности. Поэтому феномен психологических защит можно характеризовать как нормальный процесс, который предохраняет организм от психотравмирующих переживаний, ситуаций, отрицательной информации, повышает его устойчивость в критических ситуациях. Но, так же, следует отметить, что использование механизмов защиты иногда может привести к тяжелым последствиям, нарушениям становления личности, а следовательно к социальной дезадаптации.

Литература:

1. Андреева Е. Н. Самоотношение подростков // Психология современного подростка. — СПб.: Речь, 2005. — С. 27–37.
2. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. — СПб.: «Свет», 1997. — 608 с.
3. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. — М.: «Педагогика Пресс», 1993, — 140 с.

Характеристики мышления у студентов, обучающихся по специальностям «клиническая психология» и «лечебное дело»

Гусева Анастасия Викторовна, студент;
Кравцова Наталья Александровна, доктор психологических наук, профессор
Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)

В статье приводятся результаты исследования характеристик мышления у студентов, обучающихся в медицинском вузе на специальностях клиническая психология и лечебное дело.

Ключевые слова: мышление, характеристики мышления

Актуальность исследования
Вследствие информации, получаемой человеком из окружающего мира, становится возможным представлять как внешнюю, так и внутреннюю сторону предметов, и предвидеть их изменение спустя время. Это возможно благодаря такому многогранному процессу, как мышление.

Мышление является фундаментальной и значимой психологической способностью человека. Её фундаментальность заключается в том, что разум интерпретируется отличительной чертой человека от других живых существ. Отражение этого факта детерминирует (обуславливает) личностную и социальную значимость мышления.

Для адекватного существования в современном мире человеку необходим оптимальный уровень развития мышления. Мышлением является процесс анализирования и синтезирования непосредственно того, что выделяется анализом [9].

С изменением условий существования социума возникает необходимость преобразования старых профессий и появления новых. Человек, знающий свои стиль и тип мышления, сможет выбрать ту сферу деятельности, которая ему будет интересна, и в которой он будет наиболее успешен. На первом курсе обучения у студентов следует выявлять особенности мышления, что позволит определить у них отсутствующие качества, которые важны для успеш-

ной работы специалиста в выбранной сфере деятельности. Вследствие этих знаний будет возможным изменение и введение новых образовательных программ для более эффективного формирования профессионального мышления.

Развитие профессионального мышления является неотъемлемой частью вузовской подготовки студентов.

Какие характеристики мышления у студента будут развиваться, зависит от выбранной им специальности: на гуманитарной специальности — развивают самостоятельность и критичность мышления; на естественно-научной — способность преобразовывать предметную реальность; на технической — системное и пространственное мышление.

Творческое мышление развивают у всех студентов, так как способность творчески мыслить необходима специалисту в любой сфере деятельности.

С целью определить различия/сходства характеристик мышления студентов, обучающихся на таких специальностях, как лечебное дело и клиническая психология, было проведено эмпирическое исследование.

Результаты теоретического анализа проблемы

В современной психологии пристальное внимание уделяется изучению такого процесса, как мышление. Психологи, занимающиеся изучением этого многогранного процесса, дают определение мышления, делая акцент на разные стороны этого процесса.

По мнению А. С. Никифорова (1990), мышление является высшей формой познавательной деятельности, которая тесно связана с синтезом, анализом, обобщением накопленных и приобретённых знаний. Мышление позволяет определить внутренние связи между явлениями, предметами и людьми [6].

Как отмечает Н. Н. Данилова (1997), мышление является процессом познавательной деятельности и характеризуется оперированием понятиями, категориями и образами. Особенность и суть мышления заключается в выполнении операций с образами, которые в свою очередь составляют внутреннюю картину мира [4].

По мнению З. А. Зориной и И. И. Полетаевой (2002), мышление является обобщённым и опосредованным отражением окружающей действительности. В основе процесса мышления лежит оперирование образами, позволяющее выделить связи между объектами и их наиболее существенные свойства [5].

Согласно исследованию, проведённому Г. Г. Валиулиной, развитие мышления парней и девушек отличается. На первом-втором курсах парни превосходят девушек в практическом и математическом мышлении, а девушки их в теоретическом мышлении. На третьем курсе юноши лучше, чем девушки, решают логические задачи и более осведомлены в области профессиональных понятий. На четвёртом и пятом же курсах девушки превосходят парней по многим характеристикам: в решении логических задач, гибкости мышления, оригинальности мышления, по уровню развития практического мышления и профессионального категориального аппарата [2].

Согласно исследованию О. М. Разумниковой, существуют различия в развитии креативности между юношами и девушками. Исследование было проведено на студентах разных специальностей: биология, математика, социальная работа и инженерия. Было установлено, что у юношей, больше чем у девушек, развита образная креативность. Различий по развитию вербальной креативности между девушками и юношами не установлено. У юношей, учащихся на биологов и инженеров, более выражена оригинальность ассоциативного вербального мышления [7].

Анри Валлон (1942) описал три принципа в изучении характеристик мышления:

- 1) Изучение мышления в отношениях и связях с объективной действительностью.
- 2) Выявление противоречий в развитии мышления, и выделение условий их преодоления.
- 3) Рассмотрение процесса формирования и развития мышления [10].

Наиболее известные методики исследования мышления: тест Л. С. Выготского — Л. С. Сахарова (1927), предназначенный для исследования особенностей формирования понятий [1]; методика «Пиктограмм» А. Р. Лурия (1932), направлена на изучение творческой активности мышления [1]; тест на интеллект и мышление Д. Векслера (1939); опросник «Определение типов мышления и уровня креативно-

сти» Дж. Брунера (1976), который позволяет определить базовый тип мышления и уровень креативности [8]; методика на пространственное мышление И. С. Якиманской, В. Г. Зархиного и Х. М. Кадаяса (1991); тест на креативность мышления Э. Торренса (1966), адаптирован А. Н. Ворониным в 1994 году [3]; «Тест отдалённых ассоциаций» С. Медника (1962), предназначенный для измерения уровня вербальной креативности [3]; опросник «Порог активности» Т. Л. Романовой (1991), направленный на диагностику скорости мышления и готовности к совершению действий.

Проанализировав теоретические источники, можно сделать вывод, что понимания такого многогранного процесса, как мышление довольно разнообразны. Благодаря мышлению человек способен познать то, что недоступно представлению и восприятию, выделить существенные связи между людьми, предметами, и отделить их от случайных связей. Особенностью мышления являются такие характеристики, как глубина, скорость, критичность, гибкость, тип и стиль мышления. Гибкость мышления заключается в умении трансформировать исходные данные и изменять намеченный путь решения проблемы. Скорость мышления является способностью быстро разобраться в сложившейся ситуации и принять решение. Глубина мышления позволяет видеть причины явлений, проникать в сущность сложных вопросов и предвидеть последствия решений и дел. Критичность мышления заключается в способности доказывать истинность выдвигаемых суждений, осуществлять объективную оценку своих и чужих суждений и находить в них сильные и слабые стороны.

Материал и методы. Объем выборки составил 188 студентов ТГМУ 1, 3 и 5 курсов в возрасте от 17 лет до 23 года, из них 94 — студенты, обучающиеся по специальности «клиническая психология», 94 — обучаются по специальности «лечебное дело». В рамках эмпирического исследования использовали психодиагностический метод, включающий стандартизированные («Активность вербального и наглядно-образного мышления», методики «Выделение существенных признаков», опросника Дж. Брунера на определение типа мышления, теста вербальной креативности С. Медника и прогрессивных матриц Дж. Равена) и проективный (методики «Пиктограмма») методы. Статистический анализ полученных результатов проводился путем вычисления коэффициента U — критерия Манна — Уитни, корреляционного анализа и подсчёта распределения величин.

Результаты исследования

В ходе проведённого эмпирического исследования были выявлены особенности мышления студентов 1, 3 и 5 курсов, обучающихся на специальностях «клиническая психология» и «лечебное дело».

Для студентов 1 курса специальности «клиническая психология» характерны высокая продуктивность выполнения однотипных задач с определёнными словами и способность к оперированию суждениями, умозаключениями и понятиями на основе законов логики. В данной группе

больше исследуемых, обладающих символическим и образным типами мышления, вследствие чего предпочитают преобразовывать полученную ими информацию с помощью арифметических операций и действиями с образами. Студенты обладают высокой готовностью к созданию новых идей, генерируют нестандартные идеи, мыслят, опираясь на известные модели поведения, абстрагируются от деталей и рассуждают широкими понятиями.

Мышление студентов «клинической психологии» 3 курса отличается способностью быстрого решения однотипных заданий с образами и высокой продуктивностью выполнения словесных и образных задач разного типа с быстрым переключением способа решения. Большинству студентов из группы присущ образный тип мышления, позволяющий преобразовывать информацию с помощью действий с образами. Для студентов характерна высокая способность к познанию и решению различных проблем.

Студентам 5 курса «клинической психологии» свойственна высокая продуктивность выполнения как однотипных заданий с образами в пределах одного способа решения, так и словесных задач разного типа с быстрым переключением способа решения. В данной группе больше студентов с символическим типом мышления, что свидетельствует о предпочтении преобразовывать полученную информацию с помощью алгебраических правил или арифметических операций. Исследуемые обладают выраженными способностями к оперированию суждениями, умозаключениями и понятиями на основе законов логики, к познанию и решению проблем и высоким уровнем вербальной креативности.

Мышление студентов 1 курса, обучающихся на специальности «лечебное дело», отличается способностью быстро решать однотипные задания с определёнными словами и образами, в пределах одного способа решения и продуктивностью при выполнении заданий разного типа, которые требуют быстрого переключения с одного способа решения на другой. В этой группе студентов преобладает число студентов с образным типом мышления, при котором преоб-

разование полученной информации осуществляется с помощью действий с образами. Исследуемым свойственны выраженные способности к оперированию умозаключениями, суждениями и понятиями на основе законов логики, к созданию принципиально новых идей. Рассуждения опираются на общепринятые и известные модели поведения, высокая способность к познанию и решению возникающих проблем.

Для студентов 3 курса «лечебного дела» характерны высокая продуктивность при выполнении задач разного типа, требующих быстрого переключения с одного способа на другой и высокий уровень вербальной креативности. В данной группе студентов больше исследуемых с предметным типом мышления, что означает предпочтение преобразования полученной информации с помощью предметных действий. Студенты обладают средним уровнем выраженности способности к оперированию понятиями, умозаключениями, суждениями на основе законов логики. Выражены способности к абстрагированию от деталей и мышление широкими понятиями и генерированию оригинальных и нестандартных идей.

Студентам 5 курса «лечебного дела» свойственна высокая эффективность решения однотипных заданий с определёнными словами и высокая продуктивность выполнения задач с образами разного типа, требующих быстрого переключения с одного способа решения на другой. В группе исследуемых преобладает число студентов с образным типом мышления, при котором преобразование информации происходит с помощью действий с образами. Исследуемые обладают высоким уровнем развития творческих способностей.

Применение данных результатов возможно в дальнейшем при работе со студентами в высшем учебном учреждении. Дальнейшие исследования мышления студентов позволят помочь студентам лучше и быстрее развивать профессиональное мышление и важные характеристики мышления, необходимые в будущей профессиональной деятельности.

Литература:

1. Блейхер В. М., Крук И. В., Боков С. Н. Практическая патопсихология. — М.: Феникс, 1996. — 256 с.
2. Валиуллина Г. Г. Возрастно-половые особенности развития профессионального мышления студентов: Дис. канд. психол. наук. — М.: Дом «Астраханский университет», 2007. — С. 56–63.
3. Воронин А. Н., Галкина Т. В. Методы психологической диагностики. Выпуск 2. Под ред. Воронина А. Н. — М.: ИП РАН, 1994. — 344 с.
4. Данилова Н. Н. Психофизиология: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 373 с.
5. Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учебное пособие / З. А. Зорина, И. И. Полетаева. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 320 с.
6. Никифоров А. С. Неврология. Полный толковый словарь. В 3 т. — М.: Медицина, 2010. — Т. 2. — 464 с.
7. Разумникова О. М. Вопросы психологии. — М.: Ижица, 2002. — 137 с.
8. Резапкина Г. В. Отбор в профильные классы. — М.: Генезис, 2005. — 124 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии СПб.: Питер, 2000. — 153 с.
10. Шорохов Е. В. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. — М.: Наука, 1966. — 300 с.

Воздействие опасных факторов пожара на психику спасателя

Жиганов Константин Вячеславович, преподаватель;
 Данилов Павел Владимирович, старший преподаватель;
 Пронин Артем Викторович, аспирант, преподаватель;
 Титова Елена Станиславовна, старший преподаватель
 Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

По статистическим данным профессия пожарного по степени опасности и воздействия профессиональных вредностей занимает 3–4 место в мире по сравнению с другими профессиями. За последние годы число погибших пожарных и спасателей в различных странах мира увеличилось примерно на 5–27%.

Например, рассмотрим статистику причин гибели пожарных в США в 2014 году.

Причина гибели: 61 — стресс/переутомление (инфаркт, инсульт, обезвоживание, разрыв сосуда); 9 — столкновение автомобилей; 7 — оказались заблокированы (в данном случае распространением огня); 5 — удар; 4 — другое. (рис. 1)

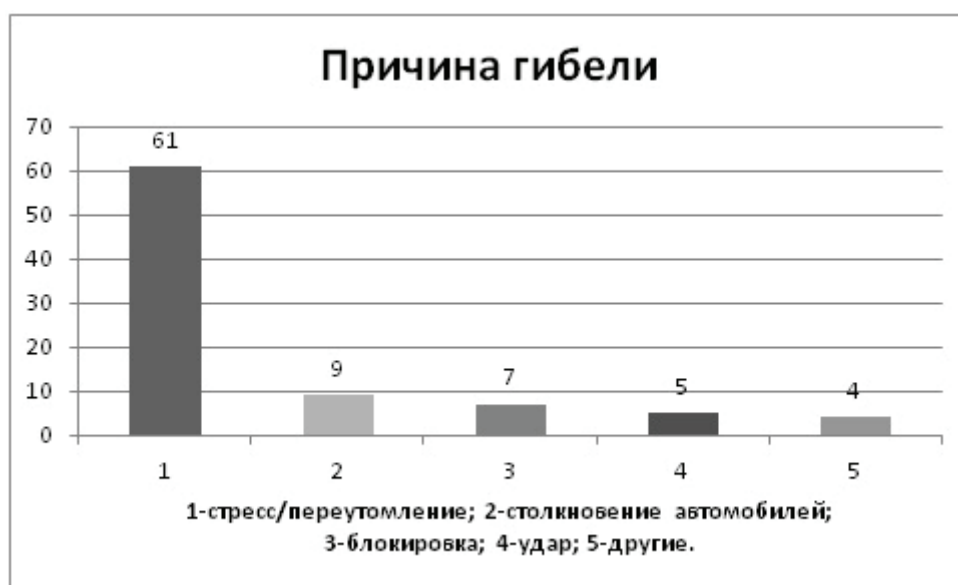

Рис. 1. Причина гибели пожарных

При возникновении чрезвычайных ситуаций решающую роль в успешной ликвидации последствий ЧС играет моральная закалка, воля и психическое состояние специалиста экстремального профиля.

Психика является важнейшим регулятором в выборе конкретных действий пожарного-спасателя в служебное время и во время профессиональной боевой деятельности во время несения дежурства [1].

Любые оперативные действия и принятые управленческие решения, направленные на успешное спасение людей при пожарах и во время чрезвычайных ситуаций зависят, в первую очередь, от способности специалиста экстремального профиля правильно понять и оценить обстановку на пожаре, быть психологически готовым к действию в экстремальных условиях, иметь возможность быстро и точно реагировать на изменение обстановки, максимально мобилизоваться в нужный момент.

Под психическим состоянием пожарного понимается совокупность эмоциональных, познавательных, поведенческих аспектов психики в определенный промежуток вре-

мени при выполнении непосредственной задачи по спасению людей.

На психическое состояние пожарного воздействуют различные факторы. Наиболее характерные и часто встречающиеся стресс-факторы встречающиеся при выполнении спасателя своего профессионального долга:

- непрерывным нервно-психическим напряжением.
- нахождением в ожидании сигнала тревоги во время несения боевого дежурства.
- постоянной угрозой жизни и здоровью.
- столкновения со страданиями людей;
- эмоциональными и стрессовыми расстройствами.
- новизной раздражителей.
- воздействия шума.
- значительными физическими нагрузками.
- высокой температурой окружающей среды и повышенной влажностью воздуха.
- недостатком кислорода в зоне тушения пожара.
- загазованностью вредными для организма веществами.

- работой в непригодной для дыхания среде.
- трудностями, обусловленными необходимостью проведения работ в ограниченном пространстве и в условиях плохой видимости.
- страхом за свою жизнь и здоровье, а также за возможные ошибки в работе.
- наличием неожиданных и внезапно возникающих препятствий, осложняющих выполнение боевой задачи на пожаре.
- изменчивостью, скоротечностью и непредсказуемостью боевой обстановки на пожаре.
- острым дефицитом времени и недостаточностью оперативной информации.
- воздействием вторичных факторов пожара.
- быстрым распространением огня при определенных условиях (взрыв в зоне горения емкостей с легковоспламеняющимися жидкостями, газовых баллонов, горение засыпных и пустотных конструкций с высокой степенью горючести материалов).
- климатическими условиями (высокая и низкая температуры, ветер, проливные осадки).
- дискомфортным состоянием из-за нахождения в боевой одежде и снаряжении. [2]

В решении любой профессиональной задачи пожарным-спасателем мобилизуются его психологические возможности и ряд специальных неспецифических навыков и способностей. Работа их связана не только с повышенными психофизиологическими нагрузками, но и с эмоциональными стрессами, воздействующими на психику пожарного-спасателя. Серьезная нагрузка на психику сотрудников ложится в ходе несения боевого дежурства. В значительной степени это связано с необходимостью поддержания определенного уровня мобилизованности психических сил [3, 4].

Данное состояние — состояние психической готовности — рассматривается как мотивационно — волевое состояние психики, обеспечивающее актуализацию профессиональной подготовленности в процессе перехода от ожидания экстренного сигнала, время поступления которого не определено, к активным действиям. Состояние готовности имеет индивидуальный характер и связано с экономичностью протекания психических процессов, определяющих уровень психической напряженности сотрудника. Поэтому каждый пожарный-спасатель, должен быть эмоционально устойчивым, психологически устойчивым и иметь способность мобилизовать свою психику и волю, настроиться на целесообразные действия в конкретной деятельности.

Причинами возникновения психической травмы у специалистов экстремального профиля являются [5]:

- Смерть или увечье пожарного во время работы;
- Смерть или увечье ребенка;
- Ситуация на пожаре, когда невозможен доступ к пострадавшему (особенно когда пострадавшим является ребенок);

- Ситуация, когда сотрудник лично знаком с пострадавшими;
- Ситуация при спасании, когда пострадавший получил сильные ожоги, исключающие возможность выздоровления.

К факторам, определяющим особенности несения боевого дежурства и караульной службы, можно отнести следующие [4]:

Во-первых, во многих частях состав боевых смен, караулов представляют собой относительно устойчивые микрогруппы, в которых сотрудники с постоянной цикличностью выполняют боевую задачу. С другой стороны, сотрудник на длительное время включается в систему отношений, обусловленную не его личными интересами, симпатиями, а необходимостью выполнения строго регламентированных совместных действий с другими субъектами профессиональной деятельности.

Во-вторых, частота и фиксированная временная цикличность несения службы вызывают одновременно действие противоречивых тенденций в сознании и поступках сотрудников: с одной стороны, обрабатываются и закрепляются необходимые психологические образования (знания, навыки, умения), формируется опыт, а с другой — возникают негативные психические состояния, ведущие к притуплению бдительности.

В-третьих, осознание особой значимости выполняемых задач, объективно мобилизующее возможности сотрудников, со временем сменяется снижением функционального настроения психики вследствие включения ее защитных механизмов, поэтому у сотрудника формируется привычка выполнять профессиональные действия при пониженном уровне психической активности.

В-четвертых, условия относительной изоляции, монотонности, ограничения в комфортности рабочего места (места несения службы на посту), регламентированный режим труда и отдыха обуславливают длительную депривацию обычных потребностей и привычек сотрудника.

Сочетаясь с такими факторами, как высокая ответственность, потенциальная опасность, внезапность, новизна, интеллектуальная сложность, эти условия могут вызывать различного рода негативные психические реакции и состояния. Нахождение в таком состоянии в течение длительного времени может, в свою очередь, вызывать негативные состояния:

- состояние «фрустрации», когда нормативные требования превышают профессионально-боевые возможности сотрудника;
- состояние «монотонии», когда в результате однообразной деятельности, «ненасыщенного» интереса сужается объем внимания и психическое напряжение резко уменьшается;
- состояние «привычности», когда снижается эмоциональность ожидаемого события (возникновение действий), а само оно кажется человеку маловероятным;

— состояние «усталости, утомления» как результат истощения физических и психических ресурсов человека под влиянием длительной перегрузки, психического напряжения [5].

Экстремальные ситуации, в которые попадает человек, будь то пострадавший или спасатель, вызывают стрессовую реакцию. В этот момент нарушается процесс нормального мышления, ослабевает или полностью теряется контроль сознания над чувствами и волей.

При объявлении сигнала «Тревога» оказывается сильное влияние на функциональное состояние пожарных-спасателей. В первые 25–30 секунд после подъема по тревоге, частота сердечных сокращений повышается в среднем на 47 ударов в минуту, а на пути к месту пожара может достигать 150–180 ударов в минуту. Специалист не может выполнить работу, если при ее выполнении частота сердцебиений, через 5 минут достигает 180 ударов в минуту и более.

Психические состояния сотрудников в процессе несения службы тесно связаны с его работоспособностью. Именно работоспособность раскрывает физиологическое состояние организма — мышц, органов, нервной системы, обеспеченность энергией. Процесс расходования энергии в ходе деятельности ведет к утомлению — физиологическому состоянию, препятствующему эффективной деятельности.

Влияние плохой видимости на психику пожарного-спасателя складывается из условий работы. Так как в системе МЧС России служба специалистов осуществляется в круглосуточном режиме, то соответственно при работе специалистов экстремального профиля в ночное время активность их снижается на 15–20%, даже при хорошем освещении, соответственно ухудшаются их внимание и четкость движений, увеличивается нервное напряжение.

Работа пожарных-спасателей в условиях задымленности и непригодной для дыхания среде является одним из наиболее распространенных стресс-факторов в боевой деятельности пожарных, так как органы чувств подвержены отрицательному воздействию продуктов горения.

Высокая плотность дыма от различных органических и неорганических продуктов горения существенно ограничивает видимость и действия специалистов. Продукты горения вызывают сильное раздражение слизистой оболочки глаз и носоглотки, вызывают кашель, одышку, что приводит к нарушению у сотрудников функции дыхания и потере работоспособности.

Вдыхание на пожаре продуктов горения с оксидом углерода ухудшает здоровье специалистов экстремального профиля, особенно лиц, предрасположенных к сердечным

заболеваниям. При работе в задымленной зоне пожарные-спасатели чаще всего теряют ориентировку, или может не хватить сжатого воздуха в кислородных баллонах, что может привести к их гибели.

Воздействие высокой температуры окружающей среды и повышенной влажности воздуха влияет не только на психику пожарного-спасателя, но и вызывает угнетение коры головного мозга, нарушение равновесия между возбуждением и торможением, ослабление самого тормозного процесса, нарушение двигательных актов, дискоординацию. Во время работы при таких условиях подавляется и ухудшается самочувствие, появляются головная боль, головокружение, «круги» перед глазами, стук в висках, ощущение жара и духоты, слабости, нежелание двигаться, повышается температура тела.

Специалисты экстремального профиля очень часто подвергаются резкому чередованию воздействия температур, от высоких до низких, за небольшие промежутки времени в условиях боевой деятельности, в результате чего, появляются функциональные нарушения организма, которые могут привести к возникновению различных заболеваний. Довольно часто пожарным-спасателям при выполнении своей боевой задачи приходится работать не только в условиях плохой видимости, непригодной для дыхания среде, под воздействием шума, но и в стесненных и замкнутых пространствах (тоннелях, подземных галереях, кабельных коммуникациях и т. д.).

Ограниченное пространство вызывает у сотрудников трудности не только физические а, такие как изменение привычного способа действий, рабочей позы (продвижение ползком, работа, лежачая и т. д.), но и психического. В период боевой работы в этих условиях у пожарных наблюдается личностная ориентация на свое собственное состояние, что приводит к значительному снижению работоспособности, а иногда и к отказу от выполнения боевой задачи.

У специалистов экстремального профиля психогенные расстройства выражаются в снижении эффективности и надежности профессиональной деятельности, увеличении количества ошибок, в том числе приводящих к авариям, нарушениям профессионального здоровья, снижению профессионального долголетия. Постоянная психоэмоциональная нагрузка на специалистов экстремального профиля, возникающая не только при ликвидации последствий ЧС, но и в ходе повседневной трудовой деятельности, оказывает негативное влияние на здоровье, и проявляется не только функциональными сдвигами, но и развитием ряда соматических заболеваний.

Литература:

1. Общая психология / Т.Д. Марцинковская. — М.: Издательство Академия, 2010. — 384 с.
2. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под ред. Ю.С. Шойгу. М., 2007. — 320 с.
3. Психологическая подготовка пожарных. / Самсонов А.П. — М.: Стройиздат, 1982. — 79 с.
4. Психологическая подготовка спасателей. Учебное пособие / Ковтунович М.Г., Рожков Н.В., Ениколопов С.Н., Орлова Е.В.; Под ред. М.Г. Ковтунович. — М., 2007. — 251 с.

5. Психологическая защита в чрезвычайных ситуациях: Учебное пособие / Л. А. Михайлов, Т. В. Маликова, О. В. Шатровой; Под ред. Л. А. Михайлова. — СПб.: Питер, 2009. — 256 с.

Социально-психологический климат в организации и его влияние на эффективность профессиональной деятельности

Зародина Варвара Васильевна, аспирант
Московский гуманитарно-экономический университет

Статья посвящена проблеме влияния межличностных отношений в коллективе на профессиональную деятельность данного коллектива и организации в целом.

Ключевые слова: социально-психологический климат, межличностные отношения, взаимоотношения, восприятие, трудовой коллектив

В настоящее время возрастает интерес к проблеме социально-психологического климата в трудовом коллективе, в том числе и в контексте его влияния на эффективность совместной деятельности. Все больше исследователей приходит к выводу, что формирование благоприятного климата является одним из важнейших условий роста продуктивности труда и качества выполняемой работы.

Совершенствование социально-психологического климата коллектива — это задача развертывания социального психологического потенциала общества и личности и создания наиболее благоприятного образа жизни людей. Необходимо отметить, что социально-психологический климат определяется как система сложившихся в трудовом коллективе межличностных отношений между его членами.

Отношения, складывающиеся на основе деловых контактов, восприятия людьми друг друга и их реального взаимодействия, относятся к категории непосредственных межличностных. Следовательно, результатом такого общения, при котором людей связывает профессиональная деятельность, являются опосредованные межличностные отношения. Таким образом, характер межличностных отношений определяется условиями и содержанием совместной деятельности людей.

На современном этапе понятие «социально-психологический климат» рассматривается как результат совместной трудовой деятельности людей, их межличностного взаимодействия. Он может выступать в качестве весомого фактора, влияющего на эффективность тех или иных социальных явлений и процессов, происходящих в трудовом коллективе. Иными словами, социально-психологический климат, проявляющийся в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное самочувствие и оценки условий работы личности в трудовом коллективе, влияет на самочувствие сотрудников, продуктивность и удовлетворенность профессиональной деятельностью. Таким образом, он выступает своего рода показателем уровня личной включенности человека в профессиональную дея-

тельность и способствует выявлению возможных проблем, встречающихся на пути реализации психологических резервов трудового коллектива.

В данном контексте немаловажно и то, что оптимальная реализация личностных и групповых возможностей трудового коллектива во многом зависит от эффективности совместной профессиональной деятельности. Благоприятная атмосфера в коллективе и хорошие межличностные отношения не только позитивно влияют на результаты трудовой деятельности, но и перестраивают человека, формируют его новые возможности.

Социально-психологический климат — результат систематической психологической работы с группой и проведения специальных мероприятий, направленных на гармонизацию отношений внутри коллектива.

Благоприятный социально-психологический климат коллектива зависит, прежде всего, от доверия и требовательности его членов друг к другу. Свободное выражение своего мнения, возможность профессионального роста, отсутствие давления со стороны руководства, информированность членов коллектива о его деятельности, высокая степень эмоциональной включенности и взаимопомощи коллегам, принятие каждым на себя ответственности за состояние дел являются необходимыми условиями его формирования.

Для неблагоприятного социально-психологического климата характерны пессимизм, раздражительность, скука, высокая напряженность и конфликтность отношений в группе, неуверенность, боязнь ошибиться или произвести плохое впечатление, непонимание и недоверие.

В целом, благоприятный социально-психологический климат является необходимым условием его эффективной деятельности, а также удовлетворенности результатами организации труда и отношениями с коллегами.

Формирование и совершенствование социально-психологического климата в коллективе — постоянная практическая задача, во-первых, руководителей, во-вторых, психологической службы и, в-третьих, каждого члена коллектива.

Таким образом, удовлетворенность сотрудников своей работой зависит не только от материальных благ (окладов, дотаций и премий) и дополнительных социальных льгот (медицинская страховка, бесплатное питание, оплата обучения).

Подчас одним из решающих моментов при выборе работы или решении в пользу остаться в компании работать надолго является некая атмосфера, которая привязывает сотрудника на многие годы или, напротив, заставляет быстрее покинуть данную организацию.

Так, благоприятный климат в компании характеризуется доброжелательностью среди коллег, взаимопомощью и взаимной поддержкой, открытым отношением с руководством, прозрачностью системы вознаграждений и пр. По оценкам консалтинговых компаний, регулярно проводящих опросы об удовлетворенности трудом сотрудников крупных компаний, именно благоприятный социально-психологический климат стоит в списке самых важных элементов для эффективной работы современного сотрудника, наряду с высокими заработными платами и внушительным социальным пакетом.

Кроме того, важно понимать, что не всегда хорошая заработная плата может повысить удовлетворенность персонала своей работой. Нередко именно социальные льготы, различные совместные корпоративные мероприятия, приятные сюрпризы-подарки от руководителя, совместные тренинги или обучающие семинары, а иногда и просто добрая похвала способны творить настоящие чудеса и повышать хорошее настроение сотрудников.

Также важным моментом в работе над улучшением внутреннего климата в компании стоит отметить и грамотный подбор кадров в рабочий коллектив. Так, обращая внимания не только на профессионализм кандидатов, но и на их личностную совместимость с уже работающими членами коллектива, можно создать здоровую команду грамотных профессионалов. Даже самый именитый профессионал, однако со вздорным характером, может в кратчайшие сроки подпортить внутреннюю ауру в компании.

Деятельность руководителей по улучшению условий формирования психологического климата может осуществляться по нескольким направлениям, в зависимости от отрицательно влияющих на коллектив факторов.

1. Улучшение условий труда. Условия труда не только формируют отношение к работе, но и объективно влияют на конечный результат работы. Улучшение условий труда осуществляется по различным направлениям: улучшение оснащенности рабочих мест, рационализация режима труда и отдыха, подбор кадров, повышение квалификации работников, увеличение оплаты труда.

2. Контроль социально-психологических характеристик коллектива. Важным фактором благоприятного климата в коллективе может стать различие качеств личности по принципу взаимодополняемости. В этом слу-

чае результатом совместимости является взаимная симпатия участников коллектива друг к другу. Например, в смешанных по полу коллективах выше культура общения, а сочетание различных возрастных и образовательно-квалификационных групп создает предпосылки для сокращения сроков адаптации и благоприятного обмена опытом.

3. Совершенствование взаимоотношений в коллективе. Отношения в коллективе должны выстраиваться так, чтобы повседневное общение сотрудников способствовало постоянному поддержанию в коллективе оптимального положительного настроения. Для этого, прежде всего, нужно избегать ролевой неясности. Помимо должностных обязанностей каждый руководитель возлагает на подчиненного ожидания, связанные с его психологическими свойствами (ролевые ожидания), которые не всегда разъясняются и понятны. Люди инстинктивно опасаются неопределенности и непостоянства, они хотят знать, что от них ожидают, какие задачи они должны решать и какие роли играть.

Часто о взаимоотношениях в коллективе судят по степени конфликтности на определенном отрезке времени. Сами по себе конфликты при этом малозначимы, более того, без них невозможен рабочий процесс. Главное, чтобы конфликт был конструктивным: в результате его разрешения уходило все старое, мешающее развитию коллектива и росту людей как личностей. Конструктивный конфликт, прежде всего, выявляет скрытые противоречия, способствует снятию напряжения между участниками, их сплочению, обусловленному совместным разрешением проблемы.

4. Выбор руководителя оптимального стиля руководства. Очевидно, что стиль руководства следует выбирать, исходя из уровня развития коллектива и изначально существующих в нем отношений, традиций, ценностей, норм. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что не существует «плохих» или «хороших» стилей управления. Конкретная ситуация, вид деятельности, личностные особенности подчиненных и др. факторы обуславливают оптимальное соотношение каждого стиля и преобладающий стиль руководства. Однако наибольший авторитет имеет руководитель, который умеет быть «жестким» в деле, но «мягким» в отношениях с людьми: он требователен и строг со своими подчиненными в рабочих ситуациях, но всегда стремится проявить понимание и заботу о них в личном плане. Именно о таких людях говорят: «Строг, но справедлив».

Эффективность совместной деятельности связана в первую очередь с оптимальной реализацией личностных и групповых возможностей. Благоприятный социально-психологический климат в коллективе не только позитивно влияет на результаты деятельности этого коллектива, но и способствует проявлению и развитию потенциальных возможностей человека.

Литература:

1. Арифудин А. Н., Гусева Н. С. Формирование ценностно-ориентационного единства коллектива, как средство повышения профессиональной активности педагогов [Текст] // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). Т. I. — Пермь: Меркурий, 2011. — С. 8–11.
2. Беляев, М. К. Управление персоналом на предприятии. Социально-психологические проблемы: тренинг персонала. Учебное пособие / Беляев М. К. — Волгоград: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, 2014. — 212 с.
3. Дикая, Л. Г. Психология адаптации и социальная среда. Современные подходы, проблемы, перспективы: учебное пособие / Дикая Л. Г. — Москва: Пер Сэ, 2012. — 624 с.
4. Ермолаева Е. В., Павлова Л. А. Благоприятный социально-психологический климат в коллективе как условие эффективной работы // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2015. № 3. С. 50–52.
5. Журавлев, А. Л. Социально-психологическое пространство личности / Журавлев А. Л. — М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 2012. — 496 с.
6. Санинский В. И. Профилактика дезадаптации сотрудников как фактор повышения эффективности деятельности организации // Молодой ученый. — 2014. — № 8. — С. 870–873.
7. Семенова, Л. Э. Социальная психология: учебно-методическое пособие / Семенова Л. Э. — Саратов: Вузовское образование, 2015. — 123 с.
8. Сушков, И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе / Сушков И. Р. — М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 2013. — 412 с.

Оценка уровня школьной мотивации младших школьников при разных вариантах обучения

Кольберг Наталья Александровна, магистрант;
Царева Светлана Владимировна, магистрант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, филиал в г. Екатеринбурге

В статье рассматривается вопрос школьной мотивации у учеников 4 классов, выпускников начальной школы при разных вариантах обучения. Определяли уровень школьной мотивации по методике Н. Лускановой. Все учащиеся показали в основном хорошую школьную мотивацию. Подобный уровень мотивации является средней нормой.

Ключевые слова: мотивация, уровень мотивации, адаптация, учебный процесс

В возрасте семи-одиннадцати лет ребенок начинает понимать, что он представляет собой некую индивидуальность, которая, безусловно, подвергается социальным воздействиям. Он знает, что он обязан учиться и в процессе учения изменять себя, присваивая коллективные знаки (речь, цифры, ноты и др.), коллективные понятия, знания и идеи, которые существуют в обществе. В то же время он знает, что отличается от других и переживает свою уникальность, свою «самость», стремясь утвердить себя среди взрослых и сверстников [1].

Направленность личности младшего школьника выражается в его потребностях и мотивах. У младших школьников появляются новые потребности: точно выполнять требования учителя; овладеть новыми знаниями, навыками, умениями; получать хорошие отметки, одобрение со стороны взрослых; быть лучшим учеником; выполнять общественную роль.

В младшем школьном возрасте энергично развивается мотивационная сфера, появляется потребность, связанная

с учебной деятельностью, потребность в точном выполнении требований педагога, желание высокой оценки, потребность в одобрении успехов со стороны взрослых, потребность быть лучшим учеником, необходимости в общении со сверстниками. Главенствующими на этом возрастном этапе являются познавательные потребности и желания. [5].

А. К. Маркова под мотивами учения понимает направленность ребенка на разные стороны учебной деятельности, выделяет познавательные и социальные мотивы. [4].

Т. В. Луговая отмечает, что умение учиться предполагает наличие у детей учебно — познавательной мотивации, умение ставить цель предстоящей деятельности и планировать её, владеть самоконтролем и самооценкой. [3].

Результаты исследования развития мотивации младших школьников — на уровне деятельности (учебная мотивация) и на надситуативном уровне (мотивация, отражающая отношение к миру и себе, и определяющая основные тенденции поведения) представлены в работах И. Ю. Кулагиной и С. В. Гани. [2].

Анализ исследований зарубежных и отечественных психологов помогает сделать вывод о неоднозначности подходов к определению, пониманию сущности, природы, структуры, а также методов изучения мотивации учебной деятельности ребёнка младшего школьного возраста. Существует большое разнообразие факторов, влияющих на мотивацию младших школьников, на эффективность процесса обучения.

В нашем исследовании участвовали дети, школьники 4 классов г. Екатеринбурга, выпускных классов начальной школы при разных вариантах обучения (гимназия, лицей и обычная школа), всего 81 человек.

В исследовании принимали участие 37 мальчиков и 44 девочки, в возрасте — 10–11 лет.

Использовали методику оценки уровня школьной мотивации Н. Лускановой. Методика включает в себя анкету из 10 вопросов и с 3 вариантами ответов. Испытуемым предлагается выбрать один ответ. Каждому ответу соответствует определенное количество баллов. По сумме баллов делается вывод об уровне мотивации школьников.

После обработки результатов выявлены следующие показатели (табл. 1, рис. 1).

У детей, имеющих первый высокий уровень школьной мотивации, есть познавательный мотив, стремление наиболее успешно выполнять все предъявляемые школой требования. Такие ученики следуют всем указаниям учителя, добросовестны и ответственны; переживают, если получают неудовлетворительные оценки.

Таблица 1. Распределение уровней мотивации по группам (по вариантам обучения)

№	Уровни мотивации	1 гр.		2 гр.		3 гр.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1	Первый	5	20	4	12,9	-	0
2	Второй	9	36	16	51,6	11	44
3	Третий	7	28	4	12,9	8	32
4	Четвертый	3	12	6	19,4	3	12
5	Пятый	1	4	1	3,2	3	12

Условные обозначения: 1 гр. — ученики гимназии, 2 гр. — ученики обычной школы, 3 гр. — ученики лицея.

Второй уровень — хорошая школьная мотивация. Такие показатели, как правило, у большинства учащихся младшего школьного возраста. Ученики успешно справляются с учебной деятельностью, проявляют меньшую зависимость от жестких требований и норм. Подобный уровень мотивации является средней нормой.

Третий уровень — положительное отношение к школе, но школа привлекает таких детей, как правило, внеучебной деятельностью. Такие дети достаточно благополучно чувствуют себя в школе, но чаще ходят в школу, чтобы общаться с друзьями, с учителем. Им нравится ощущать себя учениками, иметь красивый портфель, ручки, тетради. Познавательные мотивы у таких детей сформированы в меньшей степени, и учебный процесс их мало привлекает.

Четвертый уровень — низкая школьная мотивация. Эти дети посещают школу неохотно, предпочитают пропускать занятия; на уроках часто занимаются посторонними делами. Такие ученики, как правило, испытывают затруднения в учебной деятельности, находятся в состоянии неустойчивой адаптации к школе.

Пятый уровень — негативное отношение к школе, школьная дезадаптация. Такие дети испытывают трудности в обучении, не справляются с учебной деятельностью. Кроме того, они испытывают проблемы в общении со сверстниками (одноклассниками), во взаимоотношениях с учителем. Школа нередко воспринимается такими учениками как враждебная среда, поэтому они могут проявлять агрессию, отказываться выполнять задания, следо-

вать тем или иным нормам и правилам. Часто у таких детей отмечаются нервно-психические нарушения.

В целом в гимназии 56% учеников имеют 1 и 2 уровни мотивации, то есть хорошую школьную мотивацию; в обычной школе — 64,5%, в лицее — 44%.

На рисунке 1 представлены результаты оценки школьной мотивации у младших школьников при разных вариантах обучения.

Как видно из рисунка, наиболее высокий показатель оценки школьной мотивации отмечен у учащихся гимназии, в обычной школе этот показатель почти не отличается от гимназии, а в лицее он значительно ниже.

Таким образом, все учащиеся показали в основном хорошую школьную мотивацию (наиболее высокий показатель — в обычной школе). Ученики успешно справляются с учебной деятельностью, проявляют меньшую зависимость от жестких требований и норм. Такие дети находят интерес в уроках. Подобный уровень мотивации является средней нормой. Вместе с тем, у учащихся лицея довольно высокий показатель третьего и четвертого уровней, по сравнению с детьми гимназии и школы, такие дети имеют положительное отношение к школе, но школа привлекает таких детей, как правило, внеучебной деятельностью. Такие дети достаточно благополучно чувствуют себя в школе, но чаще ходят в школу, чтобы общаться с друзьями, с учителем. Им нравится ощущать себя учениками, иметь красивый портфель, ручки, тетради. Познавательные мотивы у таких детей сформированы в меньшей сте-

пени, и учебный процесс их привлекает в меньшей степени. Возможно, это связано с трудностями программы, основной упор которой идет на дисциплины технического характера (математика).

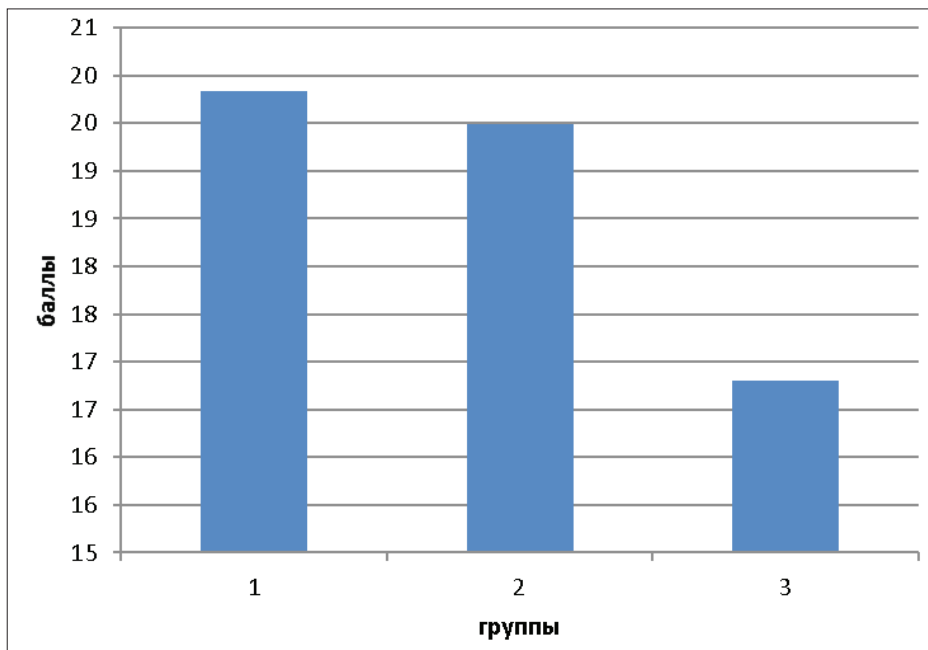

Рис. 1. Оценка школьной мотивации у младших школьников при разных вариантах обучения. Условные обозначения: 1 гр. — учащиеся гимназии, 2 гр. — учащиеся обычной школы, 3 гр. — учащиеся лицей

Литература:

1. Детская психология. Методические указания. Автор-составитель Р.П. Ефимкина. Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1995.
2. Кулагина И. Ю., Гани С. В. Развитие мотивации в младшем школьном возрасте // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 2. — С. 102–109.
3. Луговая Т. В. Как научить детей учиться // Сельская школа. — 2011. — № 2. — С. 108–115.
4. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. — М.: Просвещение, 1990.
5. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития: учебник / В. С. Мухина. — М.: ACADEMIA, 2006. С. 414.

Особенности подготовки детей дошкольного возраста к обучению в школе

Митичева Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент;
 Шадрин Яна Альбертовна, магистрант
 Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье рассматривается вопрос изучения особенностей подготовки детей дошкольного возраста к обучению в школе. Проанализированы подходы известных авторов к определению понятия «готовность к школьному обучению», рассмотрены особенности подготовки детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: готовность к школьному обучению, дошкольник, особенности развития дошкольника, федеральный государственный образовательный стандарт

Features of preparation of preschool children for school

Miticheva Tatyana Ivanovna, PhD, Associate professor;
Shadrina Yana Albertovna, masters student
Arzamas branch NNSU, Arzamas, RF

The article deals with the question of studying the features of preparation of preschool children to studying at school. Analyzed approaches of famous authors to the definition of «readiness for school», discusses the features of the preparation of preschool children.

Keywords: *readiness for school, preschool child, features of the development of the preschool child, federal state educational standards*

Система современного образования претерпевает коренные изменения касательно вступления в силу новых федеральных государственных образовательных стандартов и тем, что к современному выпускнику детских садов, школ, институтов, предъявляются уже совершенно иные требования к качеству их образования. Федеральные государственные образовательные стандарты введены и в системе дошкольного образования. Если рассматривать требования данного стандарта, то можно отметить, что в нем выделяются следующие требования к дошкольному образованию: требования к образовательной программе, требования к условиям, созданным в образовательном учреждении, требования к освоению образовательной программы дошкольного образования. Дети должны быть готовы к тем изменениям, происходящим сейчас в области образования.

В связи с данными происходящими событиями, не перестает повышаться заинтересованность общества к проблеме готовности детей к школьному обучению. Сейчас необходимо формировать у ребенка такие целевые установки и ориентиры, как постоянный познавательный интерес к окружающему его миру и инициативность ребенка, его способность справляться самостоятельно с возникающими проблемами и принятия им ответственных решений. Кроме того, ребенок должен быть уверен в своих силах и возможностях, уметь адекватно общаться не только со своими сверстниками, а также и взрослыми людьми.

Наряду с этим, нужно подметить, что в представленной сегодня психолого-педагогической литературе не в полной мере рассматривается вопрос об особенностях подготовки детей дошкольного возраста к учебе в школе, поэтому у авторов статьи это вызвало необходимость рассмотрения изучаемого вопроса. В ходе осуществления работы нами были намечены и реализованы нижеперечисленные задачи исследования.

Первоочередной задачей исследования явилось изучение теоретических подходов современных авторов к изучаемой проблематике. В связи с происходящими изменениями в системе дошкольного образования, совершенно новый акцент ставится на определении самого понятия «готовность к школе», «подготовка к школе». В научных изысканиях авторов Е. А. Александровой, А. В. Белошистой, М. М. Безруких, Л. И. Божович, Е. А. Бугрименко, И. Г. Будницкой, Л. А. Венгер, Л. С. Выготского, Н. И. Вьюнова, Э. Д. Гейци, Н. И. Гуткиной, М. Н. Дикова, А. В. За-

порожец, М. Н. Кабановой, Е. Е. Кравцовой, Д. В. Савицкой, Н. Г. Салминой, Н. Г. Стародубовой, Д. Б. Эльконина и др. данная проблема отмечается как, наиболее актуальная и требует пересмотра ее решения в связи с тем, что результативность дошкольного образования определяется в отличие от иных образовательных стандартов не системой сформированных знаний, умений, навыков у дошкольника, а сформированными у него личностных качеств. К таким можно причислить развитые воображение и логическое мышление, любознательность, стремление к познанию, и др.

Ученый Л. А. Венгер обозначал в своих высказываниях, что под понятием «быть готовым к школе» он понимал готовность ребенка к обучению всем видам учебной деятельности.

Наряду с этим, нами были проанализированы основные положения отечественных и зарубежных авторов к изучаемой проблеме.

Рассматриваемая проблема подготовки детей дошкольного возраста к школе нами исследована в работах известных авторов: Э. Д. Гейци, М. М. Безруких, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Н. И. Вьюнова, Н. И. Гуткина, Д. Б. Эльконин и др. Каждый из них по-своему понимает понятие «готовности к учебе в школе».

Так, например, Л. И. Божович полагает, что это ничто иное как, совокупность установленного уровня развития не только познавательных процессов и мыслительной деятельности ребенка, но и его умение представлять свою обусловленную социальную позицию и умение регулировать различные виды деятельности в ходе учебы [1].

Несколько иной подход отражен в трудах Д. Б. Эльконина. Он указывает на то, что под данным определением понимается освоение социального опыта школьником и установленных между ребенком и взрослым системы социальных отношений, складывающихся в период учебы [6,7].

Значительную лепту в изучении данной проблемы внес Л. С. Выготский, который утверждает, что у ребенка еще до момента учебы в школе, должны быть заложены определенные способности и он должен психологически готов к занятиям в школе [2]. Только тогда, когда у дошкольника все эти особенности сформированы, он успешно освоит учебный школьный процесс.

Сходную точку зрения представляет А. В. Запорожец, полагающий, что будущий школьник должен обладать уста-

новленными качества личности, определяющими их готовность к учебе в школе. В качестве таковых он перечисляет следующие качества: «...школьную мотивацию ребенка, уровня развития познавательной, аналитико-синтетической деятельности, степень сформированности механизмов волевой регуляции действий и так далее» [3].

С.Л. Рубинштейн в своих произведениях больше уделял интерес не самой этой проблеме, а вопросу единства обучения и развития ребенка в ходе учебы. Ученый отмечал значимость вопроса изучения развития ребенка в ходе учебы [4]. Большой смысл он вкладывал в значимость игровой деятельности для детей, считая, что именно она способствует развитию способностей ребенка, и формирует умения использовать любые виды деятельности в ходе игры. В его изысканиях отражена идея о том, что учебная деятельность выступает основой трудовой деятельности.

Идея Н.Г. Салмина в своих научных изысканиях строится на том, что ребенок должен обладать не только такими психологическими показателями, как формирование и развитие определенных личностных качеств дошкольника, но и уметь осуществлять любые действия в ходе учебной деятельности. Будущий школьник должен легко уметь общаться со своими ровесниками, взрослыми людьми, эмоционально включаться в процесс обучения, реализовывать определенный алгоритм действий на поставленные перед ним задачи и т.д. [5].

Проанализировав различные подходы к изучаемой проблеме, надо заметить, что в науке не сложилось единого понимания в изучаемом вопросе. Большинство авторов по-своему определяют понятие «готовность к школьному обучению». Общеизвестным является тот факт, что проблема готовности к школьному образованию ребенка изучается в плоскости соответствия уровня развития ребенка требованиям учебной деятельности.

Согласно второй задаче, нами были проанализированы особенности развития детей дошкольного возраста.

С психологической точки зрения можно выделить определенные возрастные особенности дошкольника. Наиболее значимыми мы выделили умение общаться не только со своими сверстниками, но и с окружающими ребенка взрослыми людьми. Именно в этот период своего развития не только устанавливаются взаимоотношения со взрослыми, но и происходит гармонизация этих отношений. Дошкольник, взаимодействуя со своими ровесниками, понимает, кто в его окружении является лидером и кто подчиненным. Взрослого человека ребенок дошкольного возраста воспринимает совершенно иначе, как учителя и наставника.

В дошкольном возрасте у ребенка развиваются творческие способности, он проявляет способности логического и практического мышления, происходит становление произвольного поведения, в ходе которого контролирует свои действия и обдумывает свои поступки, учится управлять своими эмоциями.

Именно в данный период времени наблюдается активное формирование целостного представления мировоззрения, ребенок способен к концентрации своего внимания, у него вырабатываются элементарные понятия этики и морали, чувства долга, развиваются и такие качества личности, как инициативность и целеустремленность. На момент окончания детского сада большинство детей проявляют желание учиться в школе, хотя некоторые из них воспринимают учебу как некую игровую деятельность.

Изучив особенности детей дошкольного возраста к школьному обучению в современных условиях, необходимо отметить, что для успешной подготовки ребенка к школе нужно организовывать так его жизнедеятельность, чтобы у него были сформированы необходимые для этого определенные личностные качества, которые помогут ему справиться с большой эмоциональной и психологической нагрузкой, связанной со школьным обучением.

Литература:

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности. — М.: Воронеж, 2005. — 164 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. — М.: Педагогика, 2005. — 573 с.
3. Запарожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. — М., 1986. — 164 с.
4. Рубинштейн С.П. Основы общей психологии: — М.: «Просвещение», 1989. — 137 с.
5. Салмина Н.Г. Психологическая диагностика развития младшего школьника — М.: МГППУ, 2006. — 210 с.
6. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: МГУ, 2000. — 286 с.
7. Эльконин Д.Б. Детская психология. — М.: МГУ, 2006. — 128 с.

Психологическая составляющая успеха человека

Носков Андрей Викторович, магистрант

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» (г. Москва)

Колобова Евгения Алексеевна, студент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Горячих Антон Владимирович, магистрант;

Сукаев Альберт Атласович, магистрант

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Психологическая и социальная адаптация являются той необходимой базой, опираясь на которую менеджер может добиться успеха. В статье рассмотрены: личностные ограничения, которые снижают эффективность психологической адаптации, представлены 3 варианта социальной адаптации и различные формы дезадаптации, препятствующие эффективной социальной адаптации.

Ключевые слова: адаптация, психологическая адаптация, социальная адаптация, менеджер, успех

Еще первые предки человека поняли, что их шансы на выживание в борьбе с животными крайне малы. И перешли на внешний уровень адаптации. Наступают холода и животные покрываются шерстью, а люди шьют одежду: животные роют землю лапами, а человек изобретает лопату: человек бегают плохо, поэтому ездят верхом на тех, кто бегают хорошо, а потом изобретает автомобиль: не может поднимать тяжести, использует слонов, а потом изобретает подъемные краны. Иными словами, человек бремя физиологической адаптации переносит на внешние предметы, делая ставку на другой уровень и развивая именно его: мышление, воображение, память и т. д.

Однако такое решение могло стать роковым для потомков. Биологическая природа отказывается от того, что не используется! Если человек пролежал в постели полгода, то ему приходится учиться ходить заново. Все, что человек не использует, атрофируется «за ненадобностью». Для того чтобы держать в форме свое физическое тело, человеку пришлось придумывать разные упражнения.

Человек существует как психическая система, которая направлена на осознание возникающих изменений в мире и принятие адекватных мер. Это не безоговорочное приспособление, это принятие решения. Психологическая адаптация — это процесс, возникающий в ответ на значительную новизну окружающей среды.

Психологическая адаптация [1,2] включает:

- мотивацию: человек осознанно принимает решение изменить свое поведение или не менять его, понимая, зачем ему это нужно;
- постановку цели: определяет, что конкретно он готов изменить в себе и за какие сроки;
- программу достижения цели: содержание изменений, этапы реализации, средства реализации.

Психологическая адаптация длится порядка двух месяцев. Но этому предшествует период, временные затраты на который даже подсчитать сложно. Это принятие решения. Человек может многие годы мечтать о том, как он изменится, как будет вести здоровый образ жизни, станет образованным человеком, но так ничего и не предпринять.

Порой человек, делая выбор между смертью и необходимостью измениться, выбирает смерть. Это его решение.

Сложности принятия психологической адаптации, вероятно, связаны с тем, что она предполагает серьезную перестройку человека. Она требует от него познания самого себя (это всегда страшно), способности критически подойти к себе, поверить в то, что изменения ему на благо, а не во вред, выработать новые навыки умственной деятельности, чтобы грамотно спроектировать изменения и многое другое.

В психологии ежегодно проводятся исследования, цель которых понять с какими ограничениями сталкивается на своем пути человек, и какие из них человек накладывает сам себе. Следует отметить, что многие ограничения человек создает неосознанно или они принимаются еще в том возрасте, когда человек просто не может понять всю мощь их ограничительной функции.

Психологи регулярно публикуют списки психологических (личностных) ограничений, которые незначительно отличаются у разных исследователей. Остановимся на шести самых распространенных личностных ограничениях.

1. Незнание себя и неумение управлять собой.

Незнание себя приводит к целому ряду негативных последствий, в частности:

- человек работает много, но высоких результатов не достигает, так как работает неэффективно, не использует свои сильные стороны;
- человек не ощущает свою энергию, и часто чувствует себя слабым, так как не имеет доступа к собственным ресурсам;
- человек невысоко себя оценивает, не может смириться с неудачами, и потому ищет всеобщего одобрения.

Это лишь незначительная часть последствий незнания самого себя.

2. Неверная жизненная позиция.

Жизненная позиция складывается из отношения к себе и окружающим людям. Здесь возможны четыре варианта.

Первая позиция: все люди и я, в том числе, нормальные, хорошие.

Вторая позиция: все люди нормальные, хорошие, один я ничего не стою.

Третья позиция: я-то нормальный, хороший, а вот все люди вокруг плохие.

Четвертая позиция: все люди вокруг плохие, но и я не лучше.

Совершенно очевидно, что верной является только первая позиция.

3. Отсутствие четких личных целей.

Постановка целей или целеполагание один из самых сложных процессов [3]. К сожалению, человек редко ставит цели, как правило, он реализует либо чужие цели, либо воспроизводит ежедневные цели, обеспечивающие жизнь.

В современной психологии разработаны технологии, освоив которые человек может грамотно формулировать свои цели, а главное, достигать их.

4. Нет стремления к саморазвитию.

Познание себя еще не порождает стремления к саморазвитию как осознанному изменению самого себя во всех своих проявлениях. Сложно понять, какие способности, особенности можно и нужно развивать, а на какие не стоит тратить силы и время.

Саморазвитие — это самое эффективное адаптационное средство. Не важно, о какой адаптации идет речь — физиологической, психологической [4], социальной или профессиональной.

5. Не сформированы навыки решения проблем.

Проблема — понятие субъективное: у каждого свои проблемы. Обычно человек испытывает трудности, но не все и не для всех они переходят в разряд проблем. Причин может быть много: переоценили свой жизненный опыт или способности, а вот способы выхода из проблемных ситуаций более или менее одинаковы. Поэтому в психологии возникло направление, занимающееся разработкой технологий разрешения проблемных ситуаций.

6. Отсутствует творческий подход к жизни.

Творчество не относится к числу отдельно взятого умения или знания. Это образ жизни, эмоциональное состояние, стремление породить нечто новое во всех сферах своей жизни. Нельзя запланировать творчество на какое-то конкретное время, например, «в понедельник с 9 утра до 12, буду творить». Можно запланировать решение задач, но не творчество [5].

Относительно социальной адаптации можно сказать, что она представляет собой многофакторный и многомерный процесс вхождения личности в новое социальное окружение с целью совместной деятельности в направлении прогрессивного изменения как личности, так и среды. Социальная адаптация является наиболее сложной. Человек существует только в обществе, среди людей. Оказавшись в ситуации, когда нежелание или невозможность адаптироваться к обществу грозит жизни, человек и здесь нашел способы обойти эту экстремальную ситуацию.

Напомним, чтобы раздвинуть физиологические границы, человек сделал ставку на свой разум, стал развивать

мышление. Чтобы раздвинуть социальные границы, человек вновь ищет помощи в своей психике (душе). Поэтому в литературе чаще используется понятие «социально-психологическая адаптация»: социальное — то, к чему человек приспосабливается, и психологическое — то, с помощью чего происходит адаптация.

Средний срок социально-психологической адаптации составляет около трех лет.

Раньше существовало требование относительно молодого специалиста, согласно которому его не имели права уволить с работы в первые три года, и он сам, также не мог добровольно уйти с работы. Это время необходимо не только для освоения трудовых навыков (в первую очередь!), но и для социальной адаптации. Предполагалось, что человек за три года:

- во-первых, усвоит и примет социальные и профессиональные нормы поведения, в том числе неофициальные («неписанные») правила, ценности, отношения, научится соблюдать требования трудовой дисциплины;
- во-вторых, волеется в трудовой коллектив и реально станет членом этого коллектива, освоит профессионально-ролевые (социальные) функции, соответствующие социально-профессиональному официальному и неофициальному статусу членов коллектива.

Возможны разные варианты адаптации: внутренняя, внешняя и смешанная.

Внутренняя адаптация наступает, когда происходит перестройка личности и ее функциональных структур. Если уровень развития коллектива высок, то человек развивается, подтягивается. Если уровень развития коллектива низкий, то и человек будет двигаться в этом направлении.

Внешняя адаптация наступает, когда человек сохраняет себя и свою самостоятельность, не допуская внутренней (содержательной) перестройки, но и не привлекая к себе внимание, демонстрирует внешнее принятие социальной среды. Этот путь «быть своим среди чужих» сложный, он требует огромных энергетических затрат.

Смешанная адаптация наступает тогда, когда при сохранении своего «Я», своей самостоятельности происходит внутреннее подстраивание человека под среду, её ценности и нормы.

Понять насколько человек адаптировался, можно по двум показателям: внешним (видно со стороны) [6] и внутренним (что человек ощущает сам).

Если реальное поведение человека соответствует требованиям среды, принятым правилам и критериям, то можно говорить об адаптации. Если при этом сам человек испытывает внутреннюю эмоциональную стабильность, комфортность, состояние удовлетворенности, то речь идет о внутренней адаптации.

Существуют определенные различия между тем, как адаптируются в профессиональной жизни женщины и мужчины.

Профессиональная жизнь предполагает адаптацию в двух плоскостях.

Во-первых, собственно трудовая деятельность.

Во-вторых, социальная среда, в которой эта деятельность протекает.

Женщины, как правило, начинают с освоения новой социальной среды, пытаются сразу войти в коллектив и занять в нем определенное место. Трудовая деятельность для них уходит на второй план. Как результат, адаптация для женщин протекает сложно, требует значительных физических и психических ресурсов, порой служит источником нервных срывов, обид и претензий.

Мужчины поступают иначе. Они осваивают новую деятельность, переводя социальную среду на второй план. Они не навязывают себя коллективу, стремясь достичь конкретных успехов в работе и именно через работу завоевать признание. Такой подход оказывается более продуктивным: мужчины быстрее адаптируются, их физиологические и психические затраты не высоки.

Кстати, наблюдения за современными женщинами показывают, что они также начинают переходить на мужской тип профессиональной адаптации.

Далеко не каждый человек способен адаптироваться даже за три года. Адаптивность как способность человека модифицировать себя или свое окружение при возникновении неблагоприятных изменений с целью хотя бы частичного восполнения потери работоспособности, у разных людей разная. Способность может изменяться, на нее влияют многие факторы, но больше всего она зависит от желания самого человека, его мотивации и состояния.

Если по какой-то причине, человек не может на протяжении длительного времени ни внешне, ни внутренне принять новую для него среду, тогда у него усиливается эмоциональное напряжение и чувство дискомфорта, наступает дезадаптация.

Дезадаптация принимает различные формы, в зависимости от того, что послужило ее возникновению.

Порой речь идет о принципиальном нежелании адаптироваться, когда человек или группа людей, стремятся навязать свои правила, поскольку искренне верят, что их правила «более правильные». Это неизбежно вызывает эмоциональное напряжение с обеих сторон, порождая конфликт.

Внешне такая форма дезадаптации проявляется в деструктивном поведении. Человек демонстрирует агрессивность и жестокость к окружающим, враждебность в общении, склонность к разрушению, угрожает чужой жизни, но вред может принести и своей собственной жизни. В профессиональной жизни эта форма проявления дезадаптации практически не встречается: человека попросту увольняют. Деструктивность характерна, в первую очередь, для подростков, которые не хотят включаться во взрослую жизнь. Для них, привыкших видеть мир в черно-белом варианте, реальная жизнь с ее неоднозначностью крайне трудна для понимания. Ту же форму дезадаптации можно наблю-

дать среди некоторых слоев мигрантов, которые сталкиваются не только с новыми условиями жизни (к ним адаптируются быстро), сколько с абсолютно новыми ценностями, взглядом на мир.

Другой формой дезадаптации являются появление у человека различных неврозов. Человек стремится к тому, чтобы быть принятым в обществе, но невозможность по каким-то причинам адаптироваться, порождает депрессию и чувство беспричинного страха, утрачивается способность радоваться и желание общаться с людьми. Человек замыкается в себе, его самооценка и без того заниженная, еще больше падает. Он попадает как бы в замкнутый круг, чтобы вырваться из него порой требуется профессиональная психологическая помощь.

Таким образом, если:

- человек чувствует себя комфортно, ему ни холодно, ни жарко, значит, он адаптирован на физиологическом уровне;
- человеку приятно и интересно общаться с окружающими людьми, значит, он адаптирован на социальном уровне;
- человек существует в гармонии с собственным «Я», значит, он адаптирован психологически.

Когда человек адаптирован на всех уровнях, то тогда о нем говорят, что он счастливый, успешный человек. Кого-то это состояние может охватить всего на миг, когда все совпало: комфортно, интересно, приятно и при этом есть ощущение полноценной, активной жизни. Кого-то это состояние не покидает большую часть жизни. Есть и те, кто так и не испытал его.

Почему одни люди успешны, счастливы, а другие не могут достигнуть успеха, стремясь к нему и прилагая немалые усилия?

В поисках ответов на эти вопросы в середине XX века перед американскими психологами было поставлено несколько задач:

1. Найти и описать самых успешных людей планеты.
2. Выявить то, что приводит к успеху, обобщить материал.
3. Создать на основе полученных результатов технологию в виде различных обучающих программ, тренингов для подготовки заведомо успешных людей.
4. Внедрить разработанную.

Предполагалось, что затраты на исследования окупятся за счет более эффективного труда обученных молодых специалистов.

Результаты исследования по всему миру выявили следующее.

Во-первых, успешные люди существуют во всех странах, независимо от уровня развития цивилизации, и везде их, к сожалению, мало. Успешность действительно универсальный показатель для всех времен и народов. Однако содержание, которое вкладывается в понятие «успех», различно для разных людей и разных цивилизаций [7]. Отсюда и стремление к разным целям.

Во-вторых, успех не является случайностью, он закономерный результат целенаправленной деятельности человека, его мотивации и продуктивного взаимодействия с другими людьми. Отдельной линией исследования были люди, которые разбогатели, например, выиграв в лотерею или неожиданно получив большую сумму денег. Почему эти люди привлекли особое внимание? Да потому, что многие думают: стать успешным и счастливым помогают деньги, «много денег и сразу». Но быть богатым и иметь много денег — совершенно разные состояния и разная жизнь. Установленный в исследовании факт: ни один из получивших

случайно деньги богатым не стал, и не смог войти в мир богатых. Максимальный срок, который удавалось продержаться на случайных деньгах — год.

В-третьих, факторы, которые приводили к успеху, были почти одинаковыми у всех успешных людей. Но четко прослеживалась тенденция: по мере развития цивилизации успех как результат осознанной деятельности все больше зависит от личностных черт человека. Искать причины во внешнем окружении не имеет смысла: обстоятельства складываются по-разному, но успеха люди достигают чаще всего не благодаря внешним условиям, а вопреки им.

Литература:

1. Абашкина Е. В., Новочадов В. В. Одаренный первокурсник: социальная и психологическая адаптация в вузе. Монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. 97 с.
2. Бочарская И. А. Профессиональная и социально-психологическая адаптация студентов в вузе как процесс воспитания социально-ориентированной и конкурентоспособной личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3. С. 125–127.
3. Васякин Б. С., Бережная М. С., Пожарская Е. Л., Дебердеева Н. А. Социально-психологическая адаптация абитуриентов и студентов регионов посредством социально-психологического тренинга // Горизонты экономики. 2014. № 6–2 (19). С. 119–125.
4. Григорьев А. В., Григорьева М. В. Социально-психологическая адаптация молодежи в зависимости от видов социальной активности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 6. С. 234–240.
5. Гурьев М. Е. Социально-психологическая характеристика адаптации и адаптационных возможностей личности в социальной среде II Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 22. С. 83–90.
6. Иванова С. В. Социально-психологическая адаптация в свете соотношения социального и личностного в образовательном процессе II Этносоциум и межнациональная культура. 2007. № 2 (6). С. 15–25.
7. Исмиянов В. В. Социальная адаптация студентов-сирот на основе применения модельных характеристик их физического, психологического и социального здоровья II Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 4 (34). С. 40–43.

Профориентационные занятия как фактор повышения психологической готовности к самоопределению старших школьников

Туктарова Россияна Руслановна, студент

Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани

В работе описаны результаты исследования по проблеме профориентационных занятий, как фактора повышения психологической готовности.

Ключевые слова: профессиональный выбор, мотивация, психологическая готовность, профориентационные занятия

Выбор профессии — активная, свободная деятельность человека в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, осуществляющая подготовку к определенному роду трудовой деятельности.

В определении профессиональной направленности в отечественной психологии наметились три основных подхода: профессиональная направленность проявляется через интересы и склонности к профессии (Н. В. Кузьмина, В. А. Слостенин, Ю. Д. Шелухин, С. П. Крягжде); профес-

сиональная направленность имеет чисто процессуально-деятельностное содержание (В. Г. Немировский, Л. Х. Джиллаван); профессиональная направленность сосуществует наряду с различными группами «морально-мировоззренческих» (Б. И. Додонов) и «процессуально-деятельностных» мотивов (В. И. Ковалев).

Сущность профессиональной направленности также чаще всего определяется через установки, интересы, цели, склонности, убеждения (А. П. Сейтешев), отношения

(Т. П. Маралова), потребности, мотивы (Н. Ю. Ткачева, Е. М. Никиреев), установки (А. С. Ткаченко) и др. Общность различных точек зрения на сущность профессиональной направленности заключается в рассмотрении ее как сложного целостного образования, как стороны направленности, как мотивационного образования личности.

Специфическими составляющими направленности выступают мотивационные образования (а в их структуре интересы) [1].

Интерес-мотив способствует ориентировке в какой-либо области, ознакомлению с новыми фактами, более полному и глубокому отражению действительности.

К следующему фактору выбора будущей профессии мы отнесли индивидуально-психологические особенности личности. В их основе лежат врожденные особенности, наиболее изученными из которых на сегодняшний день являются основные свойства нервной системы (Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын, Э. А. Голубева, И. В. Равич-Шербо, Т. Ф. Базылевич, В. М. Русалов и др.). Именно они определяют темперамент, характер, способности человека, формирование которых особенно активно идет в период предпрофессионального развития личности.

Различные профессии требуют и различных способностей. Определенные виды деятельности требуют особого таланта. Иные требуют умения согласовывать свои действия с действиями других. Для некоторых профессий необходимы творческие способности, оригинальность и самостоятельность мышления. Наличие определенных способностей может оказаться решающим фактором для достижения быстрого успеха в избираемой сфере деятельности, дает возможность получить хорошие результаты после соответствующего обучения и приобретения необходимого опыта [7].

К объективным факторам выбора профессии можно отнести уровень подготовки и информированность учащихся о профессии через комплекс имеющихся знаний. Анализ психологической литературы показал, что знания могут быть рассмотрены как усвоенная человеком информация, которая может существовать в самой различной форме (понятия, представления, образы и т. д.). Кроме общих и специальных профессиональных знаний, получаемых на этапе овладения профессией, целесообразно выделить еще одну самостоятельную группу — предпрофессиональных знаний. С нашей точки зрения, это знания о внешних проявлениях профессиональной деятельности, не включенных в личностную подсистему, характеризующиеся малодифференцированным, ограниченным представлением о мире профессий.

Кроме объективных и субъективных факторов выбора будущей профессии социальные так же оказывают существенное влияние на формирование представлений о себе и о мире профессий, тем самым опосредованно влияя на самоопределение и выбор будущей профессии подростка.

Последнее время мода на наиболее материально обеспеченные профессии (юридические, экономические) вызывает определенный бум. Однако, кроме внешнего стимула,

данные профессии многих больше ничем не привлекают. Это в дальнейшем может привести к формированию чувства неполноценности и разочарованию в жизни человека. Этому так же способствуют и средства массовой информации.

В жизни ребенка каждый взрослый играет определенную роль. Отношения между педагогами, родителями и детьми приводят к формированию у детей установок, потребностей и интересов, которые во взрослой жизни оказывают влияние на выбор будущей профессии. Так хороший учитель является кумиром для своих учеников. Они хотят подражать и быть похожим на него.

Исследования относительно влияния родителей и сверстников на образовательные планы молодых людей дают несколько противоречивые результаты. Фактически большинство молодых людей согласуют свои планы и с родителями, и с друзьями. Как правило, мнение друзей подкрепляет пожелания родителей, потому что молодые люди общаются со сверстниками, цели которых во многом совпадают с целями родителей.

Таким образом, профессиональное самоопределение является условием выбора будущей профессии.

Э. Эриксон пришёл к выводу о том, что многие проблемы данного возраста связаны с трудностями построения временной перспективы. Одним из наиболее важных факторов, помогающих сделать правильный выбор, является не только компетентность во времени, но и осознание своих мотивационных установок (Л. И. Божович, Ж. Нюттен, Н. Н. Толстых).

Нередко оказывается, что, даже получив информацию (по результатам диагностики) о своих профессиональных интересах, склонностях и предпочтениях, структуре интеллекта, особенностях мотивационной сферы, подросткам не легко объединить, интегрировать новые знания о себе и выстроить профессиональную перспективу.

Для выявления причин трудностей самоопределения может быть использована притча «Три мудреца». Эссе по мотивам притчи — это диалог, в котором раскрывается целый комплекс проблем, связанных с личностными особенностями подростка, а также выявляются ресурсы для дальнейшей работы. В процессе работы с притчей у школьников возникает образ будущего, но не абстрактный и нереалистичный, а непосредственно связанный с настоящим. Работа с притчей позволяет осознать свою жизнь в целостности, принять своё прошлое, без страха смотреть в будущее, активно действовать в настоящем.

Таким образом, работу со школьниками на этапе профессионального самоопределения можно начинать не со ставшей традиционной диагностики интересов и способностей подростков, а с активизации учащихся и выяснения особенностей построения временной перспективы, их отношения к прошлому, настоящему и будущему.

Как правило, учащиеся старших классов способны воспринимать время в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Данные представлены на рисунке 1.

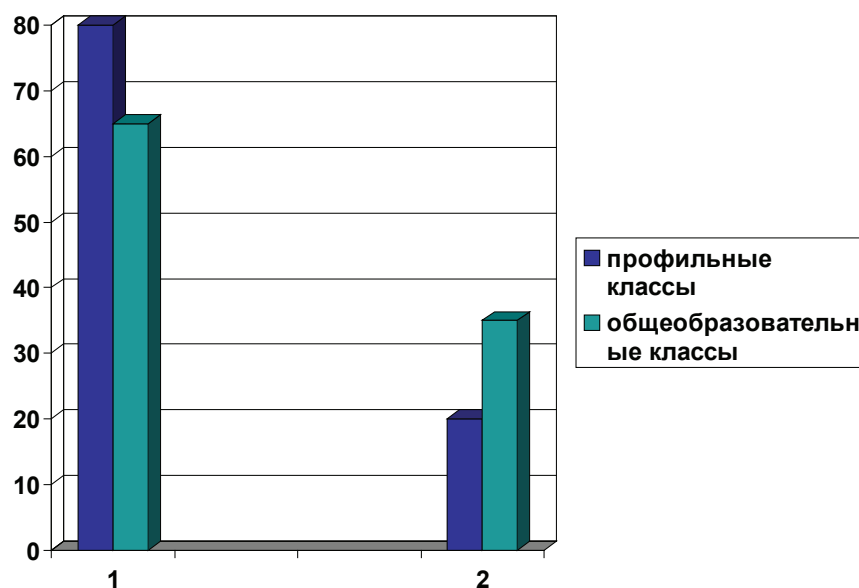

Рис. 1. Временная перспектива (восприятие единства временной перспективы): 1 — единство временной перспективы; 2 — отсутствие единства временной перспективы

Анализ эссе позволил выделить пять специфических для типов восприятия психологического времени личности:

1 — отсутствие фиксации на каком-либо временном отрезке.

2 — фиксация на прошлом.

3 — фиксация на настоящем.

4 — фиксация на будущем

5 — слитое настоящее и будущее, т. е. восприятие настоящего и будущего как единого временного отрезка или «точечное» ощущение настоящего, настоящее как одно мгновение.

Данные представлены на рисунке 2.

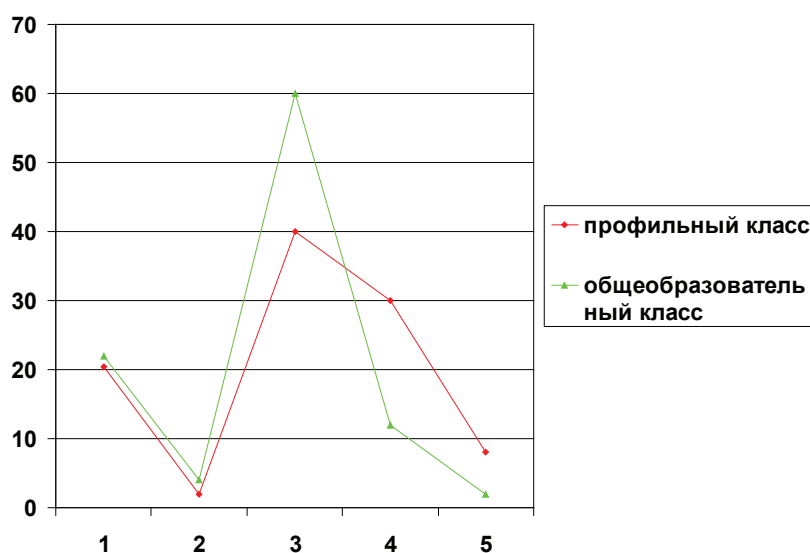

Рис. 2. Временная перспектива учащихся: 1- отсутствие фиксации на 1 временном отрезке; 2 — фиксация на прошлом; 3- фиксация на настоящем; 4- фиксация на будущем; 5- слитое настоящее и будущее (восприятие настоящего и будущего как единого временного отрезка).

В эссе учащихся профильного класса, в отличие от работ школьников общеобразовательных классов, почти всегда тема размышлений о времени переплетается с рассу-

ждениями о себе, о своей перспективе. Более детальный анализ эссе позволяет заметить, что даже среди школьников, устремленных в будущее, некоторые из них относятся

к нему настороженно. При дальнейшей работе с этими учащимися был выявлен высокий уровень тревожности.

В процессе анализа восприятия психологического времени личности в разных группах было замечено, что это — не статичное образование, а особенность, претерпевающая значительные изменения в процессе взросления.

В ходе контент-анализа эссе были выявлены темы, интересующие старших подростков: тема выбора, принятия решения; тема учёбы; тема профессии; тема тревоги, страха, боязнь возможной неудачи; тема достижений; тема семьи, рода (в эссе встречается как тема продолжения рода, так и тема прошлого своей семьи, сохранения семейных традиций, знания истории своей семьи); тема нравственности; философские темы и понятия (мир, человечество, тема жизни и смерти); тема толерантности (понимание того, что каждый имеет право на свою точку зрения); тема судьбы.

Выбор профессии предполагает наличие информации как о мире профессии в целом, о возможностях и требованиях каждой из них, так и о себе самом, своих способностях и интересах. Именно такой информации подросткам часто не хватает. Их отношение к профессиям зависит от сведений, полученных от родителей, знакомых, друзей, сверстников, средств массовой информации.

Главной целью профессионального самоопределения является постепенное формирование у школьника внутренней готовности к осознанному и самостоятельному по-

строению, корректировке и реализации перспектив своего развития (профессионального, жизненного и личностного), самостоятельному поиску лично значимых смыслов в конкретной профессиональной деятельности.

Для определения уровня профессиональной готовности была использована методика Л. Н. Кабардовой «Опросник профессиональной готовности».

К показателям уровня профессиональной готовности относят сформированность профессиональных намерений, их согласованность с интересами и личностной направленностью. Выделяют три уровня профессиональной готовности (УПГ): высокий (сформированность интересов, соответствие личных качеств избранной профессии, убеждение в правильности выбора, наличие профессиональных планов); средний (отсутствие устойчивого интереса и убежденности в правильности выбора, затруднения в профессиональном планировании); низкий (отсутствие профессиональных интересов и желания достичь высоких результатов, несоответствие особенностей профессиональной направленности личности требованиям профессии, негативная оценка себя).

Полученные данные показали, что суммарный процент высокого уровня профессиональной готовности (УПГ) — 48%, средний уровень составил 46%, низкий — 9,6%. В контрольной группе все показатели ниже нормы.

Данные результаты представлены на рисунке 3.

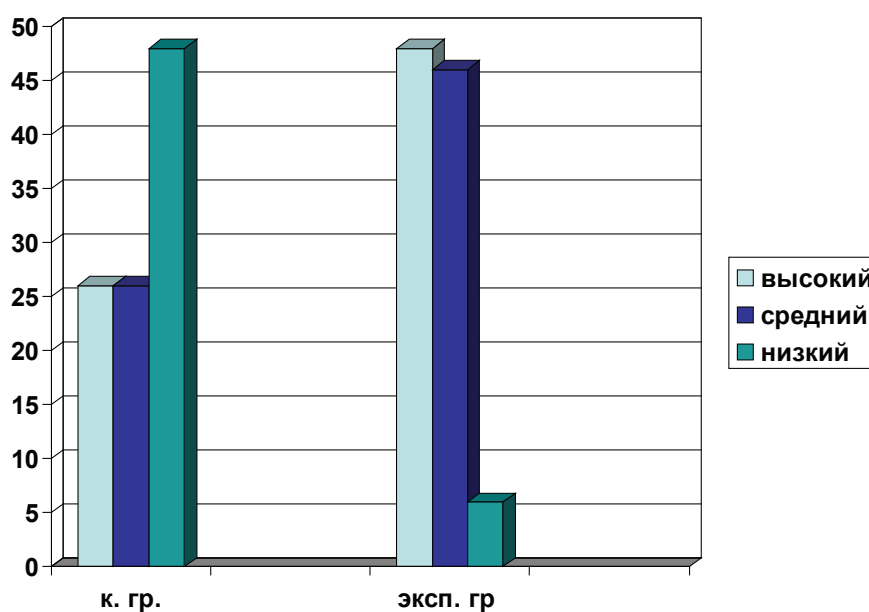

Рис. 3. Уровень профессиональной готовности

Следует при этом зафиксировать определенные гендерные отличия: у девушек более значителен процент как высокого (группа А — 46%, А-1 — 47%) так и низкого УПГ (группа А — 14%, А-1 — 10%). У юношей показатели распределились следующим образом: группа Б — высокий УПГ — 39%, средний 52%, низкий 8,5%; группа Б-1 высокий уровень УПГ — 45%, средний 49%, низкий — 6%.

К показателям уровня профессиональной готовности относится сформированность профессиональных интересов. Анализ структуры интересов позволил установить, что старшеклассники предпочитают традиционные для своего пола области знания и деятельности: у девушек приоритетными интересами являются интерес к моде, морали, легкой и классической музыке, путешествиям, сфера

интересов юношей также носит традиционный характер (техника, философий, путешествия, спорт). Но качественный анализ динамики изменения структуры интересов выявил, что у девушек снижается интерес к традиционно женским видам деятельности и появляется склонность к области интересов, традиционно характерным для мужчин: растет интерес к географии (5,0%), морали (8,5%), спорту (6,8%).

Следует отметить, что возможность высоких заработков по получаемой специальности учитывается юношами чаще, чем девушками, что не идет в разрез с традиционным

образом мужчины, как «добытчика». Девушки при выборе профессии руководствуются стремлением к карьере, успеху, высоким доходам, престижу в обществе, что больше характерно для мужской системы ценностей. Юноши также смотрят на проблему выбора профессии прагматично и реалистично.

Таким образом, в ходе исследования гипотеза о том, что профориентационные занятия могут являться эффективным средством мотивирования профессионального самоопределения и развития самопознания старших школьников, полностью подтвердилась.

Литература:

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология. М.: Академия, 2007. 228 с.
2. Абульханова К. Л. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. Т. 2. № 4. С. 27–35.
3. Вербицкий А. А., Креславская Е. Е. Диагностика понимания в контекстном обучении // Высшее образование в России. 2007. № 5. С. 13–23.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл: ЭКСМО, 2004. 136 с.
5. Кузнецова О. В. К проблеме мотивации выбора профиля обучения в подростковом возрасте // Ломоносов — 2005: материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. М., 2005. С. 221–222.
6. Кузнецова О. В. Исследование сферы профессиональных интересов и склонностей в подростковом возрасте // Молодые учёные — московскому образованию: материалы V гор. конф. М., 2006. С. 134–136.
7. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Академия, 2006. 228 с.

К вопросу о самооценке детей младшего школьного возраста

Царева Светлана Владимировна, магистрант

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, филиал в г. Екатеринбурге

Самооценка является важнейшим показателем развития личности.

Формирование самооценки в онтогенезе отражено в работах Л. И. Божович, автор отмечает, что на протяжении раннего и дошкольного детства происходит формирование самооценки под влиянием значимых взрослых, особенно родителей. Реакции взрослых являются важнейшим регулятором поведения ребенка. У младшего школьника учитель становится авторитетнее и влиятельнее родителей. К концу младшего школьного возраста дети больше считают с мнением и оценкой сверстников. А на протяжении среднего школьного возраста складывается уже относительно устойчивая самооценка и уровень притязаний [1].

С точки зрения А. И. Липкиной от уровня самооценки зависит уверенность ученика в своих силах, его отношение к допущенным ошибкам, трудностям учебной деятельности. Младшие школьники с адекватной самооценкой отличаются активностью, стремлением к достижению успеха в учении, большей самостоятельностью. Иначе ведут себя дети с низкой самооценкой они не уверены в себе, боятся учителя, ждут неуспеха, на уроках предпочитают слушать других, а не включаться в обсуждение [3].

Е. В. Ишмаметьева предлагает подразделять самооценку на следующие виды: завышенная неадекватная, высокая адекватная, заниженная неадекватная, адекватная устойчивая [2].

Дети, имеющие адекватную самооценку, активны, находчивы, бодры, с интересом и самостоятельно ищут свои ошибки в своих работах, выбирают задачи, соответствующие своим возможностям. Дети с высокой адекватной самооценкой отличаются активностью, стремлением к достижению успеха в учебной деятельности. Их характеризует максимальная самостоятельность. Они уверены в том, что собственными усилиями смогут добиться успеха в учебной деятельности. Это основывается на правильной самооценке своих возможностей и способностей. Неадекватная заниженная самооценка у младших школьников проявляется ярко в их поведении и чертах личности. Дети выбирают легкие задачи. Они как бы берегут свой успех, боятся его потерять и в силу этого в чем-то боятся самой учебной деятельности. Нормальному развитию детей с заниженной самооценкой мешает их повышенная самокритичность, неуверенность в себе. Они ждут только неудачи. Эти дети очень

чувствительны к одобрению, ко всему тому, что повысило бы их самооценку. Дети с завышенной самооценкой переоценивают свои возможности, результаты учебной деятельности, личностные качества. Они выбирают задачи, которые им не по силам. После неуспеха продолжают настаивать на своем или тут же переключаются на самую легкую задачу, движимые мотивом престижности. Развитие самосознания у ребенка в младшем школьном возрасте проявляется в том, что у детей постепенно возрастает критичность и требовательность к себе. Становясь самостоятельной и устойчивой, самооценка начинает выполнять функцию мотива деятельности младшего школьника.

Объектом исследования служили дети, школьники г. Екатеринбурга 4 классов, выпускных классов начальной школы при разных вариантах обучения (гимназия, лицей и обычная школа), всего 81 человек.

В исследовании принимали участие 37 мальчиков и 44 девочки, в возрасте — 10–11 лет.

При исследовании самооценки учеников при разных вариантах обучения использовали две методики — «Лесенка», адаптированная А. И. Липкиной для младших школьников и «Какой Я».

По методике «Лесенка» школьник ставит себя на определенную ступеньку, оценивая сам себя. Данная методика выявляет самооценку (таблица 1).

Таблица 1. Распределение младших школьников при разных вариантах обучения по уровню самооценки (по методике «Лесенка»)

Ступеньки	Уровень	1 гр.		2 гр.		3 гр.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1–3	Низкий уровень самооценки (заниженная)	1	4	-	0	1	4
4–7	Средний уровень самооценки (правильный)	17	68	20	64,5	12	48
8–10	Высокий уровень самооценки (завышенная)	7	28	11	35,5	13	48

Условные обозначения: 1 гр. — учащиеся гимназии, 2 гр. — учащиеся обычной школы, 3 гр. — учащиеся лицея.

В 1 и 2 группах преобладает правильная самооценка (средний уровень), дети адекватно оценивают свои возможности; в 3 группе практически поровну средний и высокий уровни, дети переоценивают свои возможности. Низкий уровень практически отсутствует.

В среднем ступеньки распределились следующим образом: в 1 гр. — 6,9 (7 ступенька), во 2 гр. — 6,8 (7 ступенька) и в 3 гр. — 7. В среднем получается практически одинаковое значение, правильный (средний) уровень самооценки.

Таким образом, по методике «Лесенка» получены практически одинаковые показатели. Все учащиеся независимо от варианта обучения в среднем выбрали 7 ступеньку, что говорит о правильном (среднем) уровне самооценки. Дети в основном адекватно оценивают себя. Однако, следует отметить, что в обычной школе довольно высокий показатель завышенной самооценки (35,5%), дети переоценивают свои возможности.

При тестировании использовали методику «Какой Я» для определения восприятия и оценки учеником самого себя. Пользуясь представленным протоколом, у ребенка спрашивали, как он сам себя воспринимает и оценивает по десяти различным положительным качествам личности:

хороший, добрый, умный, аккуратный, послушный, внимательный, вежливый, умелый (способный) и трудолюбивый.

Оценки, предлагаемые ребенком самому себе, представляются экспериментатором в соответствующих колонках протокола, а затем переводятся в баллы. Ответы типа «да» оцениваются в 1 балл, ответы типа «нет» оцениваются в 0 баллов, ответы типа «не знаю» или «иногда» оцениваются в 0,5 балла. Уровень самооценки определяется по общей сумме баллов, набранной ребенком по всем качествам личности: 10 баллов — очень высокий, 8–9 баллов — высокий, 4–7 баллов — средний, 2–3 балла — низкий, 0–1 балл — очень низкий

Следует отметить, что ответы ребенка на некоторые вопросы (например, послушный, честный) могут свидетельствовать об адекватности самооценки. Так, например, если наряду с ответами «да» на все вопросы ребенок утверждает, что он «послушный всегда», «честный всегда», можно предположить, что он не всегда достаточно критичен к себе. Адекватность самооценки можно проверить, сравнив ответ ребенка по данной шкале с ответами родителя о ребенке по тем же личностным качествам

Полученные результаты представлены в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2. Распределение младших школьников при разных вариантах обучения по уровню самооценки (по методике «Какой Я»)

Баллы	Уровень	1 гр.		2 гр.		3 гр.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
10	Очень высокий	1	4	2	6,5	-	0
8–9	Высокий	15	60	10	32,3	10	40
4–7	Средний	9	36	18	58	14	56
2–3	Низкий	-	0	1	3,2	1	4
0–1	Очень низкий	-	0	-	0	-	0

Условные обозначения: 1 гр. — учащиеся гимназии, 2 гр. — учащиеся обычной школы, 3 гр. — учащиеся лицея.

Очень высокий уровень предполагает, что ребенок бывает недостаточно критичен к себе.

Очень низкий уровень может говорить о том, что ребенок неадекватно оценивает себя, возможно его недооценивают взрослые.

Как видно из таблицы, во всех группах преобладает высокий и средний уровни, что говорит об адекватности самооценки детей.

На рисунке 1 отображены баллы по самооценке младших школьников при разных вариантах обучения.

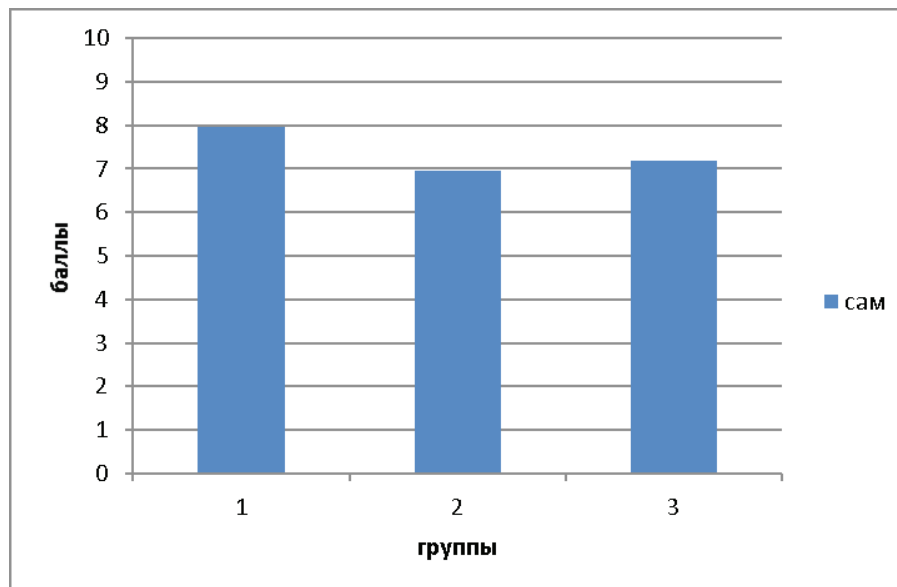

Рис. 1. Самооценка у младших школьников при разных вариантах обучения, баллы. Условные обозначения: 1 гр. — учащиеся гимназии, 2 гр. — учащиеся обычной школы, 3 гр. — учащиеся лицея

Как видно из рисунка, показатели самооценки школьников ровные, достаточно высокие и почти не отличаются, независимо от вариантов обучения.

Анализируя данные, полученные в результате обработки двух методик, можно сделать вывод о том, что, независимо от вариантов обучения, школьники в основном правильно оценивают свои возможности. Представления о себе от-

носительно адекватны и устойчивы. Дети умеют анализировать свои поступки, вычленять их мотив, думают о себе. Они больше ориентируются на знание о себе, чем на оценку взрослых, и быстро приобретают навыки самоконтроля. Низкий уровень составляет от 1 до 4%, а очень низкий уровень практически отсутствует.

Литература:

- Божович, Л. И. Проблемы формирования личности [Текст]: Избранные психологические труды / Л. И. Божович. — М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 352 с.
- Ишмаматьева Е. В. /Е. В. Ишмаматьева // Начальная школа плюс До и После, 2004. — № 6; 18, с. 322.
- А. И. Липкина, М., «Знание» 1976.
- Константинова Н. И. Развитие самооценки в младшем школьном возрасте // Актуальные проблемы психологии личности: сб. ст. по матер. V междунар. науч. — практ. конф. № 5. — Новосибирск: СибАК, 2011. 2003. — 112 с.

Коррекция самооценки и уровня притязаний младших школьников с задержкой психического развития в процессе их психолого-педагогического сопровождения

Шигина Елена Павловна, студент;

Научный руководитель: Винтаева Т. Н., кандидат педагогических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет

Проблеме формирования личности младшего школьника с задержкой психического развития уделяли внимание многочисленные исследователи, среди которых Л. Божович, Б. Волков, Д. Эльконин, А. Гребенюк. В младшем школьном возрасте закладывается база нравственного поведения, вводятся общепринятые моральные мерки и правила поведения, начинает вырабатываться социальная направленность личности [2]. Г. Е. Сухарева определила, что существенной отличительной патогенной чертой детей, испытывающих проблемы в приобретении знаний и представлений на начальном этапе обучения по общеобразовательным программам, является незрелость эмоционально-волевой сферы, незрелость оценки и самооценки младших школьников. Совершенствовании структуры личности детей с задержкой психического развития, в том числе совершенствуя оценку и самооценку, специалист может оказывать существенное воздействие на особенности их разума и поведения [интернет — ресурс 1].

Самооценка — это представление человека о важности своей деятельности, деятельности среди других людей, своих достоинств и недостатков, умение держаться в обществе. (Большая психологическая энциклопедия)

У детей с задержкой психического развития самооценка характеризуется как своеобразная, что проявляется в отставании её формирования от нормы, она отличается своей упрощённостью, неустойчивостью, противоречивостью оценочных суждений.

Самооценка занимает центральное место в процессе развития самосознания, обеспечивает единство, стабилизацию и целостность личности. Она введена во множество связей и отношений с другими психологическими образованиями, каждый из которых вносит свой вклад в её формирование и вместе с тем направляется её непосредственным воздействием.

Незрелость самооценки у многих детей с задержкой психического развития накладывает негативный отпечаток не только на эмоциональный фон ребенка, но и на успешность начавшегося процесса обучения. Школьная успеваемость и оценки учителя является одним из основных факторов, оказывающих влияние на самооценку ребёнка в этот период, поэтому дети с задержкой психического развития, имеющие трудности в усвоении школьной программы, попадают в группу риска.

У младших школьников с задержкой психического развития, как правило, отношение к себе не критичное, обобщенное, они не умеют адекватно оценить свою деятельность, проанализировать ее. Учащиеся начальных классов

стремятся угадать отношение к себе других людей, они ждут только положительных оценок своих действий.

Л. С. Выготский подчеркивал, что повышенная самооценка, часто встречающаяся у детей с нарушенным интеллектом, является «проявлением общей эмоциональной окрашенности оценок и самооценок маленького ребенка, общей незрелости личности». [1]

По исследованиям Дудковской О. А., Шельшаковой Н. Н. выявлено, что большинству учащихся сложно оценить себя реально, они дают только положительные суждения о себе. Самооценка у младших школьников неустойчивая, может меняться на полярно противоположную, не мотивирована. Она опирается на «оценки взрослых или на общее представление о себе». Многие дети «находятся под властью своих впечатлений, стремятся не принимать никакой критики, заглушить ее, ощущают внутреннюю слабость, зависимость» [3]

Анализ научной литературы показал, что дети, имеющие задержку психического развития, имеют особенности самооценки, которые обусловлены спецификой психического развития, поэтому развитие самооценки у таких детей происходит с задержкой и отклонениями.

В связи с этими данными, мы провели исследование самооценки детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития. Понимание особенностей самооценки позволит установить необходимые способы психологической помощи в развитии и коррекции этого психического свойства. Диагностическое исследование проходило на базе ГБОУ СОШ с. Старая Рачейка.

В рамках эмпирического исследования нами были поставлены следующие задачи:

1. Отобрать методы исследования самооценки младших школьников с задержкой психического развития;
2. Изучить особенности самооценки в экспериментальной группе;
3. Определить направления коррекции нарушения самооценки у младших школьников с ЗПР;

Изучение особенностей самооценки осуществлялось с использованием следующих диагностических методик:

1. Методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн;
2. Тест «Лесенка» В. Г. Щур;
3. Экспресс-диагностика уровня самооценки (Фетискин Н. П., Козлов В. В.).

Преимущества выбранных методик состоят в том, что:

- они позволяют выявить особенности самооценки младших школьников с задержкой психического развития;

- они не требуют много времени для проведения, а также, в имеют объективные количественные показатели для обработки;
- методики не требуют специального оборудования для проведения, они доступны и понятны.

1) Анализируя результаты, полученные с помощью **«Методики измерения самооценки Дембо-Рубинштейн»**, мы установили, что:

1. Половина школьников экспериментальной группы имеют завышенную самооценку (50%). Этим школьникам свойственно повышенное «позерство», выполняя задание, дети ставили себя всегда на высокую позицию. Заниженная самооценка (30%), эти дети не видят в себе хороших качеств, замечая только ошибки, зацикливаются на них, во время проведения методики они ставили себя на низкий уровень. Адекватная самооценка (20%), дети регулярно занимаются, знают изучаемый материал и чувствуют себя уверенно.

2. В сравнительной группе большая часть имеет адекватную самооценку — 70%, они воспитываются в семье с положительными традициями, имеют правильную мотивацию, регулярно и старательно занимаются на уроках и дома и знают требования учителя к знаниям учащихся. В группе детей с нормальным психо-физическим развитием у 30% детей наблюдается завышенная самооценка, потому что педагоги выделяют их из группы, так как во время занятий у них есть положительные достижения и это им дает уверенность в себе.

2) Анализируя результаты, полученные с помощью **«Теста «Лесенка» В. Г. Щура»**, мы пришли к следующим выводам:

1. В экспериментальной группе большая часть детей имеют завышенную и заниженную самооценку — по 40%. Это связано с тем, что дети с завышенной самооценкой не осознают своего дефекта и в учебной деятельности они лучше других выполняют задания. А дети с заниженной самооценкой, осознают свой дефект и это отражается на их взаимодействии с другими людьми и самооценке, нет положительной мотивации к обучению. Адекватная самооценка только у 20% детей, они имеют положительную мотивацию, посещают коррекционно-развивающие занятия с дефектологом, занимаются не только в школе, но и дома.

2. В сравнительной группе большая часть школьников имеют адекватную самооценку — 70%, положительная мотивация в семье, положительное отношение с учителем, регулярные занятия в школе и дома. Завышенную — 30%, Школьников с заниженной самооценкой нет.

3) На основе анализа **«Экспресс-диагностики уровня самооценки. Фетискин Н. П., Козлов В. В.»**, можно сделать следующие выводы:

1. Школьники экспериментальной группы в основном имеют завышенную и заниженную самооценку — по 40%.

Дети с завышенной самооценкой очень быстро отвечали на вопросы, выбирая для себя наилучший вариант ответа, так как они бывают чаще всего в центре внимания и являются лидерами в детском коллективе. А дети с заниженной самооценкой ставят себя ниже других и выбирают наихудший вариант ответа, потому что не уверены в себе, чаще всего задания выполняют не правильно. Адекватная самооценка — 20%, школьники умеют правильно рассчитывать силы, знают на что они способны, родители и педагоги формируют сознательное отношение к своей деятельности и к своей роли в обществе.

2. В сравнительной группе у 50% школьников адекватная самооценка. Завышенная самооценка — 40%. Заниженная самооценка — 10%.

Следовательно, анализируя результаты трех методик подтвердили, что у детей младшего школьного возраста самооценка чаще завышенная или заниженная. Дети с такой неадекватной самооценкой, переоценивают себя и свои возможности, или вовсе недооценивают и не верят в себя.

У детей младшего школьного возраста с ЗПР не сформирована критичная самооценка, которая присутствует у детей этого возраста с нормальным развитием. Самооценка формируется под влиянием ближайшего социального окружения (родителей, педагогов, сверстников).

Такие выводы определяют направления коррекционной работы, которую необходимо направить на формирование самооценки младших школьников с ЗПР в процессе учебной деятельности.

Рекомендации, направленные на формирование адекватной самооценки младших школьников с ЗПР:

Завышенная и заниженная самооценка требует пристального внимания педагогов и родителей. Младшие школьники с ЗПР нуждаются в коррекционно-развивающей работе, направленной на формирование адекватной самооценки. Для этого нужно следить за ее уровнем.

Обучение должно носить развивающую и коррекционную направленность. Развивающая направленность проявляется в помощи общему развитию ученика. Поэтому обучение младших школьников с ЗПР должно носить коррекционно-развивающий характер.

Так как у младших школьников с ЗПР нет самостоятельной самооценки, важно давать им и их поступкам объективные оценки. Они должны быть как положительные, так и отрицательные, чтобы у ребенка не произошло переоценивание себя.

Решающим является отношение окружающих и оценка своей деятельности. Нужно научить ребенка понимать себя и координировать свои действия в соответствии с требованиями социума.

Для младших школьников с ЗПР важен результат, а не процесс работы, поэтому нужно напоминать о контроле своих действий и результат, и правильно их оценивать.

Литература:

1. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. — М.: Союз, 2004. — С. 257–321.
2. Гусева Т И Каратьян Т В Психология личности: конспект лекций — Издательство: Эксмо, 2008. 160 с.
3. Дудковская О. А. Особенности самооценки детей с легкой степенью умственной отсталости младшего школьного возраста / О. А. Дудковская, Н. Н. Шельшакова. — М.: Речь, 2005. — 324 с.
4. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
5. <http://www.scienceforum.ru/2014/562/1733> — VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум».

Особенности мотивации и психологической готовности студентов факультета психологии и специального образования к волонтерской деятельности

Шигина Елена Павловна, студент;

Научный руководитель: Устинова Е. В., кандидат психологических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет

Волонтерство как идея служения обществу такое же давнее понятие, как и «социум». Во все века были люди, которые реализовывали себя в общении и помощи своему сообществу.

Что являет собой волонтерская деятельность?

Волонтерство — это деятельность, которая направлена на предоставление безвозмездных услуг человеку или группе людей, не являющихся родственниками волонтера, без расчета на денежное вознаграждение. Эта формулировка наиболее точно определяет значение волонтерской деятельности. К сожалению, на сегодняшний момент нет юридического определения понятия «волонтер». И очень часто это слово употребляют в самых разных ситуациях. Например, волонтерами называют людей, которые участвуют в правительственных проектах и получают за это денежное вознаграждение. Многие спорят, что такая деятельность не является волонтерской, а имеет форму обычного наемного труда. Согласно вышесказанной формулировке, волонтерами можно назвать работников, которые трудятся на известных предприятиях без оплаты ради приобретения опыта. Однако таких людей не считают волонтерами.

Почему люди становятся волонтерами?

Люди становятся добровольцами по разным мотивам. Главные из них:

Благородная идея — она отражает принципы и важность деятельности.

Психологическая потребность — многие люди хотят сделать что-то полезное для общества. Во время участия в волонтерских программах у них появляется самоуважение и удовлетворение от работы.

Потребность в общении — по этой причине очень часто люди ищут работу в добровольных организациях.

Поиск новых возможностей и интересов — волонтерство часто связано с нестандартными подходами и новыми направлениями деятельности.

Возможность заработать — иногда становятся волонтерами ради финансового обогащения. Хотя добровольчество считается безвозмездным видом деятельности, но волонтер все равно что-то получает, если это предусмотрено организацией.

Самореализация — возможность улучшить свою карьеру. Будучи волонтером, можно установить новые связи и приобрести уважение в обществе.

Особенностью волонтерской деятельности является ее высокая социальная значимость и добровольность участия. Таким образом, ее участники имеют практически полную свободу выбора вида и форм деятельности. Кроме того, волонтерская деятельность не предъявляет жестких требований к опыту и квалификации работника.

Чтобы определить готовность к волонтерской деятельности, необходимо установить критерии и показатели готовности к этой деятельности. Выделяют четыре критерия: мотивационный, когнитивный, технологический и рефлексивный.

Мотивационный критерий обозначает направленность осознанного и положительного отношения к добровольческому труду и стремление к самореализации. Выделяют два главных мотива волонтерской деятельности: идеалистический мотив (чувство морального долга помогать другим) и мотив личностного роста (расширение социальных контактов, выгода, улучшение самооценки). Участвуя в добровольческой деятельности люди удовлетворяют одну или несколько потребностей или мотивов.

В когнитивном критерии выделяются такие показатели как знание методов работы с определенными группами людей.

Технологический критерий связан с реализацией деятельности, формированием функциональных систем действий.

Показатель технологического критерия — умение, необходимое для успешного выполнения добровольческого труда.

Рефлексивный критерий связан с осмыслением, осознанием мотивов, целей деятельности, через обращение к своему внутреннему миру, своему опыту жизнедеятельности. Рефлексия наряду с формированием мотивов является важной в подготовке волонтера. Адекватная целям мотивация и рефлексия обеспечат успешное осуществление этой деятельности.

Мотивационный, когнитивный, технологический и рефлексивный критерии в структуре готовности к волонтерской деятельности взаимосвязаны.

Существует и ряд психологических барьеров, препятствующие участию личности в волонтерской деятельности.

Одни и те же факторы могут быть как стимулами, так и барьерами для волонтера. На волонтерскую деятельность влияет социальное окружение, оно может как стимулировать, так и сдерживать волонтерскую активность, это зависит от того, каково отношение близких людей к этому виду активности.

Другой пример — участие в добровольческой деятельности может повысить самоуважение, однако отсутствие опыта приводит к неизбежным неудачам и ошибкам, которые способны привести к снижению, а иногда и к потере уверенности в себе.

В связи с этими данными мы провели психологическое обследование студентов 1, 2, 3 курсов факультета психологии и специального образования самарского государственного социально-педагогического университета.

Цель обследования: выявление эмоционального отношения к себе, проблемам детской инвалидности и волонтерской деятельности у студентов ФПСО.

Диагностический инструментарий: «Цветовой тест отношений» (М. Эткинда)

Выборка: число обследованных студентов в возрасте 18–20 лет — 67 чел.; юношей — 2 чел, девушек — 65 чел.; участники обучаются по профилям: «Дошкольная дефектология», «Логопедия», «Специальная психология», «Психология образования».

I. Количественный анализ:

1) Эмоциональное принятие

1.1. Эмоциональное принятие себя:

- полное эмоциональное принятие — 67 %;
- частичное эмоциональное принятие — 28 %;
- эмоциональное непринятие себя — 5 %.

Таким образом, большая часть студентов ФПСО имеют полное эмоциональное принятие себя — отношение к себе

как к личности, которая может совершать самостоятельный выбор.

1.2. Эмоциональное принятие «ограниченных возможностей здоровья»:

- полное эмоциональное принятие — 36 %;
- частичное эмоциональное принятие — 39 %;
- эмоциональное непринятие ОВЗ — 25 %.

Следовательно, практически все студенты эмоционально принимают человека с ограниченными возможностями здоровья, его как личности и как равноправного члена общества, с правами и обязанностями.

1.3. Эмоциональное принятие волонтерской деятельности:

- полное эмоциональное принятие — 58 %;
- частичное эмоциональное принятие — 30 %;
- эмоциональное непринятие волонтерской деятельности — 12 %.

Итак, студенты ФПСО признают волонтерство, так как эта деятельность помогает людям, нуждающимся в помощи.

2) Эмоциональная идентификация

2.1. Эмоциональная идентификация с деятельностью волонтера:

- полное эмоциональное соотнесение (симбиоз) — 5 %;
- частичное эмоциональное соотнесение — 47 %;
- эмоциональная автономия — 48 %.

Из этого следует, что студенты ФПСО частично идентифицируют себя с деятельностью волонтера, так как волонтерство занимает много времени и студентам приходится пропускать занятия.

I. Качественный анализ:

1) Эмоциональный портрет себя: хочет производить приятное впечатление и получать одобрение со стороны окружающих. Необходимо чувствовать, что его ценят и им восхищаются. Обидчив и легко раним — когда его не замечают или когда он не получает заслуженного признания.

2) Эмоциональный портрет ребенка с ограниченными возможностями здоровья: нуждается в признании, чуткости, гармонии, ласке и нежности. Хочет производить впечатление, ищет популярности и восхищения. Стремится ликвидировать разрыв, который, как он чувствует, отделяет его от других.

3) Эмоциональный портрет волонтера: стремиться к успеху. Хочет развиваться свободно, сбросить с себя оковы неуверенности, побеждать и жить насыщенной жизнью. Любит контакт с другими, энтузиаст по натуре. Восприимчив ко всему новому и увлекательному. У него много интересов и он хочет расширять сферы деятельности. На будущее смотрит оптимистично.

Литература:

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского Государственного Университета. 2008. № 306. С. 120–125.
2. Кудринская Л. А. Добровольческий труд в современной России: монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2005. 132 с.

Механизмы психологической защиты женщин во время беременности

Шурухина Галина Анатольевна, доцент;

Халимова Айгуль Дамировна, студент

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

В статье представлен обзор психологической литературы по вопросу механизмов психологической защиты женщин во время беременности. Представлены различные взгляды авторов на проблему психологической защиты, выделены психологические факторы, влияющие на процесс беременности, родов, психическое развитие ребёнка и готовность к материнству.

Ключевые слова: психологическая защита, механизмы психологической защиты, период беременности

In this article provides an overview of the psychological literature on the mechanisms of psychological protection of women during pregnancy. Despite the growing number of empirical studies about perinatal period, there is a paucity of theoretical review articles, therefore, attempting to review the existing literature in this area we wanted to focus on the features of the mechanism of psychological protection of women during pregnancy.

Keywords: psychological defense, defence-mechanism, during pregnancy

Беременность является значимым периодом в жизни женщины. В качестве одной из форм психической регуляции выступают психологические защиты, которые на бессознательном уровне осуществляют регуляцию всех систем жизнедеятельности человека.

Механизмы психологической защиты являются неотъемлемой частью общей структуры личности человека, и, потому, связаны с адаптивностью индивида.

В. И. Журбин указывает на то, что в большинстве исследований защита определяется через видовые либо функциональные характеристики, такие, как цель, результат, познавательные процессы, аффекты, деятельность, регуляция и т. д. Объективно расхождения в определении любого научного понятия вызваны тем, что содержание понятия во многом задано направлением его операционализации, характер которой, в свою очередь, определяется той научной парадигмой, в которой работает исследователь [3].

В этой связи показателен тот факт, что среди авторов нет единства мнений о том, сколько же механизмов психологической защиты существует у человека. Например, в оригинальной монографии Анны Фрейд описано 15 механизмов защиты [7].

Ф. В. Бассин утверждает, что психологическая защита способна предотвратить дезорганизацию поведения человека, наступающую не только при столкновении сознательного и бессознательного, но и в случае противоборства между вполне осознаваемыми установками. Автор считает, что основным в психологической защите является перестройка системы установок, направленная на устранение чрезмерного эмоционального напряжения и предотвращающая дезорганизацию поведения.

Согласно В. Г. Леонтьеву, психологический механизм защиты — это «система психологических явлений, предназначенная для преобразования и формирования активности, выраженной одним или несколькими мотивами, в требуемую активность, выраженную другими мотивами» [2].

Психологическая защита — специальная регулятивная система стабилизации личности, ограждает сферу созна-

ния от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта. Наиболее мощный критерий эффективности действия защитных механизмов — это ликвидация тревоги и избавление от страха. Психологическая защита обеспечивает адаптацию личности за счет подсознательной переработки поступающей информации. В этом принимают участие все психологические функции, но каждый раз основную часть работы по преодолению негативных переживаний берет на себя какая-то одна из них. Принципиально важно, что в этих процессах человек не отдает себе отчета, то есть включаются и действуют они автоматически, независимо от сознательных желаний и намерений личности. Здесь мы можем говорить о неосознанных механизмах психологической защиты [5].

Организм человека реагирует на воспринятое нарушение либо автоматическими адаптивными ответными реакциями, либо адаптивными действиями, целенаправленными и потенциально осознанными. В первом случае речь идет о неосознанных поведенческих реакциях или психологических защитных механизмах. Во втором случае имеет место осознанное поведение совладания.

Психологическая защита может способствовать сохранению внутреннего комфорта человека, даже при нарушении им социальных норм и запретов, так как она создает почву для самооправдания. Если человек, относится к себе в целом положительно, допускает в сознании представление о своем несовершенстве, о недостатках, то он становится на путь преодоления возникающих противоречий [4].

Л. Д. Демина и И. А. Ральникова отмечают, что все защитные механизмы обладают двумя общими характеристиками:

- действуют на неосознанном уровне и поэтому являются средствами самообмана;
- искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы сделать тревогу менее угрожающей для индивидуума.

Следует также заметить, что люди редко используют какой-либо единственный механизм защиты: обычно они при-

меняют различные защитные механизмы для разрешения конфликта или ослабления тревоги [2].

Г. Блюм подчеркивает, что каждый человек пользуется только определенным набором защитных механизмов. Кроме того, нам известно, что различие между унаследованными и приобретенными свойствами не может расколоться до противоположностей; а в унаследованном, важной частью является приобретенное предками [6].

С точки зрения Г. Блюм в современных условиях очень многие женщины находятся под воздействием стрессогенных факторов, способных оказать негативное воздействие на протекание беременности, так как именно в этот период у женщины происходит переоценка ценностей и смысловых приоритетов, переориентация в плане выполняемых социальных ролей и взаимоотношений с другими людьми. Беременность рассматривается как критический период жизни женщины, стадия полоролевой идентификации, особая ситуация для адаптации. С момента осознания и внутреннего принятия себя как будущей матери у женщины обнаруживается в различной степени выраженное амбивалентное отношение к беременности. Оно проявляется в наличии противоречивых аффектов, опасений и страхов, связанных с предстоящими родами, иногда доходящих до паники. Может возникать неуверенность в своих способностях родить и стать полноценной матерью [1].

Е. С. Романова и Л. Р. Гребенников называют психологические факторы, влияющие на процесс беременности, родов, психическое развитие ребёнка и готовность к материнству. К наиболее значимым относятся: личностные особенности беременной женщины, психологическая история её жизни, адаптация к супружеству, особенности её внутрисемейных интеракций, удовлетворенность эмоциональными взаимоотношениями со своей матерью, модель материнства

своей матери, культурные, социальные и семейные особенности, физическое и психическое здоровье [6].

Р. Р. Набиуллина, и И. В. Тухтарова, И. В. Добряков в ракурсе социально-психологического подхода выделяют в процессе переживания беременности такие факторы как:

- субъективная оценка уровня социального благополучия (наличие / отсутствие опыта перинатальных потерь, уровень и характер образования беременной женщины и т. д.);
- уровень переживания беременности по отношению женщины к себе беременной, к формирующейся системе «мать — дитя» и к отношениям к окружающим к беременной женщине;
- уровень стрессоустойчивости беременной женщины;
- механизмы психологических защит;
- предрасположенность к принятию, отвержению традиционных и обыденных представлений о правилах вынашивания ребёнка и перинатальном воспитании [5, 2].

Данные факторы, выступая в качестве ключевых переменных, позволяют изучить и проанализировать наиболее типичные реакции женщин на воздействия микро- и макросреды, а вследствие этого механизмы психологической защиты беременных.

Итак, психологическая защита определяется не объективным событием как таковым, а субъективной значимостью этого события для человека.

Главная задача психологической защиты — это устранение психологического дискомфорта. Срабатывая автоматически, психологическая защита снижает напряженность, улучшает самочувствие и тем самым приспособливает беременную женщину к ситуации, т. к. уменьшает тревогу и страх.

Литература:

1. Блюм Г. Генезис защитных механизмов [Текст] / Г. Блюм // В кн.: Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия под ред. Райгородского Д. Я. — Самара, 2013. — 232 с.
2. Добряков И. В. Клинико-психологические методы определения типа психологического компонента гестационной доминанты // Хрестоматия по перинатальной психологии: Психология беременности, родов и послеродового периода / Сост. А. Н. Васина. — М.: 2005. — С. 93–101.
3. Журбин В. И. Понятие психологической защиты в концепциях З. Фрейда и К. Роджерса [Текст] / В. И. Журбин // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 14–23.
4. Леонтьев, В. Г. Психологические механизмы мотивации [Текст] / В. Г. Леонтьев. — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2002. — С. 216.
5. Набиуллина Р. Р., Тухтарова И. В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом [Текст] / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова. — Казань, 2003.
6. Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы защиты как специфические средства решения универсальных проблем адаптации [Текст] / Е. С. Романова // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия под ред. Райгородского Д. Я. — М., 2013. 115с.
7. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы [Текст] / А. Фрейд; пер. с англ. — М.: Педагогика-Пресс, 2003. — 144 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Проблемы культурной интеграции иммигрантов России в западные страны

Исаев Максим Дмитриевич, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Вопросам, касающимся проблем интеграции иммигрантов России в западные страны, уделяется внимание во всех государствах, где проявляются яркие выражения явлений иммиграции.

Стоит отметить, что данная проблема является актуальной в 21 век особенно в странах Западной Европы.

Необходимо обратить внимание на следующий перечень государств:

1. Бельгия;
2. Германия;
3. Испания;
4. Нидерланды;
5. Франция.

Вышеуказанный список стран характеризуется рядом проблем, которые, до сих пор, считаются нерешенными [1, с. 21]:

- обостренность неудачами в интеграции иммигрантов в общество;
- конфликтность и постоянность столкновений среди государственных служб, а также коренными гражданами и иммигрантами;
- присутствие актов насилия, которые оказываются со всех сторон;
- наличие прогнозов, касающихся увеличения доли иммигрантов, а также их потомства и будущих автохтонных граждан.

Значимость данных вопросов для Западной Европы ярко демонстрируется тем фактором, что в Великобритании, Германии и Франции происходит функционирование целых министерств, касающихся дел иммиграции и интеграции иммигрантов.

Стоит отметить, что наблюдается ведение общенациональных дискуссий, затрагивающих вопросы мест и роли иммигрантов в жизни данных государств. Вопросами интеграции иммигрантов занимались такие ученые как:

1. Т. С. Кондратьева;
2. И. С. Новоженова;
3. С. В. Погорельская;
4. И. С. Семененко.

Вышеуказанные исследователи старались решить ряд следующих проблем:

- масштабы иммиграции, затрагивающие количество иммигрантов;
- культурные, социальные и религиозные существенности, которые наблюдались между иммигрантами и гражданами принимающих государств;
- маргинализация социальных и экономических иммигрантов, а также их детей.

Исследователями отмечалось, что данные вопросы можно решить за счет больших затрат и множества усилий, которые должны в обязательном порядке исходить от общества.

Кроме того, необходимо [1, с. 33]:

- 1) оказание помощи институтам и механизмам интеграции иммигрантов, которые не имеют возможности охватить все стороны данного процесса;
- 2) каждый иммигрант должен быть обеспечен социальными, политическими и экономическими правами и гарантиями;
- 3) способствовать тому, чтобы иммигранты имели возможность быть трудоустроенными, а также иметь приемлемый уровень жизни;
- 4) оказывать помощь иммигрантам в повышение квалификации, уровня образования и знаний языка принимающим государством.

Нужно подчеркнуть, что возможности повышения квалификации и уровня образования требуют определенных расходов, которые должны оказывать со стороны принимающей страны.

Стоит перечислить и другие необходимые факторы, которые нужно принять во внимание:

- учитывать наличие значительной доли иммигрантов, которые могут вызывать риск обособления в отдельную значимую и автономную социальную группу;
- отмечать востребованность иммигрантов в государствах Западной Европы.

В пример можно привести доклад ООН, касающийся развития человека за 2016 год, который именовался «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие».

В данном докладе уделялось внимание первым тридцати государствам по количеству большинства иммигрантов в 2016 году (рассматривалось 194 страны и территории). Результаты доклада представлены в таблице 1:

Таблица 1. Распределение стран мира по численности иммигрантов* по итогам 2016 года** (тыс. чел.)

№	Страны	Иммигранты
1	США	39 266,5
2	РФ	12 079,6
3	Германия	10 597,9
4	Франция	6 478,6
5	Саудовская Аравия	6 336,7
6	Канада	6 304,0
7	Индия	5 886,9
8	Великобритания	5 837,8
9	Украина	5 390,6
10	Испания	4 607,9
11	Австралия	4 335,8
12	Пакистан	3 554,0
13	Италия	3 067,7
14	Казахстан	2 973,6
15	ОАЭ	2 863,0
16	Гонконг	2 721,1
17	Израиль	2 661,3
18	Кот-д'Ивуар	2 371,3
19	Иордания	2 345,2
20	Иран	2 062,2
21	Малайзия	2 029,2
22	Япония	1 998,9
23	Кувейт	1 869,7
24	Нидерланды	1 735,4
25	Гана	1 669,3
26	Палестина	1 660,6
27	Швейцария	1 659,7
28	Аргентина	1 494,1
29	Сингапур	1 494,0
30	Турция	1 333,9

По данным таблицы 1 видно, что в численность ведущих государств иммиграции вошли основные страны, относящиеся к Западной Европе:

1. Великобритания;
2. Германия;
3. Испания;
4. Италия;
5. Нидерланды;
6. Франция.

По численности иммигрантов эти государства занимают лидирующие результаты.

Стоит обратить внимание на таблицу 2, где представлены результаты оценки доли иммигрантов в общем числе граждан разных стран, которые продемонстрированы в таблице 1 [2, с. 61]:

Литература:

1. Доклад о развитии человека 2016. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер с англ.; ПРООН. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. — 232 с.

Таблица 2. Доля иммигрантов (%) в общей численности населения ведущих стран иммиграции*

№ п/п	Страны	%	Место
1	США	13,0	38
2	РФ	8,4	60
3	Германия	12,9	39
4	Франция	10,6	47
5	Саудовская Аравия	26,8	18
6	Канада	19,5	25
7	Индия	0,5	168
8	Великобритания	9,7	53
9	Украина	11,5	43
10	Испания	10,7	45
11	Австралия	21,3	22
12	Пакистан	2,1	128
13	Италия	5,2	78
14	Казахстан	19,6	24
15	ОАЭ	70,0	2
16	Гонконг	39,5	10
17	Израиль	39,8	9
18	Кот-д'Ивуар	12,3	41
19	Иордания	42,1	8
20	Иран	2,9	107
21	Малайзия	7,9	62
22	Япония	1,6	138
23	Кувейт	69,2	4
24	Нидерланды	10,6	46
25	Гана	7,6	65
26	Палестина	44,1	7
27	Швейцария	22,3	20
28	Аргентина	3,9	90
29	Сингапур	35,0	13
30	Турция	1,9	132

По данным таблицы 2 видно, что Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды и Франция занимают не очень высокие показатели в рейтинге государств по доле иммигрантов в общем числе граждан.

Таким образом, материал, который был изучен, дает возможность подвести главный итог — доля остается достаточно низкой и, все-таки, уступает числу постоянных граждан этих государств.

Данные результаты основывались на следующем факторе — присутствие культурных, социальных и религиозных различий, которые наблюдались между иммигрантами и гражданами принимающих государств Западной Европы.

2. Кондратьева, Т. С. Мусульмане в Великобритании: социализация или обособление? / Т. С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. // РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.] — М.: ИНИОН, 2011. — № 4. — С. 61–95.
3. Новоженова, И. С. «Лишние люди»: Волнение иммигрантской молодежи во Франции / И. С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. // РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.] — М.: ИНИОН, 2012. — № 1. — С. 121–141.
4. Погорельская, С. В. Мусульмане в Германии: специфика интеграции / С. В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. // РАН ИНИОН; редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред) [и др.] — М.: ИНИОН, 2012. — № 4. — С. 146–176.
5. Широков, Г. К. Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI вв. / Г. К. Широков // Новое и новейшее время. 2014. № 4.

Проблемы сохранения и развития народной художественной культуры в Республике Хакасия

Ламанская Нина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В современных условиях проблемы сохранения и развития народной художественной культуры становятся все более актуальными в международном масштабе. ЮНЕСКО, авторитетная международная организации при ООН по вопросам образования, науки и культуры, выступила в поддержку традиционной народной культуры, направив в свои региональные отделения документ, названный «Рекомендация по сохранению фольклора».

В нашей стране, как и в других странах мира, в последние годы все более активно разрабатываются и внедряются новые подходы к сохранению и развитию традиционной художественной культуры. Один из них принятие Федеральной программы «Развитие и сохранение отечественной культуры и искусства», в которой народная художественная культура представлена как целостная система общечеловеческих ценностей, формирующих идентичность нации, единство Российского государства.

Развиваясь под влиянием принятых и утвердившихся в данном обществе художественных норм, ценностей и идеалов народная художественная культура является частью художественной культуры общества. Спецификой народной художественной культуры является то, что она воплощает в себе традиции, то есть устойчивые формы жизни народы, отражающие особенности его национального характера и национальных образов мира.

В 1980–1990 гг. органы власти Российской Федерации, а также региональные органы управления принимают ряд директивных документов по поддержанию традиционной культуры. В частности, в 1999 г. вводится в действие закон «О народных художественных промыслах» как части культурного наследия, культурного достояния народов России и Федеральная целевая программа, предусматривающая сохранение, возрождение и развитие искусства народных промыслов, их пропаганду.

В 2003 г. создан российский Комитет по сохранению нематериального культурного наследия (имеется в виду сохранение фольклора). В рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 03.03.2012 г. № 186, предусматривается ежегодная поддержка культурных проектов на основе конкурсного отбора, проводимого Федеральным агентством по культуре и кинематографии.

Суть Государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. состоит в реализации стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания развития личности и государства, единства российского общества, а также развитие туризма для приобщения граждан к мировому культурному и природному наследию.

Другим эффективным механизмом возрождения народной художественной культуры является создание целевых региональных межведомственных программ для поддержания приоритетных проектов различного уровня и статуса, направленных на сохранение и развитие культуры Республики Хакасия, популяризацию историко-культурного наследия, обеспечение сохранности и передачи последующим поколениям образцов духовной культуры через систему фестивалей, конкурсов, выставок, таких как: Международный эколого-этнический фестиваль «Чир-чайаан»; Международный конкурс-фестиваль «От Ыры»; Международный симпозиум по чатхану и горловому пению; Республиканский конкурс хакасской фольклорной и авторской песни «Хысхы саннары» и т. д.

Республика Хакасия является уникальным регионом России с наличием огромного природно-ресурсного, образовательного, историко-культурного потенциала. Анализируя существующую ситуацию в отрасли культуры можно

сказать, что культура в регионе фактически является одним из инструментов достижения социально-экономических целей, формирует привлекательный имидж Республики Хакасия как центра уникальной культуры, стимулирует развитие образования, обеспечивает занятость населения.

В Хакасии сложилась многоуровневая преемственная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. В ее структуре широко представлены как социально-культурные учреждения (например, культурно-досуговые центры, центр детского творчества), так и учреждения образования (в том числе образовательные школы, школы искусств, музыкальный колледж, институт искусств). Деятельность этих социальных институтов строится на основе единой комплексной программы и координационного плана.

Основное место в региональных системах сохранения и развития народной художественной культуры занимают в настоящее время вузы культуры и искусства, где осуществляется подготовка кадров по направлению — Народная художественная культура, а также ведутся профильные научные исследования.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» является ведущим государственным вузом, расположенным на территории Республики Хакасия и Юге Сибири. Он обеспечивает специалистами с высшим и средним профессиональным образованием Хакасию, юг Красноярского края, Республику Тыва и другие регионы Сибири. При университете им. Н. Ф. Катанова с 1997 г. осуществляет образовательную деятельность Институт искусств, в структуру которого входят три кафедры: народного художественного творчества, музыки и музыкального образования, декоративно-прикладного искусства.

Стратегические задачи Институт искусств видит: в становлении его в качестве центра в подготовке профессиональных кадров в области культуры и декоративно-прикладного искусства в Хакасии и Сибирском регионе; в открытии новых направлений подготовки и образовательных программ, ориентированных на приоритетные направления развития и потребности Республики Хакасия, Сибирского региона и России в целом.

Для этого совершенствуется образовательная деятельность института, используется система сетевого взаимодействия с органами управления Хакасии, с учреждениями культуры и искусства, централизованной библиотечной системой г. Абакана и Республики, с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Эффективно используется связь с творческими союзами (композиторов, художников), с организациями, реализующими программы дополнительного образования: детскими школами искусств, детскими музыкальными школами, средними образовательными школами, центрами детского творчества, а также с культурно-досуговыми и общественно-культурными центрами микрорайонов и детскими оздо-

ровительными центрами. Устанавливаются и развиваются связи с общественно-культурными центрами национальных диаспор Хакасии.

В Республике Хакасия ежегодно наблюдается стабильный рост интереса населения к традиционной культуре. В системе духовных ценностей народа музыкальная культура играет ведущую роль, являясь важным источником познания национальной культуры. Традиционное музыкальное искусство хакасов, представленное вокальным творчеством, искусством горлового пения, инструментальными наигрышами испокон веков передавалось из поколения в поколение.

Одним из важных компонентов музыкальной культуры хакасов является исполнительство на народных музыкальных инструментах, которые подразделяются на несколько групп: струнно-щипковые, струнно-смычковые, духовые, ударные и шумовые. Некоторое время традиция исполнительства на большей части хакасских народных музыкальных инструментах была прервана, за исключением исполнительства на чатхане, благодаря его неразрывной связи с хакасским героическим эпосом. Героический эпос (алыптыг ныхмах) — один из древнейших жанров хакасского фольклора является своеобразным памятником, отразившим историю хакасского народа, особенности его мировоззрения и эстетических представлений.

Важной вехой в истории изучения хакасской музыкальной культуры стало проведение в 1996 г. I Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению «Чатхан: история и современность». Первый симпозиум явился широким и представительным форумом. В его работе приняли участие ученые из Москвы, Новосибирска, Горного Алтая, Республики Тыва, Голландии, Канады, Бельгии, Японии. Среди зарубежных участников А. Д. Джордж, преподаватель Альбертского университета г. Эдмонтон (Канада); Л. Тадагава, М. Гото (Япония); Л. Ниссен (Институт по исследованиям Азии, Нидерланды); Р. Кнапп (Нью-Йорк, США), Ф. Мах (Люксембург); П. Кнапп (Германия) и др. Поддержали участие и ученые Саяно-Алтайского региона: И. Б. Шинжин (Горный Алтай), В. Ю. Сузукей (Тыва), Л. Арбачакова (Горная Шория).

По результатам проведенного симпозиума был выпущен сборник материалов, в который вошли 28 докладов. В докладах представлены результаты научных исследований по истории возникновения, бытования и роли чатхана в хакасской культуре. Кроме того, обсуждались проблемы сохранения и развития исполнительства на хакасских народных музыкальных инструментах, включающих алыптыг-ныхмахи, тахпахи и другие жанры хакасского музыкального фольклора.

В настоящее время в музыкальных школах, школах искусств, музыкальном колледже активно обучают детей игре на национальных инструментах. В музыкальном колледже создан оркестр хакасских национальных инструментов, который в 2015 г. участвовал в IV Международном фестивале-конкурсе музыкального творчества «Сибириада» и стал

Лауреатом I степени в номинации «Музыкальное исполнительство коренных народов». В 2016 г. оркестр стал Лауреатом II степени в III Всероссийском фестивале-конкурсе оркестров и ансамблей национальных инструментов народов России в г. Улан-Удэ.

Одним из основателей возрождения хакасских народных инструментов и одним из талантливых мастеров по их изготовлению является С. Т. Чарков — участник многочисленных международных музыкальных фестивалей в разных странах мира — Великобритании, Польше, Японии, Казахстане, Нидерландах, Норвегии, Германии США, Бельгии, Швейцарии. В его репертуаре древние хакасские предания. Владея в совершенстве техникой горлового пения, автор исполняет музыку в старинной эпической хакасской вокальной традиции — хайчи. Сергей Трофимович имеет международную известность как мастер по изготовлению музыкальных инструментов. В 1998 г. Указом Президиума Верховного Совета Республики Хакасия за заслуги в развитии музыкальной культуры Хакасии он удостоен почетного звания «Народный мастер «Чон Узы» Республики Хакасия». Исполнители на национальных инструментах отмечают, что изготовленные мастером инструменты обладают высоким качеством: приятной

тембровой окраской, оригинальной формой и отделкой. В учебно-воспитательном процессе качественный инструмент играет очень важную роль — это залог интереса молодых исполнителей к музыкальным занятиям и их будущих творческих успехов.

Клубными учреждениями культуры Хакасии накоплен большой опыт по проведению народных праздников и гуляний. Проводятся республиканские фестивали и конкурсы по различным жанрам народного творчества. Хакасская республиканская филармония все чаще упоминается в СМИ в связи со «звездными» концертами симфонического, народного оркестров, участием национальных коллективов в престижных международных фестивалях, выступлениями хореографических и вокальных коллективов.

В Хакасии ведется активная пропаганда лучших образцов профессионального и самодеятельного искусства, продвижение продуктов культуры за ее пределы и за рубежом, что способствует поддержке и повышению престижа культуры Хакасии в российском и мировом культурном пространстве. Пройдя сложный исторический путь развития, хакасский народ сохранил богатейший клад мудрости, вобравший в себя и культуру, и все накопленные знания предшествующих эпох.

Литература:

1. Вохрышева М. Г. Современные тенденции развития вуза культуры и искусств. // Культура XXI века: Материалы научной конференции, посвященной 35-летию СГАКИ. — Самара: СГАКИ, 2006. — С. 8.

Фестиваль академической музыки как форма музыкального просветительства: «Порт-Петровские ассамблеи» в Махачкале

Махмудова Камила Гаджимурадовна, аспирант
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)

Созданный в 2008 году фестиваль академической музыки «Порт-Петровские ассамблеи» стал знаковым событием культурной жизни Дагестана. Социальные приоритеты Фестиваля — образование и просвещение — вызваны необходимостью формировать актуальную культурную среду, в которой музыкальное искусство выполняет коммуникативную и просветительскую функцию. «Порт-Петровские ассамблеи» ежегодно включают около двадцати концертных программ. Фестиваль популяризирует академическое искусство в современных социокультурных условиях Республики Дагестан, вызванных доминированием архаичных и религиозных практик. Формирование концертных программ Фестиваля обусловлено полистилистической и разножанровой направленностью, стимулирующей интерес к музыкальному форуму у широкой аудитории слушателей.

Ключевые слова: музыкальный фестиваль, фестиваль академической музыки, «Порт-Петровские ассамблеи», культурная политика, культурная среда, Республика Дагестан

Одной из задач Государственной культурной политики определено «развитие культурного просветительства с привлечением к этой деятельности профессиональных сообществ и организаций культуры» [6, с. 15]. В Стратегии государственной культурной политики до 2030 года среди наиболее опасных проявлений гуманитарного кризиса в Российской Федерации названо снижение интел-

лектуального и культурного уровня общества [7, с. 7]. В свою очередь, Концепция региональной культурной политики Республики Дагестан ставит задачей «повышение культурного, духовно-нравственного уровня жителей республики» [5, с. 9]. Эффективным инструментом реализации культурной политики государства может стать популяризация академического искусства, наиболее ак-

туальной формой популяризации является музыкальный фестиваль [3; 4; 8].

В сложных социально-культурных условиях Республики Дагестан, когда религиозный фактор становится доминирующим при формировании культурной идентичности, и активно сужается светское пространство, острую актуальность приобретает необходимость сохранения универсальных, базовых ценностей. В данном контексте представляется важной роль Дагестанской государственной филармонии, иницирующей создание и продвижение музыкально-просветительских проектов. Активная деятельность по воспитанию филармонического слушателя и популяризации академического искусства позволяют считать дагестанскую филармонию ведущим музыкально-просветительским центром республики [2, с. 501].

Главным проектом Дагестанской филармонии является фестиваль искусств «Порт-Петровские ассамблеи», в названии которого отражено историческое название города Махачкалы — Порт-Петровск. Инициатором проведения Ассамблей выступила художественный руководитель филармонии Ирина Германовна Нахтигаль. Фестиваль проводится при поддержке республиканского Министерства культуры с 2008 года.

Первоначальный статус фестиваля был межрегиональным. Программа первых Ассамблей в 2008 г. включала выступления следующих музыкальных коллективов: Академический симфонический оркестр под управлением Ильи Гайсина (Кисловодск), Президентский ансамбль «Камерата» (Нальчик), ансамбль «Брандт Брасс» (Саратов), Камерный оркестр Дагестанской государственной филармонии, Государственный симфонический оркестр республики Дагестан (Махачкала) [1].

Благодаря расширению жанрово-стилевого диапазона исполняемых произведений достигается разнообразие концертных программ Ассамблей — от академической музыки до джаза.

В 2009 г. в программе фестиваля участвовали музыканты из Норвегии. Собственно, с выступления норвежских музыкантов Ассамблеи приобрели статус международного фестиваля. В концерте «NORD — ZUID MUSIK» участвовали норвежский композитор Хеннинг Соммеро (автор песни «Васорг» — неофициального гимна Норвегии), джазовый саксофонист Ян Пол Индерберг, драматическая актриса Ида Якобсон. В концерте прозвучали произведения норвежских композиторов Хеннинга Соммеро (Сюита для скрипки с камерным оркестром «Аленушка», Концерт для виолончели с оркестром) и Эгеля Капстеда (Концерт для саксофона с оркестром). Фестивальная программа третьих Ассамблей в 2010 г. включала выступления солистов-инструменталистов, ансамбль «Брандт Брасс» (Саратов), оркестр Кабардино-Балкарской государственной филармонии, а также вокал — концерт солистки Большого театра России, народной артистки РФ Людмилы Магомедовой.

Произведения Роберта Шумана, 200-летие которого отмечалось в 2010 году, составили программу концерта фортепианной музыки. Сочинения композитора исполнила Марина Каминкер (Израиль), а совместно с Зарифой Абдуллаевой прозвучали фортепианные дуэты Шумана. Программу, посвященную Году Франции в России, на фестивале представил дуэт Зальмины Абуевой (фортепиано) и Мурада Абуева (скрипка). В сопровождении камерного оркестра Дагестанской филармонии выступил лауреат XIII Международного конкурса им. П. И. Чайковского виолончелист Евгений Румянцев.

Гостями четвертых Ассамблей (2011) стали пианист Тимур Гасратов (Германия), Камерный оркестр и солисты Астраханской государственной филармонии, солистка Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова Фариды Мамедова, Заслуженный артист РФ скрипач Граф Муржа (Москва). В Гала-концерте фестиваля выступили три тенора: президент Фонда «Таланты мира» Давид Гвенианидзе, солист Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко Дмитрий Полкопин, солист Большого театра России Оганес Георгиян.

В 2012 году фестиваль проходил под эгидой Культурной Олимпиады «Сочи — 2014». Выступления музыкантов из США, Израиля, Италии, Германии, Финляндии, России и стран СНГ составили концертную программу пятых Ассамблей. На открытии фестиваля выступили солисты Благотворительного фонда творческих инициатив «Таланты мира» Андрей Бреус («Новая опера», «Опера Бастиль», «Ковент-гарден», «Вашингтон-опера»), Юрий Зальцман («Русская опера»), Арсен Согомонян (академический театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Ереванский театр оперы и балета). Продолжением линии популяризации творчества дагестанских современных композиторов стал концерт «Дагестан в окружении друзей». В концерте современной музыки «XXI век — творческие пересечения» прозвучали сочинения композиторов Дагестана, Грузии, Ирана, Израиля, США в исполнении Камерного оркестра и солистов Дагестанской филармонии. Яркую программу пятых Ассамблей фестиваля дополнил джазовый блок с участием эстрадно-симфонического оркестра Республики Дагестан, биг-бенда Дагестанской государственной филармонии, джазовой певицы Диан Пративи (Dian Pratiwi) (Германия), биг-бенда Георгия Гараняна под управлением Антти Мартина Риссанена (Финляндия). Таким образом, Фестиваль утвердил основную концепцию современного музыкального фестиваля — диалог культур и полифонию стилей. Завершился пятый фестиваль «Порт-Петровские ассамблеи» выступлением симфонического оркестра и солистов Волгоградского музыкального театра «Царицынская опера».

В шестом фестивале «Порт-Петровские ассамблеи» (2013) выступили участники Международного благотворительного фонда творческих инициатив «Таланты мира»,

М. Бейтан (виолончель, Швейцария), Г. Муржа (скрипка, Венгрия), С. Мирзоев (фортепиано, Турция), Солистка Азербайджанского государственного театра оперы и балета Ф. Мамедова, коллективы Калужской, Саратовской областных филармоний, солисты и джаз-оркестр им. Г. Гаряна (Краснодар), камерный оркестр Дагестанской государственной филармонии.

В 2014 году в седьмых Ассамблеях выступили участники Международного благотворительного фонда творческих инициатив «Таланты мира», Артём Дервояд (гитара, Москва), Танел Йоаметс (фортепиано, Эстония), Паулитта Мак Вильямс (джазовый вокал, США), Юрия Медяника и Emotion-Orchestra (Москва), Симфонический оркестр и солисты государственного театра оперы и балета г. Волгограда, (Краснодар); под управлением Рамиро Ариста (Аргентина) в концертах фестиваля принимал участие камерный оркестр Дагестанской филармонии.

Состоявшиеся летом 2015 года Ассамблеи продемонстрировали разнообразие творческих стилей и жанров. Публике были представлены концерты фортепианной (Михаил Яновицкий, США), скрипичной (Гайк Казазян, Москва), вокальной (арт-проект «Тенора XXI века», солисты Мариинского и Большого театров) музыки. Инструментальные произведения прозвучали в исполнении камерных оркестров Дагестанской и Астраханской государственных филармоний. Джазовую музыку исполнил оркестр им. Кима Назаретова (Ростов-на-Дону). Продолжая традицию знакомства дагестанских слушателей с ведущими именами современной академической музыки, организаторы Ассамблей 2015 года предоставили

возможность услышать выступление профессора консерватории г. Турку (Финляндия), флейтиста Олега Сытянко. В целом, насыщенная музыкальными событиями программа восьмых Ассамблей отразила высокий профессиональный ценз организаторов фестиваля, а востребованность концертов фестиваля публикой показала актуальность Ассамблей в культурном пространстве столицы Дагестана [1].

В 2016 году IX Ассамблеи продолжили традицию разножанровости, диалога стилей и культур. Гостями фестиваля в этот раз стали пианисты Саяна Сангидорж (Монголия), Александр Яковлев (Россия), Фатима Мерданова (Швейцария). Концерт вокальной музыки представила Людмила Велинская, скрипичной — Сергей Поспелов. Инструментальные ансамбли «The Moscow Chamber Music Academy» (руководитель И. Бобович, Москва), Биг-Бэнд Григория Гаряна выступили с сольными концертами. В программе Ассамблей приняли участие Государственный симфонический оркестр Республики Дагестан, Камерный оркестр Дагестанской филармонии.

Фестиваль «Порт-Петровские ассамблеи» — масштабное культурное событие и актуальный компонент региональной музыкальной культуры. Ассамблеи стали своеобразной формой диалога — диалога культур, стилей, языков. В контексте современных социокультурных трансформаций Республики Дагестан «Порт-Петровские ассамблеи», обладая широким культуротворческим потенциалом, формируют культурную среду, помогают сохранить светское пространство, выполняют важную социальную функцию, направленную на образование и просвещение.

Литература:

1. Абдулаева М. Ш. «Порт-Петровские ассамблеи» в Махачкале: практика формирования культурной среды региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2015. № 8 (47). С. 42–43.
2. Абдулаева М. Ш. Музыкальное просвещение — компонент региональной культурной политики республики Дагестан: реалии и перспективы // Фундаментальные исследования. 2014. № 8 (часть 2). С. 499–502.
3. Барабанов А. А. Механизмы культурной политики Российской Федерации в области поддержки и развития фестивалей классической музыки // Культура и цивилизация. 2014. № 1–2. С. 10–19.
4. Барабанов А. А. Музыкальный фестиваль как явление культуры: региональные фестивали в культурной политике России // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 39–54.
5. Концепция региональной культурной политики в Республике Дагестан на период до 2020 года // Министерство культуры Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minkultrd.ru/articles/dokumenty/kulturnaya_politika/ (дата обращения: 1.01.2017).
6. Основы государственной культурной политики // Министерство культуры Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minkultrd.ru/articles/dokumenty/kulturnaya_politika/ (дата обращения: 1.01.2017).
7. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года // Министерство культуры Республики Дагестан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minkultrd.ru/articles/dokumenty/kulturnaya_politika/ (дата обращения: 1.01.2017).
8. Широкова Е. А. Музыкальный фестиваль в диалоге культу: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2013. 171 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Люди с ограниченными возможностями в области зрения и музейный мир Великобритании

Вревская Наталия Александровна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Великобритания — страна, где вопросом доступности музеев для людей с проблемным зрением озаботились еще с середины XIX в., а интерес к этим людям начали проявлять еще с XVII в. За это время проявлялось большое влияние церкви и государства, что создавало проблемы в развитии работы в целом.

Многие педагоги начали бороться за доступность художественных музеев и музеев натуральной истории для людей с полной или частичной потерей зрения еще в XIX в. Они доказывали, что этот пласт знаний, получаемый людьми в музеях, необходим для культурной интеграции слепых [5, с.22–43].

Хотелось бы отметить, что Великобритания начала закреплять на федеральном уровне положения, по которым музей становился доступным для всех людей. Например, закон о равенстве 2010 г. [4] Великобритании, провозглашает равный доступ, в том числе, и в учреждения культуры и образования людям, независимо от их инвалидности, этнической принадлежности, пола или сексуальной ориентации [3]. Значит, музеи обязаны по мере возможностей делать посещение доступным.

На данный момент, практически все музеи работают с Королевским институтом для слепых и организацией Вокалайс (Vocaleyes), которые выступают консультантами при модернизации музеев для предоставления доступа слепым и слабовидящим людям. Если первая организация сотрудничает с культурными учреждениями с момента своего основания, то вторая — только несколько последних лет. Из отчетов видно, что они помогают достаточно многим музеям (Национальный музей армии, Музей натуральной истории, Музей науки и многие другие) [12, с.6].

В Великобритании существует туристическая компания «Путешествующие глаза» (Travel eyes), которая специализируется на предоставлении специальных туров людям с частичной потерей зрения. Туры проводятся для смешанных групп из зрячих и незрячих людей. Совместно с компанией «Одинокая Планета» (Lonely Planet) выпускается серия путеводителей на Брайле, а также компакт-диски и другие специальные программы [1].

За последние несколько лет Великобритания столкнулась с проблемой социальной изоляции, т. е. появилось большое количество маргиналов. Государство старается корректировать свою политику устранения причин отторжения этих людей от общества. Музеи, в свою очередь, хотят стать агентами социальной инклюзии, т. е. механизмом, способствующим уничтожению социальной изоляции.

В последнее время становится популярной идея, что музей — это агент социальной инклюзии. Работа музеев меняется, они стали больше подвержены социальной ответственности в отношении к современным проблемам, таким, как права человека, окружающая среда, социальная справедливость и т. д. Многообразие музеев позволяет избирать различные пути влияния на общество. Работа музеев в социальной сфере может влиять на общество, в котором они находятся, а оно, в свою очередь, может повлиять на внутренние законы правительства и, возможно, даже на внешнюю политику. Но, вовлекая себя в социальную работу с населением, музеи должны осознавать и всю ответственность, возлагающуюся на них. Будучи государственными учреждениями, очень опасно критиковать действия сверху и политику в целом, поэтому необходимо находить компромиссные пути [2, с.122–123].

Идея музея как агента социальной инклюзии, достаточно широко развивается в работах профессора Лестерского университета Ричарда Сандэлла. Музеи являются экранами, которые отражают экономические, политические и социальные изменения в обществе. Они могут играть значительную роль в вопросе социальной инклюзии. Но не только в положительном ключе. Музеи могут усиливать маргинализацию общества, как было в середине 19 в., когда музеи не могли посещать низы общества [10, с. 401–418].

Р. Сандэлл утверждает, что, раз музеи могут исключить группы или отдельных лиц из общества, то они могут способствовать повторной интеграции их назад. Музеи могут сплотить общество. Например, как случилось на волне промышленной революции, когда усилилось пьянство ра-

бочих, а музеи и наслаждение прекрасным помогли свести этот процесс на нет.

В последние годы музеи стали уделять больше внимания вопросам доступности, особенно в отношении тех групп людей, которые традиционно мало представлены в аудитории, реализуя идеи о правах человека, т. е., в том числе, и социального равенства [9, с.196]. Все больше исследований стремятся выявить барьеры, которые исключают различные аудитории. Музеи начинают новые проекты, направленные на обеспечение доступа, переосмысление своих целей и расширение аудитории. Но этим они не ограничиваются. Музеи стараются найти и устранить причины социальной изоляции. Они пересматривают себя, как агентов социальной инклюзии.

Достаточно интересно посмотреть, как начала развиваться эта область музейного дела в Великобритании. Каковы причины интереса к людям с частичной или полной потерей зрения. Какие успехи и промахи допустили музеи.

Становление практики музейно-образовательной деятельности для людей с ограниченными возможностями в области зрения (XVII—XX вв.).

До того, как начали появляться выставки в XX в., приспособленные для инвалидов по зрению, существовали работы, посвященные изучению мира слепых. Именно они во многом стали первым шагом к ныне существующим программам в музеях. Идеи, заложенные в них, породили базис для всех выставок для слепых и слабовидящих.

Начиная с XVII в. английские философы начали задаваться вопросом — отличается ли понимание мира слепого и зрячего. Одним из первых на эту тему начал рассуждать Джон Локк в работе «Опыт о человеческом разумении» [14, с.154—172] 1670 г. Он пришел к выводу, что человек, родившийся слепым и не видевший предмета, не сможет его понять, если прозреет.

Эти рассуждения были поддержаны в начале XVIII в. Дж. Беркли. В 1709 г. в работе «Опыт новой теории зрения» [13, с.15—103] он пишет, что связи между осязанием и зрением не существует, она может возникнуть только посредством опыта. Свои рассуждения он подтвердил опытом на мальчике, которому удалили катаракту с обоих глаз. Став зрячим, он испытал трудности при новом восприятии мира [15, с.117—120].

Здесь и начинает рождаться стереотип, что люди с нарушенным зрением, имея немного другое восприятие реальности, могут воспринимать красоту через прикосновения, забывая о тех, кто ослеп уже после рождения или имел остаточное зрение.

Эти исследования стали основой для статьи, предлагающей институциональное образование для студентов с частичной или полной потерей зрения. В 1774 г. в Эдинбурге была опубликована статья Д. Сандерсона «Об образовании слепых» [5, с.58]. Он пишет, что прикосновения являются важным инструментом для разностороннего просвещения людей с нарушенным зрением, которые интеллектуально и духовно не уступают зрячим.

В XIX в. в Великобритании люди с полной или частичной потерей зрения стали получать образования в учреждениях, которые назывались приютами. Финансирование осуществляли меценаты, так как государство и церковь не поддерживали эти начинания, презируя бедных и неполноценных людей. Именно поэтому, таких организаций было мало. Как отмечает член Комитета по этике Британского психологического общества Найджел Форман (Nigel Fogeman): «Начало 19 столетия явилось и началом образования слепых детей в специальных школах, однако, учреждения, в которых было организовано школьное обучение детей с сенсорными нарушениями, появились несколько позже» [16]. Акцент делался на тактильном обучении, для этого использовалось «механическое» искусство — плетение корзин, шитье, сборка мебели и т.д.

С 1820-х гг. появляется идея, что интеллектуальное развитие человека через прикосновения более результативно, чем через «механические» искусства. Ряд учреждений решает использовать ее при посещении музеев, садов и зоопарков, которые имели большой потенциал в то время для науки. Поездки в зоологические сады и тактильное исследование животных были источником положительных эмоций у людей, а также хорошим дополнением к информации, полученной из книг [5, с.23].

С середины века начинают появляться крупные образовательные учреждения для слепых и слабовидящих, которые продолжают развивать идеи прошлых лет. В 1868 г. доктором Томасом Родосом Армитажем создается Королевский Национальный Институт для слепых. В учреждении начинают подчеркивать важность музыкального образования для инвалидов по зрению. В 1871 г. появляется Колледж и академия музыки для слепых [5, с.29]. Ее основателем являлся американский учитель Ф.Дж. Кембел, который переосмыслил старые формы тактильного образования. Таким образом, в школе продвигалось распознавание и понимание студентами окружающего мира путем прикосновения. Учреждение продвигало идею о том, что если тактильное распознавание предметов помогает в обычной жизни, то оно поможет и в уже институциональном образовании.

Как же повлияли эти педагогические идеи на доступность музеев Англии в XX в.? Важно было рассмотреть путь зарождения и развития образования инвалидов по зрению. Ведь, одна из функций музея — просветительская, т. е. он должен давать знания людям, в том числе слепым и слабовидящим. Развитие образования для людей с нарушенным зрением создало основу для специальных программ уже в музеях.

Начиная с XX в., в музеях начинают проводить результативные эксперименты, направленные на понимание восприятия инвалидами по зрению окружающих предметов через прикосновения. Например, детям давали сначала определенный предмет, а затем глину для воспроизведения предмета [8, с. 563—570].

С середины XX в. начинают использовать уже непосредственно музейные предметы. Музеи создают программы

для слепых и слабовидящих людей, хотя, как отмечали специалисты того времени, это было обусловлено политикой государства, а не заботой об эмоциональном и эстетическом просвещении людей [5, с.23].

Следует отметить, что на протяжении всего XX в. государство начинает проявлять интерес к просвещению людей с ограниченными возможностями. В 1970-х гг. государство начинает обсуждать вопрос доступности. Был создан ряд программ и выставок в галереях и музеях Великобритании, которые приурочили к году людей с ограниченными возможностями (1981). Например, в 1976 г. **галерея Тейт** в Лондоне открыла выставку с тактильным доступом к некоторым экспонатам [6]. С 1981 г. галерея начала создавать программы для людей с частичной или полной потерей зрения в целях ознакомления с окружающим их миром [11].

В 1981 г. был подписан Акт об образовании, который предоставлял инвалидам доступ к тому, в чем они раньше были ограничены: устройство на работу в музеи, свободное и удобное посещение культурных учреждений и т. д.

В 1983 г. **Музей естественной истории** в Лондоне разработал инклюзивную выставку «Изучение леса и моря». Людям были предоставлены образцы предметов для тактильного изучения, что позволяло представить определенные образы леса и моря. Отзывы посетителей были опубликованы в Британском журнале о нарушенном зрении (British Journal of Visual Impairment) [7, с.2–4]. Это помогло распространить существование проблемы доступности музеев для слепых и слабовидящих в обществе.

Хотя, в основном такие инклюзивные выставки открывались в Лондоне, много программ реализовывалось в провинциальных музеях и галереях, что позволяло посетить их большему количеству людей с особыми потребностями. Например, выставка в **галерее Арнольфини** в Бристоне в 1986 г. под названием «Чувство видеть», была заявлена, как первая выставка в Англии, задуманная специально для слепых.

В 1980-е гг. такие выставки начали устраиваться в Южной и Центральной Англии. Например, выставка скульптур «Откровение для рук» в Ковентри и Лидсе. Как и выставка галереи Тейт, она включала в себя современную скульптуру, воспринимаемую, прежде всего, через прикосновения. Ин-

формацию о выставке распространяли через путеводители, что помогло оповестить большое количество людей.

Хотя, Акт 1981 г. и закреплял некоторые права людей с нарушенным зрением, его реализация встречала критику. И люди с частичной потерей зрения, и люди с полной потерей зрения после или с рождения приравнивались друг к другу, между ними не делали никакого разграничения, хотя достаточно важным являлось учитывать эти различия в процессе подготовки выставки. Так же были проблемы с финансированием.

Проекты специальных выставок продолжали развивать, несмотря ни на что. В 1990-х гг. благотворительное общество «Гостиная живописи» (Living Paintings) разработала специальную книгу с термоформованными пластиковыми тактильными фотографиями известных картин из **Лондонской национальной галереи**, оснастив их текстовым описанием композиции и истории создания [5, с.28]. Те, у кого сохранилась визуальная память или осталось частичное зрение, могли достаточно хорошо понять представленный материал. Но в процессе выяснилось, что люди, которые были рождены без восприятия света, не могли воспринять изображенное. Они понимали, что, например, скопление точек — это тень, но как они должны понимать тень? Эта ошибка при создании привлекла к себе внимание, что позволило в дальнейшем учитывать различия между инвалидами по зрению и их возможностями восприятия мира.

Великобритания прошла большой путь, строя систему образования, а затем и приспособив музеи для людей с нарушенным зрением. Были выявлены определенные проблемы, организованы выставки и напечатаны различные статьи на эту тему. Это помогло обратить внимание правительства и обычных людей на этот вопрос. Такая проблема, как отсутствие понимания различий между слепыми и слабовидящими людьми, долгое время не видели, она сумела окрепнуть и укорениться в музейных программах для инвалидов по зрению, но ее все-таки заметили и начали ее решать.

На данный момент количество английских музеев и галерей, занимающихся проблемой доступности, постепенно растет. В их работе прослеживаются как сходства, так и отличия.

Литература:

1. About us [электронный ресурс] // Traveleyes. URL: <http://www.traveleyes-international.com/index.php/about-us> (Дата обращения: 12.08.2014).
2. Carter J., Orange J. Contentious terrain: defining a human rights museology // Museum Management and Curatorship. 2012. Vol. 27. No. 2. pp. 111–127.
3. Disability Equality Scheme [электронный ресурс] // Sir John Soane's Museum. URL: http://www.soane.org/your_visit/accessibility/disability_equality_scheme/ (Дата обращения: 22.04.2015).
4. Equality Act 2010 [электронный ресурс] // The official home of UK legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/introduction> (Дата обращения: 20.06.2015).
5. Hayhoe S. The Philosophical, Political and Religious Roots of Touch Exhibitions in 20th Century British Museums // Disability Studies Quarterly. 2013. Vol 33. № 3. pp. 22–43.

6. Measham T. Sculpture for the Blind: An Exhibition for the Blind and Partially Sighted Tate Gallery November — December 1976. London, 1976. 8 p.
7. Robinson G. M. Consumer Reports // The British Journal of Visual Impairment. 1983. Vol 1. № 1. pp. 10—16.
8. Salmon E. How the Blind are Educated // The Strand Magazine. 1891. № 6. pp. 563—570.
9. Sandell R. Museums and the human rights frame / Sandell R., Nightingale E. Museums, Equality and Social Justice (Museum Meanings). London, New York, 2012. pp. 196—215.
10. Sandell R. Museums as Agents of Social Inclusion // Museum Management and Curatorship. 1998. Vol. 17. №. 4. P. 401—418.
11. Sculpture for the blind: An exhibition for the blind and partially sighted, 26 August-1 November 1981 / Tate Gallery. London, 1981. 8 p.
12. Trustees' report and financial statement for the year ended 31 march 2014. London, 2014. 24 p.
13. Беркли Д. Сочинения / Сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского. М., 2000. 560 с.
14. Локк Дж. Сочинение в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении / Под ред. И. С. Нарского. М., 1985. 621 с.
15. Сакс О. Антрополог на Марсе. СПб., 2012. 384 с.
16. Форман Н. Специальное образование в Великобритании [электронный ресурс] // XServer.ru. URL: <http://www.xserver.ru/user/sovsgs/2.shtml> (Дата обращения: 17.05.2015).

ФИЛОЛОГИЯ

Educational effectiveness research and teacher professional development

Abdirazzakova Sadokat Alimbaevna
Tashkent University of information technologies

Key words: *professional development, educational effectiveness, approaches, collaboration, impact of CPD, education system, tips*

Абдираззакова Садокат Алимбаевна, ассистент, преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Professional development is learning to earn or maintain professional credentials such as academic degrees to formal coursework, conferences and informal learning opportunities situated in practice. It has been described as intensive and collaborative, ideally incorporating an evaluative stage. There are a variety of approaches to professional development, including consultation, coaching, and communities of practice, lesson study, mentoring, reflective supervision and technical assistance.

In particular, promoting the development of teachers' competence in teaching transversal competences and heterogeneous classes, and collaborating with colleagues and parents, are seen as essential.

The forms of support to teachers' professional development can consist in paid working time and substitutions (often discouraged for budget and organizational reasons), funding of CPD costs sustained by teachers, salary incentives, CPD as condition for salary progression and promotion, national policies and campaigns.

Literature on educational effectiveness seems to outline a conceptual framework that can be described as an "onion-rings" model, going from the micro-level to the macro-level perspective — with individual teachers' personal characteristics (competences, beliefs and attitudes) at the core, a second layer concerning teaching effectiveness in the classroom (instructional repertoires), a further layer about teachers' cooperation in school contexts, and finally considering national policies and organizational features (including issues of autonomy, accountability, evaluation in education systems) as the outer layer.

In a broad sense, professional development may include formal types of vocational education, typically post-secondary or poly-technical training leading to qualification or credential required to obtain or retain employment. Professional development may also come in the form of pre-service or in-service professional development programs. These programs

may be formal, or informal, group or individualized. Individuals may pursue professional development independently, or programs may be offered by human resource departments. Professional development on the job may develop or enhance process skills, sometimes referred to as leadership skills, as well as task skills. Some examples for process skills are "effectiveness skills", "team functioning skills", and "systems thinking skills".

We frequently meet teacher leaders and coaches who ask for tips on giving professional development (PD). Their expansive job descriptions include delivering professional development, and yet they feel unsure of how to do this: For instance, Facilitating adult learning is different than working with children and very few of us have ever had explicit training in this area. Here some suggestions offered in a slightly random order:

1. Facilitate Learning.

Consider your role when delivering PD to be one of a *facilitator* of learning. Your role is to *guide* this learning — even if it is about something you know a great deal about. As a facilitator, you do not need to know everything; you can be humble. However, your audience will respond better if you engage them as a facilitator.

2. Plan, Plan, Plan, and Prepare.

Just as you plan for lessons that you hope will go really well, you must spend a good amount of time planning and preparing for the PD you deliver. Your facilitator's agenda should include extensive details for what you will say, how you will structure the learning, how you will transition between sections and so on. The success of your PD lies heavily in your plans.

3. Allow for Choice.

You will want to offer lots of structure for your PD, but you must also allow for choice. Adults need to make choices about their learning — it is just a fact. We disengage if we cannot make some choices. A choice can sound like this: "I am going to give you a few minutes to reflect on what we just talked about. If you want to write about it, that is fine. If you prefer

to just think, that is fine. If you would like to talk to a partner about your thoughts, that is fine, too”. You can incorporate choices about who will be partner with, what they chose to focus on or read about, how they decide to practice their new learning, and much more. As a facilitator, it is most helpful to just keep in mind that adults need to make choices — and to think about how and when we can offer that.

4. Not Too Much.

One of the keys to a great PD session lies in the objectives. People need to leave your PD having learned to do something new. That means they need a little input or learning and a whole lot of practice. A common flaw I see in many PDs is that there are just too much packed into the allocated time. This often means that the presenter talks a lot and the participants walk away feeling overwhelmed and a bit frustrated. When you are planning, think about what you want people to walk away being able to do and backwards plan from that outcome. If this is a new skill, they will need a good amount of time to practice and get feedback from each other on their practice. Participants will be happiest if they walk away feeling that they learned something new and they can actually do something differently when they return to class tomorrow. When you are planning, prune, trim and cut and your PD will almost always be stronger.

5. Treat Your Adult Learners Like Adults.

One of the most common complaints we hear about PD is that teachers feel they are treated like children. This is usually a response to feeling like they’re being overly controlled, asked to do something that is not relevant, or subtly threatened with some kind of “accountability”. Consider this: We cannot hold anyone accountable to anything. Everyone makes their own choices about what they will think and do. We can provide choices and options, but then we need to let go of control. Build the decision-making capacities of your adult learners and let go of control.

6. Ask for Feedback.

At the end of every PD you facilitate, ask for feedback. For instance: *What did you learn? What worked for you? What didn't work for you? What questions or concerns do you have? Is there anything else you want me to know about your experience today?* In order to refine your PD delivery, you’ll want to gather and reflect on this feedback every time. This is probably the number one way that you will improve your PD.

7. Celebrate.

Try to end PD sessions with appreciations. This can be time when individuals appreciate others in the room or elsewhere and it can be a time to appreciate ourselves and silently acknowledge our own contributions, growth, and effort. When we close by acknowledging something that’s gone well or someone we value we strengthen the pathways in our brains that recognize the positive. Leaving your participants with this kind of an emotional experience will help when they return next time.

Professional development opportunities can range from a single workshop to a semester-long academic course, to ser-

vices offered by a medley of different professional development providers and varying widely with respect to the philosophy, content, and format of the learning experiences.

Some examples of approaches to professional development include:

Case Study Method — The case method is a teaching approach that consists in presenting the students with a case, putting them in the role of a decision maker facing a problem.

Consultation — to assist an individual or group of individuals to clarify and address immediate concerns by following a systematic problem-solving process.

Coaching — to enhance a person’s competencies in a specific skill area by providing a process of observation, reflection, and action.

Communities of Practice — to improve professional practice by engaging in shared inquiry and learning with people who have a common goal.

Lesson Study — to solve practical dilemmas related to intervention or instruction through participation with other professionals in systematically examining practice.

Mentoring — to promote an individual’s awareness and refinement of his or her own professional development by providing and recommending structured opportunities for reflection and observation.

Reflective Supervision — to support, develop, and ultimately evaluate the performance of employees through a process of inquiry that encourages their understanding and articulation of the rationale for their own practices.

Technical Assistance — to assist individuals and their organization to improve by offering resources and information, supporting networking and change efforts.

To help young people learn the more complex and analytical skills they need for the 21st century, teachers must learn in ways that develop higher-order thinking and performance. To develop the sophisticated teaching required for this mission, they must be offered more and more effective professional learning. Meaningful learning is a slow and uncertain process for teachers as well as for students, with some elements that are more easily changed than others, according to the interplay with teachers’ deeply-rooted beliefs and attitudes.

Teacher learning should therefore be embedded in the daily life of the school and provide opportunities to inquire systematically about teaching practices, their impact on students and about other issues of teachers’ work.

Examples of different types of collaborative, job-embedded professional learning activities can be:

- the analysis of the school’s culture;
- peer observations of practice;
- small-scale classroom studies about students’ written work;
- analysis of student data;
- study groups;
- involvement in a development or improvement process (designing or choosing new curricula or textbooks; assisting with the school improvement plan);

— case studies about patterns in students' classroom behaviour.

Finally, the overall impact of CPD programmes on teachers' practice, student learning and teacher efficacy ought to be evaluated within a conceptual framework, consider-

ing its relationships with structural features (contact hours, time span, collective participation), opportunity to learn features (content focus, active learning, follow-up support, collaborative examination of students' work, feedback on practice).

References:

1. Anderson J. R., Greeno J. G., Reder L. M. & Simon H. A. (2000). Perspectives on learning, thinking, and activity. *Educational Researcher*, 29, 11–13.
2. Bolam R., McMahon A., Stoll L., Thomas S., Wallace M., Greenwood A., Hawkey K., Ingram M., Atkinson A. & Smith M. (2005). Creating and sustaining effective professional learning communities.
3. Desimone L. M. (2009). Improving Impact Studies of Teachers' Professional Development: Toward Better Conceptualizations and Measures. *Educational Researcher*; Apr 2009; 38 (3); ProQuest Psychology Journals, 181–199.

Особенности женского романа как жанра литературы

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Сложным и неоднородным явлением предстает русская литература 90-х годов XX и начала XXI века в мировоззренческом, стилистическом, эстетическом и, без сомнения, в аксиологическом аспекте. Е. В. Лазарева отмечает, что современная русская литература оказалась в «состоянии постперестроечного идеологического вакуума», испытала «все соблазны теоретического и практического постмодернизма», разделилась «на множество течений», но тем не менее в своих лучших произведениях она «сохранила высокую духовность, страстный поиск истины, любовь и сострадание к человеку». Исследователь подчеркивает ориентированность русской литературы на истинные ценности, которые позволили ей «установить и поддержать высочайшие качества текста даже в эпоху торжества массовой культуры». Именно поэтому аксиологический критерий оценки произведения утверждается ученым в качестве важнейшего [6]. Таким образом, очевидно, что среди основных категорий нравственного сознания выделяются моральные ценности, наличие которых в современном женском романе представляет для нас особый интерес.

Однако сперва стоит уточнить значение термина «женский роман», который относится к числу самых популярных жанров. В критической литературе можно встретить такие близкие понятия, как «любовный роман», «дамский роман», «розовый роман» и даже его отождествление с женской литературой.

С. Филоненко отрицает подобное отождествление, рассматривая его как отношения целого к частному, и считает женским любовным романом — «исключительное жанровое своеобразие, которое функционирует в пределах присущих ему сюжетных и композиционных особенностей». Бо-

лее того, исследователь проводит грань между понятиями «женский роман» и «дамский роман», где последний, физиологический, бульварный, или тривиальный, выступает «одним из трех китов массовой литературы, с присущими лишь ему сюжетными моделями и матрицами» [8].

Е. В. Улыбина отмечает, что так называемый женский роман, он же любовный роман и розовый роман, относится к числу самых популярных жанров, и данное явление чрезвычайно близко по структурным и содержательным особенностям волшебной сказке [7, с. 538].

На неоднозначность термина указано и в исследовании В. Березина, который под «любовным романом» понимает специфический жанр коммерческой литературы, которая имеет разные постоянные названия — «розовый роман», «женский роман» [1]. Критик указывает на возникновение определенной путаницы, возникающей при употреблении термина «женский роман», т. к. под ним понимается и феминистская литература, и произведения, написанные женщинами-писательницами [1].

Помимо нейтрально оценивающих определений в критической литературе встречаются обвинения женского любовного романа в примитивности, пошлости, а также дурном влиянии на литературный стиль или, например, в «разрушении русской языковой среды и ... психики носителя русской языковой стихии» [5]. В. Долинский придерживается точки зрения, что данный тип романа «внекультурен по смыслу», а у читателя с «неиспорченным вкусом» вызывает только чувства «нарастающей усталости и неизбежной скуки» [5].

Таким образом, после проведения анализа определения понятия «женский роман» в современной критической ли-

тературе очевидно, что его четкая дефиниция отсутствует, а параллельно фигурируют синонимичные конструкции.

Как считает Е. В. Улыбина, высокая повторяемость сюжетных элементов, относительное постоянство состава героев и сериальный характер продукции определяют жанровое своеобразие женского романа [7]. О. Ванштейн подчеркивает, что «сущность розового романа во всех его жанровых модификациях сводится к любовной истории со счастливым концом» [3: 303], а в известных работах, связанных с исследованием женского любовного романа, отмечается категоричная неизменность формульных элементов, которые составляют сюжетную линию произведений «розовых серий» [3].

На российском книжном рынке женский любовный роман, как и другой жанр массовой литературы, представлен массовостью, серийностью с простыми и ясными названиями и неиндивидуальным характером данного вида любовной беллетристики (т. е. авторство за редким исключением почти не несет отпечатка индивидуальности).

Обращаясь к современной массовой культуре Запада, О. Вайнштейн отмечает, что розовый роман — «абсолютно канонический жанр, структурно определенный и по форме, и по смыслу». Он представляет собой карманную книжку, объемом 190 страниц, где сюжет закручен вокруг любовной интриги с неперемнной счастливой развязкой. Исследователь также подчеркивает и главную цель, заключающуюся в утехе и развлечении читательниц, переживаниях женским сердечным неприятностям, создании атмосферы розовых романтических мечтаний. Повествование ведется от лица героини, умницы и красавицы, события происходят на мирном бытовом фоне, а эротика дозирована и описывается скромно, через особые риторические фигуры или фигуры умолчания [3].

В. Березин утверждает такие специфические особенности любовного романа, как универсальность, политическую и персональную корректность и популярность среди независимого от этнической или национальной принадлежности читателя [1].

Исследование О. Бочаровой помогает идентифицировать следующие черты женского романа, благодаря которым он всеми узнаваем:

- 1) схематичность воображаемого мира, фигурирование самых универсальных имен и вещей;
- 2) практически отсутствие знаков времени, когда лишь по постоянному обращению к компьютеру возможно догадаться, что действие происходит в конце XX века, а не в его середине;
- 3) неопределенность конкретной культурно-временной принадлежности (отсутствуют упоминания о значимых событиях, знаменитостях, не встречаются названия фирм, магазинов, ресторанов и т. п.), однако есть схема условного «западного»;
- 4) обозначены лишь универсальные признаки пространства (это большой город с активной деловой жизнью, в котором есть банки, офисы, с рос-

кошными ресторанами, уютными кафе и дорогими магазинами);

- 5) мужчины — владельцы дорогих машин (здесь, впрочем, фигурируют марки автомобилей), у женщин — модная одежда [2].

Таким образом, конструируемый в женском романе мир не вызывает чувства дискомфорта, он прост, понятен и легко узнаваем всеми, чего бы не произошло, будь он проблемным и населенным не совсем знакомыми реалиями и названиями.

Однако не стоит понимать женский роман как абсолютно однородную литературную продукцию. И. Гаврикова выделяет в женском романе бытовые и любовные тексты, где бытовой — «это попытка в обыденщине нашей действительности найти кое-что особое и оголить жизнь во всех ее привлекательных и непривлекательных проявлениях, увидеть интересное в будничном», а любовный — «это жизнь в сказке, созданной своими руками, прикосновение к мечте, реализация своих желаний путем растворения себя в герое» [4].

Уже своим названием жанр женского любовного романа говорит о культурных стереотипах и ценностях, которые в нем утверждаются. Перед читательницами не просто беллетристика, созданная женщиной, но, определенно, вид массовой литературы, где основной темой выступает разделение человечества по полу и связанные с этой базовой классификацией культурные определения половых ролей. Далее постараемся описать те ценности, которые в нем прослеживаются.

По замечанию Е. В. Улыбиной, женский роман представляет собой первый вид массовой литературы, где открыто заявляется о женской направленности, и который в качестве «гимна» любви, душевности, чувственности и женственности просто необходим для адаптации к новым ценностным приоритетам [7, с. 541]. Для исследователя данный жанр — это способ разрешения «кризиса перехода от официально-идеологических советских представлений с доминированием государства, иерархических отношений к упрощенно западным, транслируемым через каналы массовой культуры, с приоритетными значениями успеха, семьи» [7]. В представлении конфликта советских и западных ценностей, по мнению Е. В. Улыбиной, недостаточно оппозиции «общественное/частное», но действительность массовой культуры непосредственно связана с трансляцией самых универсальных, простых, непроблематичных значений [7].

О. Бочарова говорит о том, что в женском романе в качестве элементов женской роли отвергаются такие ключевые для модернизированного общества ценности, как профессионализм и успех. Даже если женщина — великолепный специалист и любит свою работу, то карьера никогда не станет не может быть для нее первичной ценностью. Абсолютной и главной ценностью для образца женской роли является только любовь и связанные с ней семейные отношения и обязанности, утверждаемые в любовном романе [2].

Однако Е. В. Улыбина говорит не о полном отвержении основных ценностей современного общества, в отличие от патриархальных в стереотипе фемининности (семьи, детей, подчинения мужчине), но о присутствии в романе иных его оттенков. В женском любовном романе в столь «отчужденных» понятиях, присущих традиционно мужским «сферам влияния», как карьера, успех, профессия, просматривается женский стиль отношения [7, с. 540]. Очевидно, что это выражено не только «женским бизнесом», которым занимается героиня, но и привнесением тепла и душевности в деловые отношения. Женский роман и отличается наличием вторжения в профессиональную жизнь душевности и приватности, в то время как феминистское стремление заключается в распространении расчета и распределения обязанностей на личную сферу. Таким образом, в женском любовном романе кон-

фликт между стереотипом фемининности и современными, модерными значениями женской роли гармонизируется в своей версии женского поведения.

Таким образом, женский любовный роман становится эффективным терапевтическим средством, потому что подобные культурные напряжения значимы для современного российского общества, где социальный кризис сопровождается личностным кризисом (это и взросление детей, брачные разочарования и т. п.), в то время как книга позволяет убеждать от проблемной действительности в воображаемый мир идеальной любви и настоящих мужчин. Данный жанр утверждает патриархальный образец женской роли, репрезентирует культурные значения, определяемые с «прогрессивной» точки зрения как консервативные, которые сложно поддаются совершенствованию, потому что это вечные ценности семьи, любви, душевной близости.

Литература:

1. Березин, В. Беллетристика // Журнальный зал. — октябрь 2001. — № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2001/4/ber.html>.
2. Бочарова, О. Формула женского счастья. Заметки о женском любовном романе // Новое литературное обозрение. — М., 1996. — № 22. — С. 302–306.
3. Вайнштейн, О. Розовый роман как машина желаний // Новое литературное обозрение. — М., 1996. — № 22. — С. 33–37.
4. Гаврикова, И. Женский роман и женский детектив в современном литературном пространстве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://natapa.msk.ru/sborniki-pod-redaktsiey-n-t-pahsaryan/zhenskiy-roman-i-zhenskiy-detektiv-v-sovremennom-literaturnom-prostranstve.html>
5. Долинский, В. «... когда поцелуй закончился» (О любовном романе без любви) // Знамя. — 1996. — № 1. — С. 235–238.
6. Лазарева, Е. В. Иерархия ценностей в современной женской прозе: автореф. на дисс. канд. фил. наук — Краснодар, 2009. — 24 с.
7. Улыбина, Е. В. Субъект в пространстве женского романа // Пространства жизни субъекта. Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2004. — С. 538–555.
8. Филоненко, С. Украинский женский роман в европейском контексте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rlspace.com/ukrainskij-zhenskij-roman-v-evropejskom-kontekste/3/>

Авторская пунктуация как ключ к определению жанра произведения

К. Маккарти «Старикам тут не место»

Журавлев Илья Алексеевич, студент
Пермский государственный институт культуры

В данной статье рассматривается и анализируется авторская пунктуация Кормака Маккарти на примере его романа «Старикам тут не место», на основе которой в дальнейшем определяется жанровое своеобразие произведения.

На сегодняшний день американского романиста Кормака Маккарти уже признают живым классиком, в частности литературный критик Харольд Блум назвал Маккарти одним из четырёх крупнейших американских писателей своего времени, в одном ряду с Доном Делилло, Томасом Пинчоном и Филипом Ротом.

Настоящее признание Маккарти получил после публикации своего уже всеми признанного шедевром литературы романа «Кровавый меридиан, или Закатный багрянец на Западе», после чего закрепляет успех своим романом «Кони, кони», положивший начало так называемой «пограничной трилогии». Однако стоит заметить, что любовь

к лингвистическим экспериментам и переосмыслению художественного выражения проявилась задолго до публикации вышеперечисленных романов.

Отправной точкой формирования его уникального авторского стиля является его третий роман «Дитя господне» (в некоторых переводах «Дитя Бога»), в котором Маккарти увлеченно экспериментирует с литературными формами, жонглирует различными стилями и, что не менее важно, полностью игнорирует кавычки. Именно последняя особенность интересует нас больше, нежели остальные, так как пренебрежение знаками препинания позже раскрывается в еще большей форме в романе Маккарти «Старикам тут не место», и именно данная стилевая особенность является вспомогательной для определения жанрового своеобразия романа.

Перед началом анализа стоит осмыслить само понятие авторской пунктуации. Прежде всего, необходимо понять, что данный термин допускает двоякое толкование. С одной стороны, авторской пунктуацией можно назвать обозначение всех знаков препинания, поставленных автором в тексте, т. е. в буквальном смысле поставленных рукой автора. С другой стороны, с данным термином связано второе, более широкое значение, связанное с представлением о пунктуации нерегламентированной, не закрепленной правилами, т. е. представляющей собой разнообразные отклонения от общих норм. Нас интересует именно второе значение авторской пунктуации, так как синтаксис в романе К. Маккарти «Старикам тут не место» носит нерегламентированный характер и отклоняется от общепринятых норм языка.

Авторский синтаксис в рассматриваемом нами произведении выполняет экспрессивно-эмоциональную функцию и служит, прежде всего, для пунктуационного оформления разговорной речи, а также для ощущения авторского отношения к читателю.

В сравнении с романом «Дитя господне», в котором Маккарти отказался лишь от употребления кавычек, «Старикам тут не место» является своего рода идейным продолжением развития индивидуального авторского стиля, так как именно здесь «нелюбовь» к знакам препинания достигает своего апогея: Маккарти не использует не только кавычки, но также практически начисто избавляет свой текст от запятых и полностью убирает дефисы при оформлении диалогов.

Отсутствие запятых, возможно, объясняется оказанным на Маккарти влиянием творчества Джеймса Джойса, в частности его романа «Улисс», с которым критики неоднократно сравнивали другой роман Маккарти — «Саттри».

В качестве примера можно привести отрывок из 18 эпизода «Улисса», написанного без единого знака препинания: «Да потому что такого с ним никогда не было требовать завтрак себе в постель скажи-ка пару яиц с самой гостиницы Городской герб когда все притворялся что слег да умирающим голосом строил из себя принца чтоб заинтриговать эту старую развалину миссис Риордан воображал будто с ней дело в шляпе а она нам и не подумала отказать ни гроша

все на одни молебны за свою душеньку скряга какой свет не видал жалась себе на денатурат потратить четыре пенса все уши мне прожужжала о своих болячках...» [1]

Данный отрывок наглядно демонстрирует один из модернистских литературных приемов, называемый «поток сознания», используемый для воспроизведения ассоциаций, переживаний и душевной жизни героя.

Подобно Джойсу, с тем лишь отличием, что в «Стариках» присутствуют точки, Маккарти использует данный прием для передачи своего внутреннего монолога устами одного из героев романа, шерифа Белла: «Говорят глаза окна души. Не понимаю что было в его глазах и вряд ли когда пойму. Но мир становится другим и глаза тоже, к тому все идет. Не думал что доживу до такого. Где-то там есть настоящий живой пророк разрушения и я не хочу столкнуться с ним. Знаю он действительно существует <...> Во все времена так было. Ни славы тебе и ничего такого но ты ее делаешь эту работу. А если не готов, это поймут. И глазом не успеешь моргнуть как увидят. Думаю дело больше в том ради чего стараться. И ради чего ты должен рисковать своей жизнью. А у меня нет такой привычки. И теперь думаю может вообще никогда не появится». [2, с. 6]

Для понимания характеров главных героев романа, Ллуэлина Мосса и шерифа Белла, очень важно рассмотреть понятие «бессознательного», подкрепляющего идею «потока сознания».

Данное понятие ввели в своих работах З. Фрейд и К. Г. Юнг, утверждавшие, что бессознательное руководит явлениями психики, протекающих без участия сознания. Не считаясь с внешним миром, оно руководит влечениями, инстинктами и потребностями человека, и именно в бессознательном скрыты истинные мотивы человеческого поведения.

Исследователь С. С. Хоружий, в свою очередь, выделяет три основных элемента «потока сознания», одним из которых являются «внутренние травмы сознания».

В конце концов данный элемент вкупе с понятием «бессознательного» позволяет понять мотивы двух главных героев: обоим присущи внутренние травмы сознания и психики, так как оба являются ветеранами войн и жертвами т. н. посттравматического синдрома; каждым из них руководит бессознательное, но в различных его проявлениях. Моссом движет жажда наживы, порождаемая мыслью о том, что страна, за которую он воевал, в итоге ничем ему не отплатила. Эд Том Белл, в свою очередь, стремится защитить всех зависящих от его помощи людей, так как не смог спасти своих боевых товарищей на войне.

Таким образом, оба героя являют собой результат тех бессмысленных войн, в которых участвовала их страна — это люди потерянные, мучимые прошлым и его последствиями. Оба являются продуктами окружающей их среды, обоими движут инстинкты, удовлетворению которых мешают социальные реалии. Этим объясняется то отрывистая, то непрерывная речь, символизирующая сознание человека, прошедшего войну.

Исходя из вышесказанного, можно перейти к определению жанра романа. Произведение обладает большим количеством маркеров, позволяющих определить его жанр как вестерн, который сам Маккарти множество раз пытался переосмыслить: во-первых, в романе явно присутствует мотив дороги, путешествия от места к месту; во-вторых, в данном произведении изображен типичный для вестерна антураж (придорожные мотели, ранчо и фермы, маленькие городки); в-третьих, это «обязательные» персонажи (шериф, бандиты, охотник за головами, лихой ковбой).

Однако неоднократные (и неслучайные) упоминания Второй Мировой и Вьетнамской войн, размышления о расколе страны и утрате ценностей, а также тот факт, что центральные персонажи — ветераны этих войн, позволяют определить жанр романа как антивоенный.

Символика произведения позволяет рассматривать сюжет через политическую призму. В иносказательной форме Маккарти повествует, параллельно с горечью наблюдая и осуждая, о тех военных конфликтах, в которых США приняли участие. Антон Чигур, демонический киллер, являет собой образ абсолютного вселенского зла, с которым сталкивается Ллуэлин Мосс в погоне за деньгами. Если рассматривать этих героев как своеобразные символы, то на Мосса получится примерить маску правительства Соединенных Штатов, следовательно, Чигур — их страна-противник. Таким образом, оказавшись втянутыми в конфликт, США преследуют лишь заветные миллионы, а в итоге получают лишь горы бессмысленно убитых людей. А цепочка «Вторая Мировая — Вьетнам» позволяет провести параллель и с текущим положением дел [4].

Но Маккарти отнюдь не преподносит их читателю по принципу антитезы. Напротив, он их сопоставляет: оба

до конца уверены в своих силе и правоте, оба не желают уступать. Очень показательным будет фрагмент, в котором раненный Мосс просит у прохожего продать ему пальто: «Извините ребята, сказал. Прислонюсь к ограде. Его кровавые следы на асфальте как ключи в аркадной игре. Извините.

Они шагнули на проезжую часть чтобы обойти его.

Может продадите мне пальто?

Они прошли мимо не останавливаясь. Потом один из них обернулся.

Сколько дашь? Спросил.

Не твоё а вон того парня позади тебя. Длинное.

Парни и тот что в длинном пальто остановились.

Сколько?

Плачу пять сотен». [2, с. 106–107]

Антон Чигур, в свою очередь, ближе к концу романа просит у проходящих мимо подростков продать ему рубашку, чтобы перевязать сломанную после автомобильной аварии руку:

«Чигур посмотрел на них.

Сколько хотите за рубашку?

Мальчишки переглянулись.

Какую рубашку?

Черт, да обыкновенную. Сколько?» [2, с. 239]

Подобное сопоставление позволяет придерживаться мнения, что Маккарти не делит людей на хороших и плохих, когда речь идет о войне. Войну начинают лишь алчные люди.

Таким образом, анализируя авторский стиль пунктуации, можно определить жанровую специфику романа, и наоборот: правильное определение жанра романа позволяет понять и проанализировать нестандартный авторский синтаксис.

Литература:

1. Джойс Дж. Улисс [Книга]. — М.: Иностранка, 2013. — С. 928.
2. Маккарти К. Старикам тут не место [Книга]. — СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. — С. 288.
3. Оттенс Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения [Журнал] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012.. — № 2 (19).
4. Юсев А. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов [Книга]. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — С. 300.

Топонимы как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе

Конькова Инна Игоревна, аспирант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Интерес к категории вторичности не является случайным, так как нас окружает большое число вторичных произведений в том «мире текстов, в котором мы «живем» [11, с. 35]. При исследовании категории вторичности уче-

ные выделяют ряд ее маркеров. Так, В. И. Карасик считает, что основным признаком вторичного текста выступает его цитатность [4, с. 69–70]. Ю. Кристева [19] ввела понятие «интертекстуальность», благодаря которой созда-

ется взаимодействие текстов. Позже Е. М. Михайлова писала, что интертекстуальность может выражаться в различных формах: цитата, косвенная речь, референция (указание на чужой текст), ссылки, сноски и др. [7, с. 45].

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей функционирования топонимов как маркеров вторичного текста в англоязычных текстах письменного научно-технического дискурса (сфера нанотехнологий и оптоволоконной техники). Для достижения указанной цели решался ряд конкретных задач. Во-первых, необходимо определить следующие термины: «вторичность» и «вторичный текст»; во-вторых, дифференцировать понятия «топонимика» и «топоним»; в-третьих, выявить функции топонимов в текстах научно-технического дискурса. Материалом исследования являются тексты англоязычного научно-технического дискурса: монографии и научные статьи в объеме 450 страниц [14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24]. Методом сплошной выборки было выделено 144 случая употребления топонимов.

Обратимся к терминам «топонимика» и «топоним». Топонимика является разделом ономастики, которая изучает имена собственные, и находится на стыке языкознания, истории и географии, и занимается исследованием географических названий. Иными словами, топонимика находится на стыке трех дисциплин, и к ее изучению подходят с разных сторон. В центре внимания данной статьи находится анализ топонимов лингвистическими методами, благодаря которым устанавливается источник происхождения географических названий, средства передачи географических названий в других языках и причины выбора того, а не иного названия географического объекта и замена одного названия другим [12, с. 6–7].

Категорией вторичности занимались многие исследователи, такие как М. М. Бахтин [2], И. Т. Касавин [5], В. И. Карасик [4], Л. Н. Мурзин [8], Н. П. Пешкова [11], Р. Барт [1], Ж. Женетт [3] и др. Что касается вторичности в лингвистике, то Ц. Тодоров рассматривал ее как универсальную характеристику текста: «Следует говорить не о генезисе, возникновении текстов из чего-то нетекстового, а исключительно и только о переработке одних текстов в другие» [13, с. 98]. Н. М. Нестерова считает, что категория вторичности имеет относительный характер, так как тот материал, который осваивает автор вторичного текста, был когда-то полностью исследован автором первичного текста. Она отмечает: «Текст не может быть абсолютно первичным, он есть совокупность (мозаика) маркированных и немаркированных цитат» [9, с. 95]. Н. М. Нестерова считает, что первичный текст выступает в качестве «отправного для конкретного акта вторичной текстовой деятельности» [9, с. 2–3]. А. И. Новиков и Н. Л. Сунцова совместно дают следующее определение: «вторичным текстом является такое вербальное образование, которое порождается в результате развертывания определенных ментальных структур (ключевых слов, темы и т. п.), являющихся результатом осмысления и понимания первичного текста и отра-

жающих в свернутом виде основное его содержание» [10, с. 166]. Таким образом, несмотря на то, что вторичный текст семантически близок к тексту-первоисточнику, он является самостоятельным независимым произведением.

В данной статье под вторичным текстом понимается письменное речевое произведение, созданное путем аналитико-синтетической переработки текстов-первоисточников, содержащее ряд цитат и ссылок на последние. Цитаты и ссылки обеспечивают взаимосвязь между первоисточником и вновь порождаемым текстом или, другими словами, интертекстуальность.

Так как материалом данного исследования выступает научно-технический дискурс, то необходимо рассмотреть классификации топонимов, наиболее эвристичных для его изучения. Самыми оптимальными представляются классификации по морфологической структуре (О. А. Леонович) и по типу обозначаемых географических объектов (А. В. Суперанская). По морфологической структуре О. А. Леонович [6, с. 66] выделяет простые топонимы, производные топонимы, сложные топонимы и составные топонимы. Анализ нашего собственного текстового материала позволил определить частотность их употребления в научно-техническом дискурсе:

- 1) простые топонимы (одна основа) — 70%: *France* [21, р. 3].
- 2) производные топонимы (основа + суффикс) — 1%: *Thuringian and Bavarian Forest* [21, р. 87].
- 3) сложные топонимы (две основы) — 8%: *the Netherlands* [22, р. 3153].
- 4) составные топонимы (два и более слова) — 21%: *United States* [23, р. 3159].

А. В. Суперанская предложила классификацию топонимов по типу обозначаемых географических объектов. По частотности использования нами были выделены: гидронимы (названия водных объектов) — 4%: *the English Channel* [21, р. 238], оронимы (названия горных объектов) — 0,5%: *German Spessart* [21, р. 87], ойконимы (название населенного пункта от города до отдельно стоящего дома) — 36%: *Nuremberg* [15, р. 399], урбанонимы (названия внутригородских объектов) — 1%: *Broadway, Manhattan* [21, р. 12], макротопонимы (названия крупных географических объектов: страны и др.) — 58%: *China* [20, р. 232], микротопонимы (небольшие незаселенные объекты), антропотопонимы — 0,5% [12]. Топонимы могут быть образованы от таких именных категорий как личные имена, прозвища и фамилии людей (*Washington, D. C.* [17, р. 304]), то есть, данная группа топонимов восходит к антропонимам. В ходе изучения автором текстового материала не было выявлено случаев употребления микротопонимов, что можно объяснить спецификой научно-технического дискурса, в котором не требуется предоставление столь детальной информации топонимического характера.

Прежде чем обратиться к подробному рассмотрению примеров употребления топонимов в текстах научно-технического дискурса, важно отметить тот факт, что в ходе

анализа была установлена частотность использования топонимов в различных структурных частях научной статьи и монографии. В научных статьях, как показал анализ структуры данного типа научного сочинения, топонимы фиксируются в начальной части статьи и в заключении. Такое употребление объяснимо тем, что статья начинается историческим экскурсом, который предполагает географические упоминания (место изобретения, научного события, отсылка к именитым ученым с указанием их страны рождения и проживания). Важной причиной использования топонимов в начале или в конце статьи выступает политика научного журнала, в котором была опубликована статья, а также время публикации статьи. Так, журнал *Nano Letters* указывает информацию об авторе/авторах статьи перед статьей, соответственно топонимы концентрируются именно в этой части. Журнал *Optic Fiber Technology* также имел тенденцию к размещению информации об авторе в начале статьи, однако в статьях, датированных 2009 годом, такая информация содержится в конце. Что касается монографии, то здесь так же можно отменить концентрацию топонимов в начале каждой ее главы.

Анализ примеров употребления топонимов в текстах научно-технического дискурса позволил установить, что топонимы выполняют индексальную функцию. Топонимы выступают индексальными маркерами:

1) места работы автора статьи (Work) — 30%:

Пример 1. *Haotong Wei. State Key Laboratory of Supramolecular Structure and Materials, College of Chemistry, Jilin University, Changchun 130012, China* [24, p. 496]. Changchun — сложный топоним. ойконим (с кит. «chang» — длинный, «chun» — весна), China — пример простого топонима, макротопоним. Употреблению таких топонимов предшествует антропоним (имя автора статьи), таким образом, происходит отсылка не только к ранним работам, читатель также получает информацию о стране, в которой проводилось исследование, что позволяет определить уровень разработанности конкретной научной проблемы.

2) acknowledgments — 4%:

Пример 2. *S. W. is also with the Laboratories de Physique, Universite de Bourgogne, Dijon, France* [18, p. 120]. Оба топонима представляют собой простые топонимы, Dijon (Дижон) — ойконим, а France — макротопоним. В разделе acknowledgments упоминается ученый или научная организация, которому или которой выражается благодарность за содействие в проведении исследования. При этом всегда указывается территориальный признак, что, дает читателю возможность составить представление об авторитетности и достоверности предлагаемого материала, а также возможность обратиться в данную организацию или к указанному ученому в случае возникновения такой необходимости.

3) место исследования предмета изучения (Research) — 23%:

Пример 3. *When graphite powder (99.9999% purity from Alfa Aesar, Johnson Matthey Company, Lancashire, U. K., or 98.5% purity from Thai Carbon and Graphite Co., Ltd., Bangkok, Thailand) were vigorously oxidized under sonication, carbon materials of different sizes and shapes, for example, tubes, sheets, spheres, and irregular-shaped particulates, could be observed by scanning electron microscope (SEM)* [14, p. 3370]. Lancashire и Bangkok — ойконимы, в то время как U. K. и Thailand — макротопонимы. U. K. — составной топоним (the United Kingdom), все остальные топонимы — сложные. Так, Lancashire произошел от названия города Lancaster, которое в свою очередь состоит из названия реки «Lune» и древнеанглийского «caester» — крепость. Благодаря данным топонимам у читателя создается представление о месте, проводившем основные исследования в интересующей его области, что дает возможность определить имена ученых, занимавшихся данным вопросом.

4) исторический экскурс относительно проблематики работы (Background) — 23%:

Пример 4. *Intercontinental communications by subsea telegraph cable began in 1866 when the first successful transoceanic telegraph cable was laid across the Atlantic between the United Kingdom and North America, while in Asia the Great Northern Telegraph Company opened the first Asian international submarine cable systems between Japan and Russia in 1871* [16, p. 15–16]. Japan (макротопоним), Russia (макротопоним), Asia (макротопоним), the Atlantic (гидроним) — простые топонимы, макротопонимы the United Kingdom, North America — составные топонимы. Исторический экскурс позволяет ознакомиться с историей создания некоего изобретения и проследить его дальнейшее развитие через упоминание страны, в которой эти события имели место.

5) дополнительная информация об ученом (Details) — 1%:

Пример 5. *He filed his patent in 1876, but the Italian technician Antonio Meucci (who lived in New York) had demonstrated a working model as early as 1860 ...* [21, p. 5]. New York — пример составного топонима, ойконим. В данном примере предоставление дополнительной информации об ученом играет важную роль. В тексте монографии речь идет о изобретении телефона, упоминается имя официального изобретателя — Александра Белла и Антонио Мечуччи, чье изобретение опередило Белла. Автору монографии важно было подчеркнуть территориальную близость ученых на момент изобретения телефона: Белл проживал в Канаде, а Мечуччи — в Нью Йорке.

6) место выполнения фотографического снимка (Picture) — 4%:

Пример 6. *This picture was taken in Boca Raton, Florida, USA* [21, p. 17]. Boca Raton (ойконим) и USA (макротопоним) — сложные топонимы, макротопоним Florida — простой топоним. В данной функции топоним отсылает к ме-

сту расположения организация, которая может обеспечить проведение фотосъемки.

7) место применения изобретения (Application) — 15%:

Пример 7. *Vapor phase axial deposition was developed in ca. 1977 in Japan and is used in that country to this day, and through joint ventures elsewhere, too* [21, p. 95]. Япон — простой топоним, макротопоним. Если топоним-место исследования предмета изучения знакомит читателя с начальной стадией исследования, то, благодаря топониму-месту применения изобретения, он получает возможность отследить дальнейшую судьбу изобретения и возможные инновации, которые были совершены

Анализ функций топонимов в текстах научно-технического дискурса показал, что их можно условно разделить на три группы:

1) топоним в функции подлежащего (Subject function):

Пример 8. *The USA has the largest domestic telecommunications market worldwide* [21, p. 117].

Пример 9. *First the USA created a standard called SONET, for synchronous optical network* [21, p. 219].

В обоих примерах имеет место олицетворение. При этом в Примере 9 используется синекдоха. Сообщается, что стандарт создан страной, в то время как он разрабатывался учеными, проживающими в ней.

2) топоним используется в предложении в функции обстоятельства места (Adverbial Modifier of Place (AMP):

Пример 10. *In 1992/1993, the same technology is used in the Pacific for TPC-4* [21, p. 240]. The Pacific представляет собой простой топоним, гидроним. При таком построении предложения важно само место действия, а не то, кем оно было выполнено.

3) антропоним предшествует топониму (Anthr. + Topon.):

Пример 11. *Charly Kao, then with Standard Telecommunication Labs in England, proposed in 1966 that it should be possible to produce fibers with loss below 20 dB/km* [21, p. 75]. England — составной топоним (земля Англии), макротопоним. Благодаря такому сочетанию антропонима и топонима происходит отсылка к ранним работам указанного автора. Так, в данном случае речь идет о работе «Dielectric-Fiber Surface Waveguides for Optical Frequencies», написанной Као в соавторстве с Хокхэмом в 1966. Помимо этого, маркируется место проводимого исследования, что, во-первых, сообщает информацию о научном центре или лаборатории, а, во-вторых, позволяет читателю понять актуальна ли для него такая информация на момент проведения исследования.

Таким образом, исследование топонимов научно-технического текста представляется интересным с точки зрения структуры и видов обозначаемых географических объектов. По результатам анализа топонимов как маркеров вторичного текста в научном дискурсе, были сделаны следующие выводы:

1) топонимы выступают маркерами вторичного текста в научно-техническом дискурсе;

2) в исследуемом текстовом материале представлены простые топонимы, производные топонимы, сложные топонимы и составные топонимы. Как видно на рисунке 1, наиболее распространенными являются простые топонимы, что можно объяснить тем фактом, что в текстах научно-технического дискурса преобладают топонимы, обозначающие города и страны. В группу составных топонимов вошли официальные названия государств.

Рис. 1. Частотность употребления топонимов (по морфологической структуре)

3) в текстах научно-технического дискурса встречаются следующие виды топонимов, обозначающих географические объекты: гидронимы, оронимы, ойконимы, урбанонимы, макротопонимы, антропотопонимы. Как показано на рисунке 2, самыми частотными являются макротопонимы, что объясняется характером исследуемого материала, для которого достаточно обозначения крупных географических объектов, такие как города и страны.

4) топонимы выполняют индексальную функцию в текстах научно-технического дискурса: они выступают маркерами места работы авторы статьи, отмечают территориальное расположение ученого и организа-

ций, которым выражается признательность в содействии при осуществлении исследования, подчеркивают место исследования изобретения и место его дальнейшего применения и др. Как видно на рисунке 3, чаще всего топонимы указывают на место работы исследователя, автора статьи и место проведения исследования, что дает отсылку к первоисточнику. Благодаря историческому экскурсу, который также обеспечивается посредством топонимов, читатель получает подробное представление об исследованиях в интересующей его области и осознает источники получения дополнительной информации по данной теме.

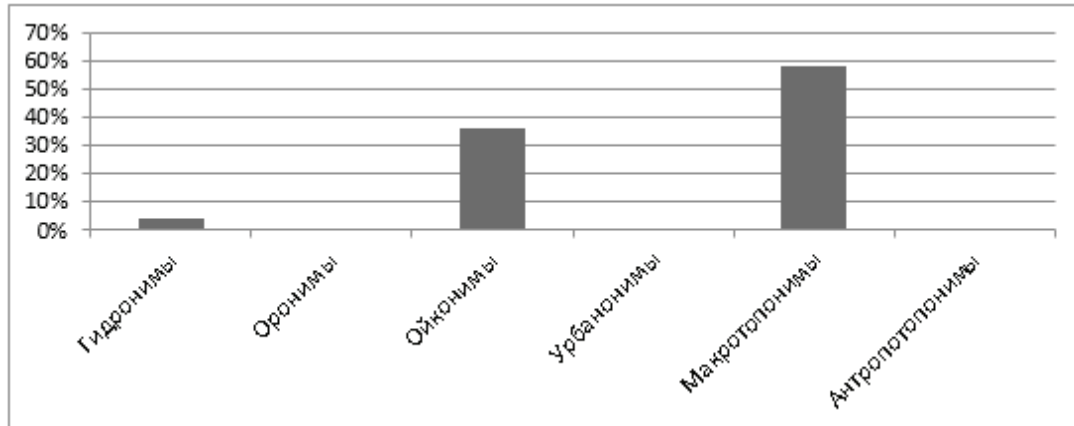

Рис. 2. Частотность употребления топонимов (по типу обозначаемых географических объектов)

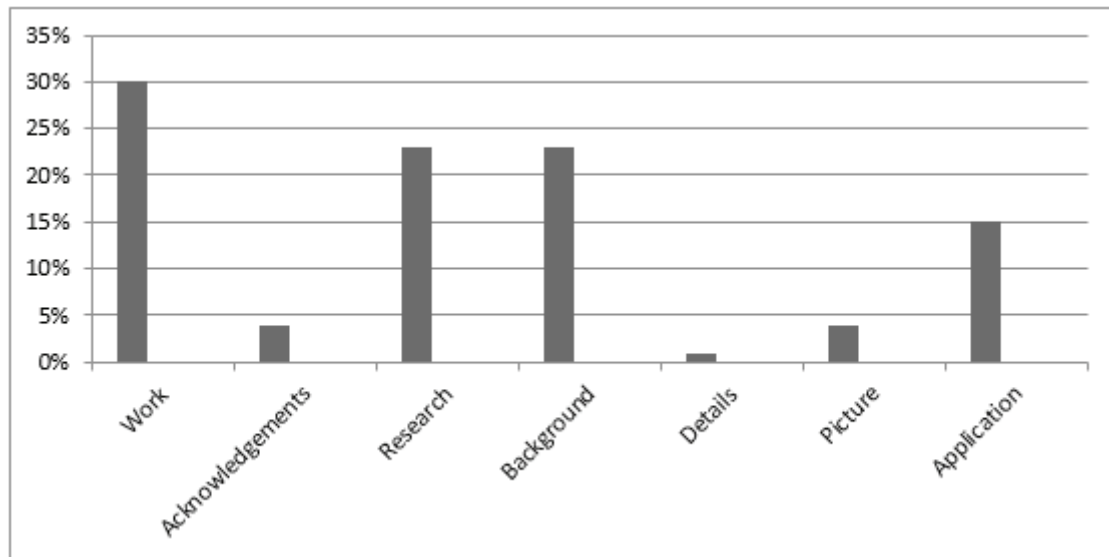

Рис. 3. Частотность появления топонимов в структуре научно-технического дискурса

5) исследование показало, что все случаи употребления топонимов представлены следующими функционально-синтаксическими типами: топоним в функции подлежащего, топоним в функции обстоятельства места и употребление топонима совместно с антропонимом. Как видно на рисунке 4, наиболее часто топоним выполняет функцию обстоятель-

ства места и используется в конструкции «Anthr.+Topon». Это можно объяснить тем, что одинаково важно и то, кем именно было проведено исследование или сделано открытие в сфере нанотехнологий и оптоволоконной техники и то, где именно оно было совершено.

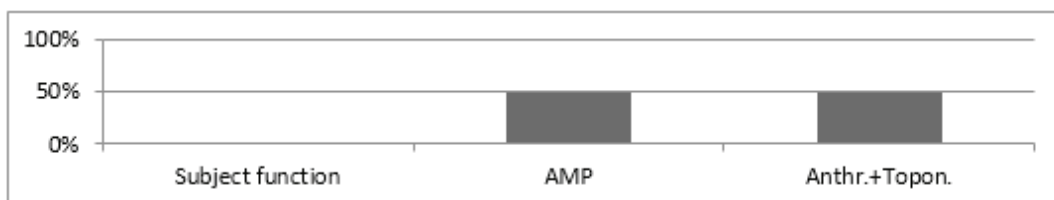

Рис. 4. Частотность выполнения топонимами синтаксических функций

6) благодаря топонимам обеспечивается отсылка к ранее написанным работам других ученых, не являющихся авторами статьи, предоставляется информация об организациях и институтах, занимающихся теми же проблемами,

что сам автор и читатель статьи, что позволяет последнему в случае необходимости обратиться непосредственно в эти научных заведения.

Литература:

1. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. — 1978. — № 8. — С. 422–449.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1982. — С. 281–307.
3. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1982. — 467 с.
4. Карасик В. И. Типы вторичных текстов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Тезисы докладов научной конференции. — Волгоград: Перемена, 1997. — С. 69–70.
5. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. — СПб.: РХГИ, 1998. — 408 с.
6. Леонович О. А. В мире английских имен: учеб. пособие по лексикологии. — 2-е изд., испр. и доп.. — М.: Изд-во АСТ, 2002. — 160 с.
7. Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1999. — 205 с.
8. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — 172 с.
9. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода. — Пермь: ПГТУ, 2005. — 203 с.
10. Новиков А. И., Сунцова Н. Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. — 1999. — № 3. — С. 158–166.
11. Пешкова Н. П. О содержании и смысле текста в связи с проблемами его понимания и перевода // Теория и практика перевода и проф. подготовки переводчиков. — Пермь: ПГТУ, 2005. — С. 35–37.
12. Суперанская А. В. Что такое топонимика? — М.: Наука, 1984. — 182 с.
13. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 37–113.
14. Arayachukiat S., Seemork J., Pan-In P., Amornwachirabodee K., Sangphech N., Sansureerungsikul T., Sathornsantikun K., Vilaivan C., Shiqyou K., Pienpinijtham P., Vilaivan T., Palaga T., Banlunara W., Hamada T., Wan ichwecharungruang S. Bringing macromolecules into cells and evading endosomes by oxidized carbon nanoparticles // Nano Letters. — 2015. — № 15. — PP. 3370–3376.
15. Ballato J., Hawkins J., Foy P., Yangzan-Koknoz B., McMillen C., Burka L., Morris S., Sloten R., Rice R. Advancements in semiconductor core optical fiber // Optical Fiber Technology. — 2000. — № 16. — PP. 399–408.
16. Beafils J.-M. How do submarine networks wed the world? // Optical Fiber Technology. — 2000. — № 6. — PP. 15–32.
17. Gafsi R., El-Sherif M. A. Analysis of induced-birefringe effects on fiber Bragg gratings // Optical Fiber Technology. — 2000. — № 6. — PP. 299–323.
18. Hirooka T., Wabnitz S. Nonlinear gain control of dispersion-managed soliton amplitude and collisions // Optical Fiber Technology. — 2000. — № 6. — PP. 109–121.
19. Kristeva J. Word, Dialogue and Novel // In The Kristeva Reader. Ed. Toril Moi. — Oxford: Blackwell, 1986. — PP. 34–61.
20. Li Y., Qian L., Lu D., Fan D., Wen S.. Coherent and incoherent combining of fiber array with hexagonal ring distribution // Optical Fiber Technology. — 2009. — № 15. — PP. 226–232.
21. Mitschke F. Fiber Optics. Physics and Technology. — Germany: Springer, 2009. — 301 p.
22. Plesa C., Ruitenbergh J. W., Witteveen M. J., Dekker C. Detection of individual proteins bound along DNA using solid-state nanopores // Nano Letters. — 2015. — № 15. — PP. 3153–3158.
23. Sadhu J., Tian H., Ma J., Azeredo B., Kim J., Balasundaram K., Zhang Ch., Li X., Ferreira P. M, S. Sinha. Quenched phonon drag in silicon nanowires reveals significant effect in the bulk at room temperature // Nano Letters. — 2015. — № 15. — PP. 3159–3165.
24. Wei H., Sun H., Zhang H., Gao C., Yang B. An effective method to prepare polymer/nanocrystal composites with tunable emission over the whole visible light range // Nano Research. — 2010. — № 3. — PP. 469–505.

Methods of the test and its influence on teaching

Mavlonova Mavluda Davurovna
Tashkent University of information technologies

Uzbekistan is making its entry into the international arena. After its independence, the republic of Uzbekistan was faced with the necessity of creating national educational sys-

tem with new realities that meets world standards and government coped with this task. Several decrees and laws are adopted by our government. Particularly, our first Presi-

dent I. A. Karimov had told important and actual decisions about education system and its development in his books and speeches. He had mentioned many times that our young generation must be more educated, stronger, and happier than ancestors. He supported the education of talented youth abroad which provides an opportunity through a grant to receive a Master degree in different fields of specialization at the most prestigious universities of Great Britain, Germany, and France. President I. A. Karimov resolved to improve foreign language learning system. On December 10, 2012 he signed a new decree "On measures to further improvement foreign language learning system". Today Uzbekistan is going to begin teaching foreign languages with new teaching approaches which can meet CEFR. According to new methods teaching English is becoming funny, practical and interesting, full of different interactive methods which can let students be active, communicative, and creative during classes.

There are various methods of tests in teaching language and each of them has its influence on teaching. In relation to testing grammar and vocabulary and the four language skills, there are two major categories of techniques plays an essential role on teaching. They are productive techniques that require productive language use and receptive techniques which merely require recognition. Testing grammar focuses on testing tangible aspects of language knowledge: grammar and vocabulary. Why? Because it is relatively easy to show learners that they are making progress. However, by concentrating on these areas exclusively, at the expense of ignoring the assessment of the four major language skills, teachers may be sending a wrong message to their learners. They may think that performing well on tests of grammar and vocabulary equals overall progress in learning language. Testing grammar can be either on sentence-level or in text-based format. On sentence level we can include: multiple-choice (articles/pronouns/modals), "spot-the-mistake" and underline it, "spot-the-mistake", underline and correct it, sentence transformation, gap-filling with key word given, gap-filling without cue word given, gap-filling with picture prompts, labeling pictures showing action, making sentences based on word prompts and others. On text-based format we can include techniques such as:

- Multiple-choice
- modified cloze with cue words given after gap
- modified cloze without cue words given
- banked cloze (gapped text with a box containing prompts and distracters).

Testing communicative grammar tasks should be productive rather than receptive ones, and should be meaning-dependent as well as sufficiently contextualized. That is, learners should be able to approach the test task as a communicative one. For this reason, the use of grammatical terms should preferably be avoided in the instructions. Testing vocabulary can be on sentence-level or in text-based format. It is recommended to use recognition techniques for assessing passive vocabulary, and productive methods for testing active vocab-

ulary. In communicative testing, vocabulary should be tested through meaningful and contextualized tasks. Vocabulary can also be tested interactively in listening, reading and speaking tests. There are several ways of vocabulary testing techniques:

We can identify macro- and micro skills for both reading and listening. (Reading: skimming, scanning, using context to guess meaning of unfamiliar words, understanding relations between parts of text by recognizing indicators in discourse, Listening: listening for gist, for specific info, recognizing stylistic characteristics, recognizing the relationship between speakers, inferring meaning from context, etc) These are important to specify, as our purpose of testing reading and listening ability at different levels and in different genres may require the use of different sub skills. There are given testing techniques for testing reading and listening skills:

1. multiple-choice questions
2. short-answer questions
3. information-transfer (transferring specific information from text to a table)
4. true/false statements

Before testing speaking first of all let's identify a question Why do oral tests? Oral communication is more common than written. Learners usually recite a text learnt by heart. But in communicative testing, learners' ability to communicate cannot base on their performance that derives from rote-learning. In oral testing, learners should demonstrate ability to perform a variety of language functions in a number of realistic conversational settings. Such a performance characterized by extemporization or unplanned, and spontaneity as well as creativity. For assessing learners' speaking ability we can give several activity types:

- Interviews (between T-S as well as S-S)
- Role-plays
- Story-telling
- Descriptions of newspaper articles/pictures/books, etc.
- Discussions (real/simulated)

Communicative assessment of learners' writing skills should be based on the view that learners be able to perform real-world writing tasks which are interactive and purposive and in which they write texts to specific readers. A communicative writing task should specify the following:

- Intended audience
- Purpose for which the text is written
- Topic about which the text is written
- Relationship between writer and reader

These factors influence to genre, style and register of the piece of writing. Writing tasks can be informal and formal letters, filling in forms, postcards, messages, articles for magazines, applications, autobiographies or CVs, letters to magazines and etc.,

Advantages and disadvantages of testing students' knowledge.

Different scholars, Alderson, Heaton, Underhill, in their researches ask the similar question — why test, do the teachers really need them and for what purpose. Further, they all agree

that test is not the teacher's desire to catch the students unprepared with what they are not acquainted; it is also not the motivating factor for the students to study. In fact, the test is a request for information and possibility to learn what the teachers did not know about their students before. We can add here that the test is important for the students, too. The test is supposed to display not only the students' weak points, but also their strong sides. It could act as an indicator of progress the student is gradually making learning the language. Moreover, we can cite the idea of Hughes who emphasizes that we can check the progress, general or specific knowledge of the students, etc. This claim will directly lead us to the statement that for each of these purposes there is a special type of testing. Tests are commonly used in association with cognitive goals, to review students' achievement with respect to a common body of knowledge associated with a discipline or practice. There are several reasons for testing. Tests may be used as a means to:

1. give the teacher information about where the students are at the moment, to help decide what to teach next;
2. give the students information about what they know, so that they also have an awareness of what they need to learn or review;
3. assess for some purpose external to current teaching (a final grade for the course, selection);
4. motivate students to learn or review specific material;
5. get a noisy class to keep quite and concentrate;
6. provide a clear indication that the class has reached a "station" in learning such as the end of a unit, thus contributing to a sense of structure in the course as a whole;
7. give students tasks which themselves may actually provide useful review or practice, as well as testing;
8. provide students with a sense of achievement and progress in their learning.

Every test should be reliable as well as valid. Both notions are very crucial elements of testing.

When students take a test, ideally they will receive information (feedback) about their competence, based on their performance. That feedback should "wash back" to them in the form of useful diagnoses of strengths and weaknesses. Washback also includes the effects of an assessment on teaching and learning prior to the assessment itself. If in our language teaching we can attend to these principles in evaluating or adapting existing procedures, or in designing new ones on our own, then we are well on the way to making accurate judgments about the competence of the learner. There are several elicitation techniques of a test and we want to introduce some of them as it is important in planning or designing the tests. They are:

1. Questions and answers. What is the (family) relationship between David Copperfield and Mr Murdstone? These can be used to test almost anything. The more "closed" the question is the easier the item will be to mark.
2. True/false. A statement is given which is to be marked true or false. This may also be given as a question, in which case the answer is yes or no.

Addis Ababa is the capital of Egypt? Is Addis Ababa the capital of Egypt? It may be used to test aspects of language such as vocabulary, grammar, content of a reading or listening passage. It is fairly easy to design and administer whether orally or in writing, and to mark.

3. Multiple-choice. The question consists of a stem and a number of options (usually four), from which the testee has to select the right one. A person who writes books is called

a) a booker. b) an editor. c) an author. d) a publisher. This may be used for the same testing purposes as true/false items; it is obviously very easy to mark. It is administered more conveniently through writing.

4. Gap-filling and completion. The testee has to complete a sentence by filling a gap or adding something. A gap may or may not be signaled by a blank or dash; the word to be inserted may or may not be given or hinted at.

They (go) to Australia in 1980. Or They _____ Australia in 1980. (go) Or A _____ is someone who writes books. Or I have seen that film. (never)

5. Matching. The testee is faced with two groups of words, phrases or sentences; each item in the first group has to be linked to a different item in the second. Large small

Unhappy many

A lot big

Little sad

This usually tests vocabulary. Items can be time-consuming and difficult to compose, and answers are fairly easily checked.

6. Dictation. It usually tests spelling, perhaps punctuation and listening comprehension: people can only usually write words down accurately from dictation if they understand them. It may supply some information on testees' passive knowledge of pronunciation, grammar and vocabulary. It is very easy to administer and simple to mark.

7. Cloze. Words are omitted from a passage at regular intervals (for example, every seventh word). Usually the first two or three lines are given with no gaps.

The family is all fine, though Leo had a bad bout of flu last week. He spent most of it lying on the sofa watching _____ when he wasn't sleeping!

His exams _____ in two weeks, so he is _____ about missing school, but has managed to _____ quite a lot in spite of _____ feeling ill.

It tests intensive reading, spelling, and to some extent knowledge of vocabulary and grammar. It is easy to prepare and administer.

8. Transformation. A sentence is given and the testee has to change it according to some given instruction.

Put into the past tense:

I go to school by bus.

This item is relatively easy to design, administer and mark, but its validity may be suspect. It tests the ability of the testee to transform grammatical structures, which is not

the same as testing grammar: a testee may perform well on transformation items without knowing the meaning of the target structure or how to use it in context. Marking is fairly straightforward.

9. Rewriting. A sentence is given so the testee rewrites it, incorporating a given change of expression, but preserving the basic meaning.

He came to the meeting in spite of his illness. Although...

It involves paraphrasing the entire meaning of a sentence rather than transforming a particular item. It is, however difficult to compose.

10. Translation. The testee is asked to translate expressions, sentences or entire passages to or from the target language. Marking may sometimes be more difficult, but not prohibitively so.

11. Monologue. The testee is given a topic or question and asked to speak about it for a minute or two. It tests oral fluency and overall knowledge of pronunciation, grammar and vocabulary. To choose a topic is not so difficult but to assess it is very difficult. rners with whom we are working. First of all we should state the fact that the role of tests is very useful and important, especially in English language teaching, for they indicates how much the teachers have taught during a course, as well as display the strength and weaknesses of the teaching process and help the teacher improve it. The tests can facilitate the students' acquisition process and function as a tool to increase their motivation. However, too much of testing could be disastrous changing entirely the students' attitude towards learning the language, especially if the results are usually dissatisfying.

References:

1. Alderson, J. C, and Banerjee, J. "Language testing and assessment" (Part I). Longman 2001.
2. Alderson, J. C, Clapham, C. and Will, D. (1995) "Language Test Construction and Evaluation", Cambridge University Press.
3. A. P. R. Howatt with H. G. Widdowson "A History of English Language Teaching" Second Edition, Oxford, UK: Oxford University. 2004

Специфика героической тематики в чувашском фольклоре

Маломожнова Екатерина Сергеевна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Героический эпос в классическом виде, в каком мы привыкли его понимать, в чувашском фольклоре отсутствует. Однако было бы неверно говорить об отсутствии героической тематики в фольклоре чувашей вообще. Она разрабатывалась одновременно в разных жанрах: в мифе, легендах об улыпах, в исторических преданиях и песнях, а наиболее выражена в сказках о паттырах-богатырях (рис. 1). Мысль эта не нова, но для чувашской фольклористики она столь актуальна, что требует если не доказательства, то обязательного индуктивного изложения и теоретического осмысления.

Можно считать общепризнанным, что сказки о богатырях относятся к числу эпических текстов. Нет только единого терминологического выражения для этого жанра [1]. Действительно, трудно на каждый конкретный случай применить терминологию, принятую для иноэтнического материала. Чувашские тексты подобного типа сами сказители именуют *паттерсем синчен*, *хывна халапсем*, что буквально переводится «халапы, сложенные о паттырах». Все чаще в последние десятилетия употребляется обобщенный термин «юмах». Термины «сказки о героях» или же «о баторах», «о богатырях», «волшебнo-героические», «героические сказки» были бы здесь неуместны:

ведь из уст чувашских сказителей нельзя услышать слова «батыр», «герой», «волшебнo-героические сказки». Они знают паттар'ов и о них рассказывают. Это одна сторона вопроса. Но такой народный термин из нескольких слов слишком неудобен, да и понятен он только данному этносу. Учитывая эту ситуацию и стремясь как-то унифицировать терминологию, предложено называть чувашские сказки о богатырях — «сказки о паттырах», что и практически, и теоретически обоснованно. Ведь терминологически такие словосочетания воспринимаются, как «башкирские сказки о батырах», «нартские сказки в прозе», «эвенкийские эпико-героические сказки нимнгакан», «нанайские нингман», «русские волшебнo-героические сказки», «бурятские сказки о мэргенах и баторах» и т.д. Каждое из них несет в себе указание на национальную специфику, хотя типологически все они соотносимы.

Эпические сюжеты чувашских сказок представляют цепь мотивов, из которых складывается биография паттыра. Практика разбора сюжетобразующих эпических мотивов позволяет преимущественно выделить следующие блоки: чудесное происхождение, детство, обретение лошади, обретение богатырского оружия, уход из дома, получение богатырской силы, имени богатырского, обре-

тение покровителей (обладающих магическими способностями), спутников, странствие на тот свет, возникновение эпического конфликта, выбор локуса поединка, поединок с эпическим врагом, одоление препятствий, возвращение с того света, доказательство своей подлинности, женитьба (всего 17). Исследование проблем этнографических связей перечисленных мотивов и сюжетов в целом приводит порой к неожиданным, но в историко-типологическом плане объяснимым выводам.

Рис. 1. Атӑл Патӑр — сказочный персонаж чувашского фольклора

Была предпринята попытка составления рабочей таблицы эпических мотивов. К разбору привлечено 108 текстов с диапазоном их фиксации более ста лет. Составлен рабочий список мотивов, которые в свою очередь образуют блоки.

Анализ корреляций мотивов и блоков позволяет делать вывод о наличии у них обусловленных связей. Так, герои сказок, включающих мотивы чудесного зачатия от съедобной рыбы, золотого голубя, от отвара лесной травы, от мысли иметь сына, от капли крови и слез, выпитых с водой, в следующем блоке «Богатырское детство» могут быть выражены мотивами быстрого роста, проявления физической силы, рассуждения по-взрослому, но ни в коем случае сказка, имеющая мотив происхождения героя от чудесного зачатия, в блоке «Богатырское детство» не имеет мотива проявления богатырского аппетита. Мотивы «Чудесного превращения», имеющие варианты — происхождение из теста, посоха, осины, коры дуба *киремет*, заквашенной в тесте, глины, камыша, в следующем блоке порождают мотивы: герой может быстро расти, проявлять физическую силу, рассуждать по-взрослому, а также проявить богатырский аппетит. Конечно, каждый конкретный

текст передает эти комбинации в своем варианте. Примеры, как и сами тексты, можно иллюстрировать бесконечно. Так, если в блоке мотивов «Богатырское детство» малыш избивает сверстников, то в блоке мотивов «Обретение богатырской лошади» правомерно ожидать развитие трех вариантов развития сюжета сказки: 1) юноша воспитывается у лесного старика, который завещает похоронить себя таким образом: голову под одну березу, туловище — под другую, ноги — под третью, затем в этих местах появляются лошадь из-под земли, сокол и гончая собака; 2) лесная старуха за спасение от беды дарит лошадь, оставшуюся от мужа; 3) жеребенок выбирается наложением ладони; 4) два брата идут в один дом по совету седобородого старика, там за первой дверью висят узды, а за второй стоят лошади и т.д. В то же время малыш, проявляющий физическую силу, в блоке мотивов «Обретение богатырской лошади» не может фигурировать в следующих вариантах мотивов: 1) конь и паттыр рождены одновременно; 2) юноша в пути у одного человека покупает жеребенка; 3) юноша меняет отцовского коня, не выдержавшего его верхом, на клячу старика, затем девушки из медного и серебряного домов дают юноше взамен его лошади своих пятикрылую и семикрылую лошадей; на последней можно перелететь через высокие ограды волшебного сада к девушке в золотом доме; 4) жеребенок сам идет в узду и т.д.

Таким образом, имея так называемые «неполные» и «неправильные» реальные тексты, можно получить предполагаемый полный текст. Для этого необходимо вывести формулы из имеющихся текстов. Конечно, каждая новая запись или архивная находка могут внести какие-то определенные коррективы. Ценность методологии индуктивной реконструкции текстов на уровне мотивов и блоков мотивов, а также сюжетов в целом заключается в том, что подобные таблицы можно построить на материале сказок любого народа. Прежде всего предстоит обработать множество текстов, разобрать их и собрать в систему мотивов, блоков, сюжетов, скоординировать по горизонтали и по вертикали. Все это остается как черновая рабочая картотека. При этом следует соблюдать высокую точность в обозначении мотивов, каждая ошибка в их классификации способна спутать всю схему в целом. Здесь прежде всего необходимо разработать единый для всех случаев принцип, о чем писал В. Я. Пропп в статье о классификации жанров [4].

Такая работа имеет практическое значение при составлении указателей сказочных сюжетов. Известные существенные недостатки в указателях, думается, повторяются от издания к изданию потому, что в них игнорируются как раз как реальные, так и вероятностные сцепления мотивов в их последовательности и обусловленности. С этой точки зрения следует приветствовать разработки С. А. Гуллакян мотивного состава армянских волшебных сказок [2].

В текстах на один и тот же сюжет трудно отыскать каноническое повторение какого-нибудь отдельно взятого мотива. Даже конкретный эпизод в мотиве каждый вариант передает иначе. К примеру, эпизод обретения сабли

знает множество вариантов: добыча, кража, получение, изготовление. В то же время случаи полного совпадения данного мотива составляют, можно сказать, исключение. Иначе и не может быть, так как совершенно точная передача мотивов в каждом тексте, даже если они на один сюжет, губительно действовала бы на жизнь сказки. Естественно, что общая структура сюжета при этом не должна страдать. И в этих условиях настоящий мастер может передать мотивы каждый раз по-новому. Если сказитель в каждом случае будет излагать наборы копий мотивов, то он быстро потеряет популярность, а этого настоящий сказочник никогда не допустит. Конечно, нельзя отрицать роль традиции в сказительстве. Но потому и поражают слушателей такие сюжеты, где хотя бы один мотив излагается по-новому.

Известные варианты даже по объему текста различны. Это объясняется разными причинами. Одна из них — способ фиксации и степень полноты данных. Так, сказка «Месть» от одного и того же сказителя записывалась три раза через каждые шесть лет. В 1971 г. сам сказитель (К. А. Афанасьев) прислал запись в архив Чувашского научно-исследовательского института; в 1977 г. эта сказка была записана учительницей сельской школы З. П. Петровой; затем в 1983 г. А. К. Салминым была сделана запись на магнитофоне. К великому сожалению, эта запись оказалась первой и последней фиксацией живого голоса талантливого сказителя. Объемы трех записей одного и того же текста составляют соответственно 14, 8, 18 машинописных

листов. Иначе говоря, запись самим сказителем выгодно отличалась от записи собирателя, а запись на магнитофоне оказалась полнее записи самого сказителя. Тексты с большим объемом, естественно, несут большую информацию. Однако при этом все они представляют для исследователя несомненную ценность как равнозначные варианты.

Записывающий сказку так или иначе изменяет ее текст. Как правило, от записи на бумаге страдает весь корпус текста. Помимо опущения всяких нюансов и подробностей, записывающий со своей стороны тезисно запечатлевает содержание, иногда даже излагает своими словами, не говоря уже о тех примерах, когда чрезмерно краткое содержание запечатлевается на бумаге не на языке оригинала. Так случилось с чувашской сказкой «Иван-царь» [5]. Вот некоторые выдержки: «Тут есть подробности, разговоры с матерью»; или: «Потом таким же образом он спас и среднюю, за которой приходил змий с шестью головами, и старшую, за которой приходил змий с девятью головами; так же пиروвали. Молоток будить себя на первый раз он брал пудовый, затем двухпудовый и трехпудовый». Устный вариант всегда значительно полнее.

Поэтому при реконструкции текста, как вербального, так и невербального, в том числе и чувашского эпического текста, всегда необходимо учитывать все имеющиеся варианты или по крайней мере к этому надо стремиться, ибо при существовании неполных вариантов текст не совпадает с инвариантом [3].

Литература:

1. Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962;
2. Гуллакян С. А. Мотивный состав армянских волшебных сказок (опыт количественного анализа корпуса текстов) // Автореф. дис. докт. филол. наук. Тбилиси, 1985;
3. Левинтон Г. А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М., 1975;
4. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976;
5. Сказка «Иван-царь», записанная в 1911 г. учеником Мариинско-Посадского 4-классного городского училища Кириллом Родновым (Научный архив Чувашского НИИ, отд. 1, № 210).

Product — based communicative language teaching approaches

Musayeva Fariza Maksutovna

Tashkent University of information technologies

Мусаева Фариза Максutowна, ассистент

Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

These days demand for communicative language teaching is relatively very high. This increased demand put pressure on educators to change their teaching methods. In this article, we will examine two approaches, which focus more on the outcomes or products of learning as the starting point in course design than on classroom processes. They start by identifying

the kinds of uses of language the learner is expected to be able to master at the end of a given period of instruction. Teaching strategies are then selected to help achieve these goals.

Text-Based Instruction.

Text-based instruction, also known as a genre-based approach, sees communicative competence as involving the

mastery of different types of texts. Text here is used in a special sense to refer to structured sequences of language that are used in specific contexts in specific ways. For example, in the course of a day, a speaker of English may use spoken English in many different ways, including the following:

- Casual conversational exchange with a friend
- Conversational exchange with a stranger in an elevator
- Telephone call to arrange an appointment at a hair salon
- An account to friends of an unusual experience
- Discussion of a personal problem with a friend to seek advice.

Each of these uses of language can be regarded as a text in that it exists as a unified whole with a beginning, middle, and end, it conforms to norms of organization and content, and it draws on appropriate grammar and vocabulary. Communicative competence thus involves being able to use different kinds of spoken and written texts in the specific contexts of their use.

Providing students with guided practice as they develop language skills for meaningful communication through whole texts. According to this view, learners in different contexts have to master the use of the text types occurring most frequently in specific contexts. These contexts might include: studying in an English-medium university, studying in an English-medium primary or secondary school, working in a restaurant, office, or store, socializing with neighbors in a housing complex.

Contents of a Text-Based Syllabus.

As its name implies, the core units of planning in TBI are text types. These are identified through needs analysis and through the analysis of language as it is used in different settings (text-based teaching thus has much in common with an ESP approach to language teaching, discussed above). However the syllabus also usually specifies other components of texts, such as grammar, vocabulary, topics, and functions; hence, it is a type of mixed syllabus, one which integrates reading, writing, and oral communication, and which teaches grammar through the mastery of texts rather than in isolation.

Texts, which combine one or more of these text types, Re-counts Narratives Opinion texts Expositions Discussions. A text-based approach has been adopted in Singapore and forms the framework for the 2002 syllabus for primary and secondary schools. In the Singapore context, the text types that are identified can be understood as forming the communicative building blocks Singapore children need in order to perform in an English-medium school setting. The Singapore syllabus also identifies the grammatical items that are needed in order to master different text types.

While implementing a Text-Based Approach students:

- Are introduced to the social context of an authentic model of the text type being studied
- Explore features of the general cultural context in which the text type is used and the social purposes the text type achieves
- Explore the immediate context of situation by investigating the register of a model text which has been selected on

the basis of the course objectives and learner need. An exploration of register involves:

- a. Build knowledge of the topic of the model text and knowledge of the social activity in which the text is used, e. g., job seeking
- b. Understand the roles and relationships of the people using the text and how these are established and maintained, e. g., the relationship between a job seeker and a prospective employer
- c. Understand the channel of communication being used, e. g., using the telephone, speaking face-to-face with members of an interview panel

Context-building activities include:

- Present the context through pictures, audiovisual materials, realia
- Establish the social purpose through discussions or surveys, etc.
- Cross-cultural activities, such as comparing differences in the use of the text in two cultures
- Compare the model text with other texts of the same or a contrasting type, e. g., comparing a job interview with a complex spoken exchange involving close friends, a work colleague or a stranger in a service encounter.

After all these have been done, students will have to do independent construction of the text. Here students work independently with the text. Independent construction activities include:

Listening tasks, e. g., comprehension activities in response to live or recorded material, such as performing a task, sequencing pictures, numbering, ticking or underlining material on a worksheet, answering questions. Listening and speaking tasks, e. g., role plays, simulated or authentic dialogs. Speaking tasks, e. g., spoken presentation to class, community organization, or workplace. Reading tasks, e. g., comprehension activities in response to written material such as performing a task, sequencing pictures, numbering, ticking or underlining material on a worksheet, answering questions. Writing tasks which demand that students draft and present whole texts.

There are also some problems with implementing a Text-Based Approach.

As can be seen from the above summary, a text-based approach focuses on the products of learning rather than the processes involved. Critics have pointed out that an emphasis on individual creativity and personal expression is missing from the TBI model, which is heavily wedded to a methodology based on the study of model texts and the creation of texts based on models. Likewise, critics point out that there is a danger that the approach becomes repetitive and boring over time since approaches described above applied to the teaching of all four skills.

Competency-Based Instruction.

Competency-based instruction is an approach to the planning and delivery of courses that has been in widespread use since the 1970s. The application of its principles to language teaching is called competency-based language teaching

(CBLT) — an approach that has been widely used as the basis for the design of work-related and survival-oriented language teaching programs for adults. It seeks to teach students the basic skills they need in order to prepare them for situations they commonly encounter in everyday life. Recently, competency-based frameworks have become adopted in many countries, particularly for vocational and technical education. They are also increasingly being adopted in national language curriculum, as has happened recently in countries such as Indonesia, Thailand, and the Philippines.

What characterizes a competency-based approach is the focus on the outcomes of learning as the driving force of teaching and the curriculum. Auerbach (1986) identifies eight features involved in the implementation of CBLT programs in language teaching:

1. A focus on successful functioning in society. The goal is to enable students to become autonomous individuals capable of coping with the demands of the world.

2. A focus on life skills. Rather than teaching language in isolation, CBLT teaches language as a function of communication about concrete tasks. Students are taught just those language forms/skills required by the situations in which they will function. These forms are normally determined by needs analysis.

3. Task- or performance-oriented instruction. What counts is what students can do as a result of instruction. The emphasis is on overt behaviors rather than on knowledge or the ability to talk about language and skills.

4. Modularized instruction. Language learning is broken down into meaningful chunks. Objectives are broken into narrowly focused sub objectives so that both teachers and students can get a clear sense of progress.

5. Outcomes are made explicit. Outcomes are public knowledge, known and agreed upon by both learner and teacher. They are specified in terms of behavioral objectives so that students know what behaviors are expected of them.

6. Continuous and ongoing assessment. Students are pre-tested to determine what skills they lack and post-tested after instruction on that skill. If they do not achieve the desired level of mastery, they continue to work on the objective and are retested.

7. Demonstrated mastery of performance objectives. Rather than the traditional paper-and-pencil tests, assessment is based on the ability to demonstrate prespecified behaviors.

8. Individualized, student-centered instruction. In content, level, and pace, objectives are defined in terms of individual needs; prior learning and achievement are taken into ac-

count in developing curricula. Instruction is not time-based; students' progress at their own rates and concentrate on just those areas in which they lack competence.

There are two things to note about competency-based instruction. First, it seeks to build more accountability into education by describing what a course of instruction seeks to accomplish. Secondly, it shifts attention away from methodology or classroom processes, to learning outcomes. In a sense, one can say that with this approach it doesn't matter what methodology is employed as long as it delivers the learning outcomes.

Implementing a Competency-Based Approach.

As we saw above, CBLT is often used in programs that focus on learners with very specific language needs. In such cases, rather than seeking to teach general English, the focus is on the specific language skills needed to function in a specific context. This is similar to an ESP approach and to some versions of a task-based approach. The starting point in course planning is therefore an identification of the tasks the learner will need to carry out within a specific setting (e. g., in the role of factory worker, restaurant employee, or nurse) and the language demands of those tasks. The competencies needed for successful task performance are then identified and used as the basis for course planning. For example, part of a specification of competencies for a job training course includes the following:

The student will be able to:

- Identify different kinds of jobs using simple help-wanted ads
- Describe personal work experience and skills
- Demonstrate ability to fill out a simple job application with assistance
- Produce required forms of identification for employment
- Identify Social Security, income tax deductions, and tax forms
- Demonstrate understanding of employment expectations, rules, regulations, and safety
- Demonstrate understanding of basic instructions and ask for clarification on the job
- Demonstrate appropriate treatment of co-workers (politeness and respect).

Critics of CBLT have argued that this approach looks easier and neater than it is. They point out that analyzing situations into tasks and underlying competencies is not always feasible or possible, and that often little more than intuition is involved. They also suggest that this is a reductionist approach. Language learning is reduced to a set of lists and such things as thinking skills are ignored.

А. Навои и А. Арипов — две жемчужины узбекской поэзии

Суннатуллаев Озод Суннатович, преподаватель;

Ибрагимова Дилдора Дусткуловна, преподаватель

Академический лицей № 2 при Джизакском государственном педагогическом институте имени А. Кадыри (Узбекистан)

Добро, красота, любовь, справедливость — были вечными темами, традицией в устном народном творчестве и до сих пор воспеваются поэтами, отражаются в произведениях писателей. Когда речь заходит о традиции, то сразу перед нами предстают великие творения наших великих предков, их назидательный труд для нас, для нынешнего поколения, всегда будет являться традицией, школой наидания и поучения. Обращение великих представителей искусства к традициям — это естественно и неизбежно. Так как это помогает сопоставлять два события, распознавать их новые, неизвестные грани, даёт возможность увидеть нераскрытые до сих пор стороны явлений. То есть они друг другу как бы бросают искорки, которые отражаются как лучи.

Алишер Навои и Абдулла Арипов! Услышав эти имена, перед нами воплощаются несравненные обладатели литературного таланта. Навои и Арипов не являются современниками. Их разделяют несколько столетий, тысячи неизмеримых расстояний и совершенно разная среда, окружение, общество. Но есть такое, своего рода «поле», которое их объединяет. Это, несомненно, гармония в творчестве, национальность, родина, любовь, справедливость и добродетель. В газелях А. Навои показывает любовь к народу, любовь к национальным традициям. Он возвеличивает тюркский быт, традиции и обычаи, тюркский язык, тюркскую мелодию и песни. Такие строчки созвучны со стихами нашего современника А. Арипова.

В стихотворениях воспеваются присущие нашему народу гостеприимство, добродушие. Значит, то, что начато нашими великими предками, то продолжают претворять в жизнь наше поколение, наши поэты-современники.

Каждый творец на протяжении целой литературной, социальной, политической деятельности живёт и работает ради интересов человека и народа, темой для раскрытия ставит самые насущные проблемы жизни, проблемы современности, почитает гуманизм. Значит, творец всё своё творчество посвящает интересам народа, и тем самым несомненно будет являться народным служителем, народным певцом.

Надо отметить, что народное творчество занимает главенствующее место в литературе. Потому, что настоящая литература и искусство заложено в самом сердце, в самых глубинах души народа. Также и Навои вместе с тем, что он умело использовал произведения устного народного творчества, и призывал поэтов, творителей обращаться к оригиналу и жемчужине литературы, чем и является устное народное творчество. Также и А. Арипов стремился в своём творчестве насыщать, пропитывать свои произведения этим неиссякаемым источником.

Навои возвеличил наш язык, он твердил, что возможности выражения мысли, слов безграничны: «Те, кто предпочитают творить на тюркском языке и думают, что это легко — сильно ошибаются. Правда в том, что тюркский язык являясь для них родным, им на нём писать нетрудно. Этот язык им знаком с детства, всё его богатство и преимущество для них открыты. Точно такого мнения был и Арипов.

Обретение независимости позволило создать чудеса литературного творчества, шире изучить творческий опыт классической и современной литературы.

«Поэзия периода независимости: анализ и интерпретация (газета УзАС, 2005 год 27 апреля, № 17) глубоко проникнута религиозно-нравственными идеями, обращена к священному Корану. Примером могут являться произведения: А. Арипова «Хаж дафтари» («Записки во время хаджа»), Сирожицина Сайида «Кирк хадис» («Сорок хадисов»), Шукура Курбана «Унутмадим адолат расмин» («Не забыть мне справедливости законы»), Тахира Каххара «Мухаммад билан сухбат» («Беседа с Мухаммедом»).

Состоящая из пятидесяти хадисов «Заметки о хадже» А. Арипова достойны особого внимания. В этом произведении А. Арипов продолжил идеи, философско-нравственные взгляды А. Навои «Арбаин хадис».

Это явилось главным направлением в концепции полноценного человека, в них проявляется совокупность философско-эстетических идей. «Когда я находился возле Каабатуллох — священном жилище Аллаха, бодрствуя провёл ночь, повторяя имя Аллаха, читая молитвы в честь Аллаха, я написал несколько байтов. Строчки сами по себе лились рекой». Все по собственной воле должны совершать хадж, достичь этого — не просто так, это путь к познания истины. Очищение души человека, повышение его духовной нравственности является приоритетными особенностями, ведущими общество к нравственному совершенству.

Жизнь и творчество выдающегося узбекского поэта Абдуллы Арипова, которого полноправно можем назвать вторым «Навои» соавременной узбекской литературы., имя его навечно останется в памяти его почитателей.

Автор пламенных строк, любимый сын своего народа, народный поэт, заслуживший почёт и внимание узбекского народа, государственный и общественный деятель, Герой Узбекистана, автор текста государственного гимна Республики Узбекистан, наставник Абдулла Арипов после тяжёлой болезни в возрасте 75 лет 5 ноября 2016 года покинул этот мир навсегда. Прослеживая весь жизненный и творческий путь, мы убеждаемся, что он прожил долгую, содержательную и плодотворную жизнь.

Время его рождения совпадает с началом Великой Отечественной войны. А. Арипов родился 21 марта 1941 года в селе Некуз Касанского района Кашкадарьинской области. Село, где он родился находилось в просторной долине, но здесь не было проточной воды, а природа оживала после сезонных дождей. Отец его Орифбой Убайдуллаевич был знатоком земледелия, занимал должность председателя колхоза. Мать Турдихол момо, как и все узбекские женщины, была очень трудолюбивой, добродушной и заботливой. В семье было четверо сыновей и четыре дочери, а наш любимый поэт был самым младшим. В детстве поэт, как и все остальные мальчишки села, косил траву, пас овец, полел верблюжью колючку. Он был очень впечатлительным, задумчивым, много читал, очень увлекался литературой, к литературе он относился особенно, с интересом. Впоследствии поэт так пишет, вспоминая прошлое: "... я точно не знаю, что стало поводом для написания первых моих стихотворений, но во всяком случае помню, что стало интересно и завлекательно, когда подбираю слова и рифмую их. Может, от скукоты, может от удовлетворения, но хотелось что-то писать. Мысли нет, но не писать тоже нельзя». Вот в таком настрое Абдулла начал учёбу в семилетней школе. В 1958 году окончил среднюю школу в ауле Тайзан с золотой медалью, поступил в Ташкентский государственный университет (сейчас — Национальный университет) на отделение журналистики факультета узбекской филологии в 1983 году закончил университет с красным дипломом. Окончив учёбу, он поступает на работу корреспондентом в редакцию «Ёш гвардия» («Молодая гвардия»). Проработав здесь четыре года, он в 1967—1974 гг. сначала работает корреспондентом, а затем старшим корреспондентом в редакции имени Гафура Гуляма. В 1974—1976 гг. он управляет отделом прозы в журнале «Шарк юлдузи» («Звезда Востока»). Своими пламенными, чувственными, проникающими в душу стихами он занял особое место в сердцах своих читателей. В 1976—1982 гг. он начал работать литературным советником в Союзе писателей Узбекистана, помогал тем, кто только начинал свой творческий путь в поэзию. В 1983 году стал редактором журнала «Гулхан», а в 1985 году был назначен секретарём Союза писателей Узбекистана. В 1988 году переведён на должность председателя защиты авторских прав Республики Узбекистан. Его творчество и труд были высоко оценены и в 1983 году он дважды был удостоен наград: государственной премии имени Хамзы, а чуть позже — ему было присвоено звание «Народный поэт Узбекистана». В 1994 году награждён государственной премией имени Алишера Навои. В 1998 году — наградой «Герой Узбе-

кистана». Кроме этого, Абдулла Арипов — автор слов гимна Республики Узбекистан. Когда напечатали его первое стихотворение «Кушча» («Птичка»), он был ещё студентом. После в 1965 году был опубликован его сборник стихотворений «Митти юлдуз» («Маленькая звёздочка»). Позже были опубликованы его книги «Кузларим йулингда» («В ожидании тебя»), «Онажон» («Милая мама»), «Рухим» («Дух мой»), «Узбекистан», «Юртим жамоли» («Краса моей страны»), «Жаннатга йул» («Дорога в рай»), «Хаким ва аёл» («Судья и женщина»), «Нажот калъаси» («Крепость спасения»), «Йиллар армони». Абдулла Арипов внёс неоценимый вклад в литературу: он перевёл произведения-шедевры мировой литературы на узбекский язык. Это «Божественная комедия» Данте (часть «Ад»), произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Л. Украинки, Р. Гамзатова, К. Куйлиева.

В его произведениях нашли яркое представление идеи милосердия и верности Родине, вера в завтрашнее будущее, новые взгляды на жизнь, простота и разнообразие. Он за время протяжения своего творения был признан своими почитателями в качестве «Навои», и в качестве государственного и общественного деятеля. Начиная с 1990 года он занимал должность председателя Верховного Совета Республики Узбекистан. Кроме этого, А. Арипов являлся полноправным членом Международной Академии наук, промышленности и искусства Калифорнии (США), профессором японского университета Соко. С 1997 года был членом Главной редакционной коллегии «Национальной энциклопедии Узбекистана».

На истоках поэзии особое место занимают самые бесценные образцы великого Навои и узбекской классической литературы. Творчество Навои — это бесподобное проявление духовной свободы человека. Владелец бесценных произведений, талантливый поэт Абдулла Арипов в своём творчестве, беря истоки с творений А. Навои, обогатил поэзию периода независимости. В данной статье мы старались показать некоторые стороны творчества уважаемого и почитаемого всеми нами, действительно народного поэта Абдуллы Арипова.

Любимый узбекским народом поэт на протяжении всего своего плодотворного творчества создал множество бессмертных произведений, занявших достойное место в мировой литературе. Надо, отметить, что А. Арипов поддерживал идеи национальной независимости.

Светлая память выдающегося, талантливого и многогранного поэта, великого сына узбекского народа навсегда останется в сердцах его почитателей, поклонников его творчества.

ФИЛОСОФИЯ

Логические нормы обоснования в научном познании

Абдрахимов Денис Марсович, студент;
 Давлетгаряева Разифа Гариповна, доцент;
 Янбердин Нурлан Рафаильевич, студент
 Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Одним из важных критериев научности знания является возможность его обоснования. Кроме верификации и фальсификации, предложенной философами позитивистского направления, существуют логические нормы обоснования [1]. В логике они рассматриваются в теме «Доказательство и опровержение» или «Логические основы теории аргументации» [2, с. 153–159]. В ней определены правила доказательства, которые делятся на три группы: правила по отношению к тезису, к аргументам и демонстрации.

1. Правила по отношению к тезису. Тезисом в теории аргументации принято называть высказывание, истинность которого доказывается. При формулировке тезиса и в работе с ним в процессе доказательства должны соблюдаться два правила: *1) тезис должен быть четко и ясно сформулирован, 2) тезис должен оставаться одним и тем же на протяжении всего доказательства или опровержения.*

Соблюдение первого требования легче контролировать тогда, когда тезис четко формулируется в самом начале доказательства. В этом случае легче ввести человека в основную проблематику, сосредоточить его внимание на главном, помочь правильно усвоить весь ход аргументации. Если доказывается сложный тезис, который выражен не одним, а несколькими суждениями, то для достижения определенности, его целесообразно разбить на простые, относительно самостоятельные части. Такой тезис легче обосновать, поскольку в нем четко выделены основные идеи [3, с. 163–165; 4, 50–51].

Второе правило, на первый взгляд, довольно простое и очевидное требование. Однако для его выполнения требуются определенные логические навыки, логическая культура. Дело в том, что в реальной жизни отступление от этой нормы встречается довольно часто. Оно связано с заблуждением или с умышленным стремлением во что бы то ни стало оказаться правым при рассмотрении того или иного вопроса. Общее название логической ошибки, связанной с нарушением данного правила, формулируется как «*подмена тезиса*». Довольно часто она допускается в результате низкой культуры мышления докладывающего. Например, выступающий может забыть

о первоначально сформулированном тезисе и в ходе рассуждений или полемики перейти к другому, косвенно связанному с исходным, но иному тезису. Затем приводятся некоторые факты, имеющие отношение уже ко второму тезису и в конечном счете мысль теряется и доказывающий начинает вспоминать, что же он хотел доказать или опровергнуть. Эту ошибку обычно называют «*потерей тезиса*». Она может быть совершена и умышленно. Это имеет место в случае, когда доказывающему невыгодно обоснование или опровержение данного тезиса и он постепенно «уводит» оппонента от него путем приведения интересных, но не имеющих отношения к тезису фактов. Оппонент может заинтересоваться этими фактами и забыть о предмете дискуссии.

2. Правила по отношению к аргументам. Их четыре:

1. Аргументы должны быть истинными суждениями. Ошибка, связанная с нарушением этого правила, называется «ложный аргумент» или «основное заблуждение». Аргументы играют роль основания доказательства. Понятно, что если часть фундамента ненадежна, то здание, стоящее на нем, может рухнуть. Так и с доказательством: если в качестве аргумента приведен несуществующий факт или событие, то это коренным образом может изменить ход доказательства

2. Аргументы должны быть обоснованными суждениями. Это означает, что аргументы должны быть доказанными утверждениями. При нарушении этой логической нормы возникает ошибка под названием «необоснованный аргумент» или «предвосхищение основания». Оно имеет место тогда, когда в качестве аргументов используются непроверенные факты или суждения, слухи, гипотезы, предположения и т. п.

3. Аргументами должны выступать суждения, истинность которых установлена независимо от тезиса. Нарушение этого правила приводит к ошибке под названием «круг в доказательстве». Она имеет место тогда, когда тезис обосновывается аргументами, а аргументы обосновываются тезисом.

4. Аргументы не должны противоречить друг другу. Эта норма прямо вытекает из законов непрото-

речия и исключенного третьего. Если при доказательстве или опровержении опираться на противоречащие друг другу высказывания, то никакого обоснования истинности или ложности тезиса мы не получим — ведь из противоречия, как писал Д. Скотт, можно вывести все что угодно.

Иногда при доказательстве или опровержении используются недозволенные методы. Это привело к появлению в логике требования дозволенности аргументов. Недопустимыми считаются аргументы, которые не имеют логической связи с тезисом, но при помощи которых создается видимость такой связи. Одним из таких доводов является «аргумент к невежеству». Это «использование в доказательстве суждений, основания истинности которых заведомо неизвестны лицу, к которому обращено доказательство» [5, с. 351]. К недопустимым относят и довод, называемый «аргумент к силе», когда вместо логического обоснования истинности (ложности) тезиса вынуждают признать его таковым, прибегая к помощи силы, административного или экономического давления.

3. Правила по отношению к демонстрации. Демонстрация есть способ связи аргументов между собой и тезисом. Поскольку всякое доказательство или опровержение строится в виде умозаключения либо цепочки связанных между собой умозаключений, то правила демонстрации, по сути, есть правила вывода, которые необходимо соблюдать в умозаключениях. В связи с этим по отношению к демонстрации существует лишь одно правило: при доказательстве и опровержении должны соблюдаться все правила умозаключений [6; 7]. Нарушение любого из правил умозаключения вызывает, как правило, ошибку под названием «не следует», которая означает, что из данного рассуждения тезис с необходимостью не следует. Поэтому нарушение правил демонстрации не означает, что тезис ложен. Он означает лишь то, что он в должной мере не обоснован [8]. Например: «Все материалисты признают единство мира. Фейербах признавал единство мира. Следовательно, Фейербах материалист». Тезис в этом доказательстве является истинным. Но он с необходимостью не вытекает из приведенных аргументов (в данном случае нарушено одно из правил фигур простого категорического силлогизма).

Иногда ошибки в доказательстве возникают из-за неправильного определения поля (области) доказывания. Нарушения правил демонстрации часто имеют форму паралогизма или софизма. Паралогизмом называют логическую ошибку, происшедшую непреднамеренно и являющуюся результатом низкой культуры мышления, поспешности вывода и т. д. Софизм же всегда носит преднамеренный характер — это умышленно ошибочное рассуждение с целью ввести кого-либо в заблуждение. Приведем пример математического софизма: $5=1$. Это можно «доказать» следующим образом. Из чисел 5 и 1 вычтем одно и то же число 3. Получим числа 2 и -2 . При возведении в квадрат этих чисел получаются равные числа 4 и 4. Следовательно, должны быть равны и исходные числа 5 и 1. Софисты используют многозначность слов естественного языка, сокращения и т. д. Нередко софизм обосновывается на таких логических ошибках, как подмена тезиса доказательства, несоблюдение правил логического вывода, принятие ложных посылок за истинные и т. п. [9].

В процессе рассуждения иногда возникают логические парадоксы. Парадокс есть рассуждение, доказывающее как истинность, так и ложность некоторого предложения, то есть доказывающее как его утверждение, так и его отрицание. Внешне парадоксы похожи на софизмы, поскольку то же приводят рассуждения к противоречиям. Главное же различие между ними, как остроумно заметил писатель Даниил Гранин, заключается в том, что софизм — это ложь, обряженная в одежды истины, а парадокс — истина в одеянии лжи. Это, конечно, образное сравнение, но оно довольно точно охватывает суть проблемы. Нередко парадоксы создаются искусственно. При этом могут использоваться индуктивные методы [10; 11]. Эти приемы довольно хорошо известны из истории мусульманского права [12; 13]. Таким образом, логическое обоснование — необходимый и наиболее сложный этап познавательного процесса. Его использование в практической деятельности предполагает глубокое знание и умение применять умозаключения, правила вывода, несоблюдение которых (осознанно или неосознанно) приводит к невозможности получить истинные знания о действительности.

Литература:

1. Рахматуллин Р.Ю. Позитивизм как первая философия науки // Вестник ВЭГУ. 2014. № 6 (74). С. 150–159.
2. Рахматуллин Р.Ю., Исаев А.А., Линкевич А.Е. Логика: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. 197 с.
3. Рахматуллин Р.Ю. Логика: экстерн-пособие. Уфа: Восточный ин-т экономики, гуманитарных наук, упр. и права. 2005. 60 с.
4. Исаев А.А., Рахматуллин Р.Ю. Основные формы мышления // Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, 2000. 55 с.
5. Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев. М.: Интерпракс, 1994. 358 с.
6. Рахматуллин Р.Ю. Об онтологических основаниях логического мышления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (47). С. 148–150.
7. Layakov E., Rakhmatullin R. Критерии научности знаний // Уральский научный вестник. 2016. Т. 11. № 2. С. 81–82.

8. Rakhmatullin R. Yu. Denial as a method of scientific knowledge // Уральский научный вестник. 2016. Т. 10. № 2. С. 160–163.
9. Семенова Э. Р. Эмпирическое и теоретическое в научном познании // Вестник научных конференций. 2015. № 2–4 (2). С. 135–136.
10. Рахматуллин Р. Ю. Особенности мусульманского права // Вестник ВЭГУ. 2016. № 5 (85). С. 101–111.
11. Искандарова А. М., Семенова Э. Р. Индуктивные методы в науке // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 62–63.
12. Рахматуллин Р. Ю. Место иджтихада в мусульманском праве // Молодой ученый. 2014. № 15. С. 330–332.
13. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 43–47.

Позитивизм как гносеологическая концепция

Багапов Радик Нариманович, студент;
 Гаитов Эльфир Рафисович, студент;
 Хаматов Алмаз Фингатович, студент

Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Позитивизм — распространенная в XIX–XX вв. философия, утверждающая, что источником научного знания являются эмпирические науки, философия же не должна претендовать на статус науки. В развитии позитивизма можно выделить три этапа: классический позитивизм, эмпириокритицизм и неопозитивизм. Объединяет их одно: как сделать науку более научной? Главной причиной появления позитивизма, на наш взгляд, является попытка решения центрального вопроса конструктивизма: «как возможно объективное знание?» [1]. Вопрос об объективности научного знания до сих пор остается важной гносеологической проблемой, которая обсуждается в современной философии [2; 3; 4; 5].

Основы классического позитивизма были заложены О. Контом, Дж. Ст. Миллем и Г. Спенсером. Наибольший вклад в разработку этого учения внес Конт. Суть своих взглядов Конт выразил в трех законах: законе трех стадий человеческого мышления, законе подчинения воображения наблюдению и энциклопедическом законе. В законе трех стадий утверждается, что человеческий разум в своей эволюции проходит три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. Для каждой из них характерны свои особенности. На теологической стадии развития люди убеждены в существовании абсолютных истин, «первых сущностей», познание которых требует обращения к Богу или другим сверхъестественным силам. На метафизической стадии развития разум отказывается от обращения к Богу, но продолжает верить в наличие абсолютного начала и первопричины, заменив Бога природой или материей. Такой тип мышления начинает господствовать в культуре Нового времени, когда наука начинает выходить на передовые рубежи в обществе. На третьей — позитивной — стадии выясняется невозможность достижения абсолютных знаний, поэтому «наш ум отныне отказывается от абсолютных ис-

следований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более широкие размеры и являющийся единственно возможным основанием доступных нам знаний», — пишет Конт [6, с. 72]. Лучшему пониманию сути позитивной стадии мышления помогает закон подчинения воображения наблюдению. Согласно ему, «всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла» [6, с. 73]. В третьем — энциклопедическом законе — Конт дает свою классификацию наук, в которой философия выступает как наука, концентрирующая в себе знание о состоянии дел в других науках. Это «экскурсовод» в мире науки, способный давать самую общую информацию о той или другой сфере научного знания [7; 8; 9; 10].

Милль считал задачей философии исследование путей развертывания научного познания от конкретных фактов до формулировки законов. Он известен в науке как создатель методов научной индукции. Г. Спенсер также рассматривал философию как науку, делом которой является объяснение природы научного знания. Однако он внес новую струю в позитивизм, известную в философии под названием «редукционизм», согласно которому, системы высшего порядка могут быть полностью объяснены при помощи языка и законов систем низшего порядка.

Вторая форма позитивизма — эмпириокритицизм. Основатели — Р. Авенариус и Э. Мах. Центральным вопросом эмпириокритицизма является проблема объективности научного знания. Основные выводы их философии можно сформулировать так: любой материальный объект воспринимается человеком через органы чувств в виде совокупности ощущений. Поэтому то, с чем имеет дело познающий

разум, не есть материальный объект, а только его идеальная модель в виде определенного набора ощущений, возникающих при работе с исследуемым объектом. Поэтому нет смысла говорить об объекте в его «чистом» виде, всякое знание о нем субъективно. И от такой субъективности невозможно избавиться.

Эта идея далее была развита третьей формой позитивизма, представители которой включили в анализ науки ее язык. Эту форму позитивизма называют неопозитивизмом. Сюда относятся философские учения первой половины XX века, сделавшие предметом своего внимания языковые средства познания [11]. Главным идейным вдохновителем этого течения является Б. Рассел, работы которого служили важным стимулятором позитивистских исследований. Неопозитивизм сначала выступает в виде логического позитивизма (Р. Карнап, М. Шлик и др.). В центре их внимания находятся логико-математические средства научного познания. Они исходят из того, что язык, находящийся между объектом и ученым, существенным образом влияет как на выбор объекта и его свойств, так и на характер и результаты исследования. Человек, вооруженный одним понятийным аппаратом, который формируется при овладении определенным языком науки, всегда получает результат, отличающийся от результата исследования той же реальности, проведенного носителем другой системы понятий (значит, и другого языка науки). Опытная проверяемость позволяет науке избавиться от ненаучных высказываний, часто встречающихся в философии. Но что такое опытная проверка? Все неопозитивисты в этом единодушны со своими предшественниками: мы можем сказать о предмете только то, как он представлен в нашем сознании. А там он дан в виде совокупности чувственных образов — состояний сознания или их изменения. Поэтому всякая опытная проверка высказывания есть сопоставление его содержания с чувственными данными, возникающими при такой проверке. Истинность суждения «Вода холодная» проверяется при помощи сопоставления этой мысли с осязательными ощущениями, полученными при соприкосновении

руки с водой. Правда, существуют высказывания, которые нельзя проверить так просто. В таких случаях применяется процедура сведения таких высказываний к «протокольным предложениям», которые давно проверены или могут быть легко проверены. К ним, например, относятся суждения типа «Для роста растений необходима вода».

Идея «прояснения» сути научных и философских проблем с помощью анализа выражающих их языковых средств дальше развивалась в таком направлении неопозитивизма, как лингвистическая (аналитическая) философия. Ее основателями являются Дж. Мур и Л. Витгенштейн. Ключевые идеи лингвистической философии изложены Витгенштейном. Этот философ не отрицает объективное существование вещей. Но, пишет он, мир нам дан не как совокупность вещей, а как совокупность фактов. Например, фактом является высказывание «Часы лежат на столе». Конечно, и часы, и стол существуют объективно. Но того, как это *нам* представлено в нашем сознании, в объективном мире нет. Там нет фактов, но есть вещи и процессы. «Границы моего языка обозначают границы моего мира», — писал Витгенштейн. Поэтому ошибки в объяснении и понимании мира нужно искать в языке — главном выразителе и оформителе субъективного мира человека. Главное заблуждение в употреблении слов заключается в том, что люди полагают, будто бы у каждого слова есть одно, единственно истинное значение. Часто суть научных споров сводится к обоснованию каждой из сторон своего понимания значения какого-то термина или высказывания. Иногда на это уходят годы, но спор все равно может оказаться безрезультатным, если спорящие «играют» в разные «языковые игры». Таким образом, главный вклад неопозитивистов в философию науки состоит в том, что они, не отрицая искажающей роли органов чувств человека на пути получения знания, усилили это утверждение, добавив в него идею о преломляющем информацию характере языка науки.

Важным фактором, повлиявшим на всю философию науки, является то, что позитивисты указали на человеческий фактор в формировании научного знания [13; 14].

Литература:

1. Рахматуллин Р.Ю., Семенова Э.Р. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1 (66). С. 151–153.
2. Рахматуллин Р.Ю. Проблема объективности исторического знания или как возможен единый учебник истории // European Social Science Journal. 2014. № 8–3 (47). С. 69–73.
3. Чебаков В.Ф., Рахматуллин Р.Ю. Проблема объективности научного знания // Вестник научных конференций. 2016. № 1–5 (5). С. 202–203.
4. Rakhmatullin R. The problem of objectivity of philosophical knowledge // Nauka i studia. 2016. Т. 10. С. 241–247.
5. Вардикян Р.В., Семенова Э.Р. Проблема объективности научного знания // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 35–36.
6. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.
7. Rakhmatullin R. Classical positivism: general characteristics // Nauka i studia. 2015. Т. 9. С. 233–235.
8. Рахматуллин Р.Ю. Позитивизм как первая философия науки // Вестник ВЭГУ. 2014. № 6 (74). С. 150–159.

9. Ширяев В. Б., Рахматуллин Р. Ю. Позитивистская линия в философии // Вестник научных конференций. 2015. № 4–5 (4). С. 113–115.
10. Ишниязов Р. М., Семенова Э. Р. Позитивистская философия науки // Уральский научный вестник. 2016. Т. 11. № 2. С. 113–114.
11. Рахматуллин Р. Ю. Аналитическая философия науки: общая характеристика // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 209–211.
12. Семенова Э. Р. Эмпирическое и теоретическое в научном познании // Вестник научных конференций. 2015. № 2–4 (2). С. 135–136.
13. Рахматуллин Р. Ю. Антропологическое измерение научной картины мира // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). С. 629–631.
14. Рахматуллин Р. Ю. Историческое знание в контексте философии науки // Вестник ВЭГУ. 2015. № 3 (77). С. 129–137.

Теоретический уровень научного познания

Бакирова Айгуль Ураловна, преподаватель;

Габдрахманов Руслан Ринатович, студент;

Хабибуллин Рузель Муллахметович, старший преподаватель

Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

В сфере науки традиционно выделяют два уровня познавательной деятельности: эмпирический и теоретический. Для эмпирического уровня познания присуще применение практических методов исследования, направленных на накопление фактов об объекте. Здесь широко применяются наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, составляются таблицы, графики, диаграммы, схемы. Теоретическое исследование направлено на выявление сущностных связей объекта и осуществляется в основном при помощи абстракций — категорий, законов, идей, гипотез, теорий. Оба эти уровня связаны между собой, но эмпирический уровень исторически предшествует теоретическому [1]. Это не дает основания для утверждения, что эмпирический уровень всегда первичен в науке. Игнорирование роли теоретического исследования в познании называют эмпиризмом. Основателем этого взгляда на познание считают английского философа Ф. Бэкона, который полагал, что теория лишь описывает то, что дано в опыте, а сама не способна умножать знания [2; 3]. Представители постпозитивизма, наоборот, (К. Поппер, Т. Кун и др.) считают, что результаты эмпирического исследования целиком обусловлены характером теоретической схемы, с которой ученый подходит к изучению объекта. «Научная теория несет свой особый способ рассмотрения мира, и ее принятие оказывает влияние на наши общие убеждения и ожидания и посредством этого — на наш опыт и наше представление о реальности», — пишет Фейерабенд [4, с. 31]. Современные науковеды считают, что на характер возникающих у нас теоретических схем влияют три вещи: исследуемые объекты, предшествующие идеи и теории, основания научного познания [5; 6; 7]. Научная теория — это логически взаимосвязанная система понятий и утверждений о свойствах,

отношениях и законах некоторого множества абстрактных объектов. Для чего нужна теория? Главным образом, для того, чтобы систематизировать знания, полученные в определенной области, объяснить нам наблюдаемые положения вещей, экспериментальные факты и подсказать, что нас может ожидать в дальнейшем. Объяснение и предсказание окружающих нас вещей и явлений представляет собой важнейшую функцию науки в целом и научной теории, в частности [8; 9; 10]. Целью научной теории также является ввод таких теоретических, которые могли бы чисто логически вывести из них максимально большое количество следствий. Научная теория, наряду с научной картиной мира, объединяет весь материал науки в целостное знание о мире. Ясно, что для построения научной теории предварительно должен быть накоплен определенный материал об исследуемых объектах и явлениях, поэтому теории появляются на достаточно зрелой стадии развития научной дисциплины.

Теория представляет собой концептуальную систему, элементами которой служат понятия и суждения, связанные двумя типами логических отношений. К первому из них относятся определения, с помощью которых все производные понятия теории стремятся определить с помощью исходных, неопределяемых основных понятий. Ко второму — отношение логической дедукции, посредством которой выводятся другие утверждения теории из первоначальных, выступающих в форме аксиом и постулатов в математике и фундаментальных принципов или основных законов в эмпирических науках. Полученные из них выводы соответственно называются теоремами и производными законами.

Строение теории можно представить в такой схеме: 1) эмпирический базис теории, содержащий основные

факты и данные, а также результаты их простейшей логико-математической обработки; 2) исходный теоретический базис, включающий основные допущения, аксиомы и постулаты, фундаментальные законы и принципы; 3) логический аппарат, содержащий правила определения производных понятий и логические правила вывода следствий или теорем из аксиом, а также из фундаментальных законов производных, или неосновных законов; 4) потенциально допустимые следствия и утверждения теории.

В теориях разного типа и находящихся на различных ступенях развития, не все эти элементы представлены в отчетливой форме. Логические правила дедукции не только в естественнонаучных, но даже в содержательных математических теориях, предполагаются общеизвестными и потому обычно заранее не формулируются.

В эмпирических теориях законы обычно не формулируются, поскольку остаются неизвестными. Вместо них выступают многочисленные промежуточные законы, и вследствие этого общая логическая структура теории остается неопределенной. Она скорее напоминает мозаику из множества отдельных подтеорий. Обнаружение предсказанных научной теорией фактов служит подтверждением ее плодотворности и истинности. Расхождение между теорией и фактами или обнаружение внутренних противоречий в теории дает импульс к ее изменению, к пересмотру, трансформации ее отдельных положений. Признание теории научным сообществом приводит к ее включению в научную картину мира [11]. Для этого ее теоретический объект проходит этап визуализации и онтологизации [12; 13; 14].

Литература:

1. Семенова Э. Р. Эмпирическое и теоретическое в научном познании // Вестник научных конференций. 2015. № 2–4 (2). С. 135–136.
2. Камалова Н. Р., Семенова Э. Р. Эмпирический уровень научного познания // Современный научный вестник. 2016. Т. 12. № 2. С. 222–223.
3. Кильдиярова И. Д., Семенова Э. Р. Эмпиризм и индуктивизм Фрэнсиса Бэкона // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 74–75.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
5. Рахматуллин Р. Ю., Габбасова Л. М. Роль обыденного сознания в онтологизации теоретической модели // Вестник ВЭГУ. 2005. № 1. С. 178–185.
6. Рахматуллин Р. Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (38). С. 166–168.
7. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 184 с.
8. Рахматуллин Р. Ю. Научная теория как система // Молодой ученый. 2016. № 2 (106). С. 982–985.
9. Семенова Э. Р., Юсупова А. И. Научная теория и ее методы // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 841–843.
10. Рахматуллин Р. Ю., Даутова А. Р. Методы теоретического познания // Уральский научный вестник. 2016. Т. 10. № 2. С. 206–209.
11. Камасина Р. Р., Семенова Э. Р. Научная картина мира как высшая форма научного знания // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 68–70.
12. Рахматуллин Р. Ю. Герменевтическая функция образа в процессе обучения // Вестник Карагандинского университета. 2012. № 4. С. 74–79.
13. Рахматуллин Р. Ю. Визуализация как способ трансформации и развития научного знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–2 (53). С. 163–165.
14. Семенова Э. Р. Роль визуализации научного знания в его трансляции в сферы практики и образования // Молодой ученый. 2013. № 3. С. 319–321.

Телеологический характер философии истории марксизма

Батурин Борис Игоревич, студент;
Бакиров Равиль Наилович, студент;
Давлетгареев Айвар Рамилевич, студент
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Исторический материализм представляет собой социальную философию марксизма, включающую в себя и марксистскую философию истории. Как нам представляется, по своей сути он является телеологическим учением, подобным религиозной философии. Как известно, телеологичность религиозных представлений об обществе выражается в указании цели социального развития, которая видится в построении идеального общества по образцам, заданным в Священном Писании той или иной религии [1; 2; 3; 4]. Это особенно заметно, когда марксисты оценивают прогрессивность общества. Так, по их мнению, наиболее прогрессивным считается общество, в котором господствуют коммунистические производственные отношения. В этом, например, уверены лидеры современной Северной Кореи, где господствует социалистический способ производства материальных благ и марксистская идеология в ее северокорейском варианте (чучхе). В новейшей истории России такого же мнения придерживались В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. И. Брежнев и другие представители советской политической элиты. Другие критерии общественного прогресса — уровень развития техники и технологии, степень свободы человека, благосостояние граждан и другие — они считали второстепенными [5; 6].

Таким образом, парадигмой марксистской философии истории является признание наличия конечной цели развития, глобальной исторической перспективы, некоей абсолютной истины, потенциально содержащейся в самой объективной реальности и в ее законах. Из этой препарируемой Марксом гегелевской идеи и родилась теория общественно-экономической формации, суть которой сводится к следующим положениям:

а) история представляет собой смену различных типов общества, имеющих свои особенности. Эти типы общества называются общественно-экономическими формациями;

б) определяющим фактором формирования общественно-экономической формации является способ производства материальных благ. Поскольку история представляет собой последовательную смену пяти способов производства, то ее можно представить в виде пяти сменяющих друг друга общественно-экономических формаций: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической;

в) существует цель истории — достижение своеобразного Царства Божьего на Земле, называемого коммунизмом. Это такое общество, где полностью раскрываются все сущностные силы человека, исчезает эксплуатация чужого труда, отпадает надобность в таком политическом инсти-

туте, как государство, и в таком регуляторе общественных отношений, как право.

Таким образом, общественно-экономическая формация — это тип общества, основанный на определенном способе производства. Если бы процесс производства материальных благ состоял из десяти, а не пяти способов производства, то и история представляла бы собой последовательную смену десяти общественно-экономических формаций.

В каждой общественно-экономической формации выделяют базис и надстройку. Карл Маркс определял базис как совокупность производственных отношений, составляющих экономическую структуру общества, которая определяет систему идеологических форм социальной жизни людей.

Если говорить о надстройке, то под ней имеют в виду совокупность идей и идеологических отношений, а также закрепляющих их учреждений и организаций: государство, политические партии, профессиональные союзы и иные общественные организации, выдвигающие политические лозунги средства массовой информации, которые свойственны данному типу общества. Марксисты говорят об определяющей роли базиса по отношению к надстройке. В категориях «базис» и «надстройка» показана зависимость от материальных отношений, не только всех других отношений, но и теорий, а также учреждений. Как известно, Маркс употреблял термин «базис» как образное выражение именно для доказательства того, что материальные, производственные отношения лежат в основе всех других отношений, что они определяют характер надстройки [7, с. 35–36].

Смена общественно-экономических формаций происходит по причине нарастания противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Период перехода от одной общественно-экономической формации к другой называется в марксизме социальной революцией. Это такое преобразование общества, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше. Это такой период в развитии общества, когда старой общественно-экономической формации уже нет, а новой — еще нет [8].

Социальную революцию следует отличать от социальной реформы. Социальные реформы проводятся в рамках общественно-экономической формации и направлены, как правило, на ее укрепление. Они характеризуют собой эволюционную форму развития общества. Социальная революция же есть радикальное изменение общества, всегда

связанное с разрушением старой общественно-экономической формации.

Марксистская философия истории при ее проецировании на реальный ход общественного развития порождает ряд вопросов:

1. Если последовательный переход от одной общественно-экономической формации к другой является социальным законом, то почему ряд народов пропускал отдельные звенья общественного прогресса? Например, русский и ряд других народов, населяющих Россию, «проскочили» рабочую общественно-экономическую формацию. Да и капитализма, как такового, в России не было: после отречения от власти главного феодала Российской империи Николая II в феврале 1917 года прошло всего несколько месяцев, как совершилась социалистическая революция, ознаменовавшая переход к коммунистической формации. А может быть, в России до сих пор длится буржуазно-демократическая революция, начатая в феврале 1917 года, а весь советский период следует рассматривать как трансформированный вид феодализма?

2. Если Россия, Украина, Казахстан и другие республики СССР находились уже на первой фазе коммунистической общественно-экономической формации, то почему

история пошла вспять: они снова вернулись в менее прогрессивную формацию — капитализм? То же самое, кстати, произошло с Польшей, Венгрией, Болгарией и другими государствами так называемого социалистического лагеря;

3. Если коммунизм есть более развитая общественно-экономическая формация, чем капитализм, то почему строившие коммунизм «восточные» немцы так сильно отстали в экономическом отношении от живущих при капитализме «западных» немцев? Еще больше такая разница видна при оценке качества жизни народов Северной и Южной Кореи.

Таким образом, можно сделать вывод, что марксистская философия истории в большей мере тяготеет к религиозной модели развития общества, в которой идеалом общественного развития является построение на земле «Небесного Иерусалима». По сути, марксистская модель устройства общества является своеобразным вариантом развития идей традиционализма, допускающей определенные нововведения, но только в пределах коммунистической идеологии [9; 10; 11]. Недаром некоторые религиоведы называют марксизм светской религией, в которой богов заменяют коммунистические вожди — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Мао Дзе Дун, Ким Ир Сен и т. п. [12].

Литература:

1. Rakhmatullin R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // *Nauka i studia*. 2015. Т. 10. С. 288–291.
2. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2011. № 4. С. 43–47.
3. Рахматуллин Р. Ю. Особенности мусульманского права // *Вестник ВЭГУ*. 2016. № 5 (85). С. 101–111.
4. Semenova E. R., Rakhmatullin R. Yu. The main sources of religious Law // *Nauka i studia*. 2016. Т. 10. С. 313–319.
5. Давлетбаев Ф. Р., Рахматуллин Р. Ю. Критерии общественного прогресса // *Вестник научных конференций*. 2016. № 1–5 (5). С. 60–62.
6. Еникеева А. О., Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Проблема общественного прогресса // *Молодой ученый*. 2016. № 27 (131). С. 841–843.
7. Рахматуллин Р. Ю. Основы социальной философии // Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 1996. 74 с.
8. Ихсанов А. Г., Рахматуллин Р. Ю. Социальная революция // *Вестник научных конференций*. 2015. № 4–3 (4). С. 46–47.
9. Рахматуллин Р. Ю. Об истоках и пределах традиционализма и либерализма: философский анализ // *Вестник ВЭГУ*. 2014. № 5 (73). С. 116–125.
10. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в свете философии права // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2014. № 1 (52). С. 41–44.
11. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в правовом и педагогическом пространстве // *Профессиональное образование в современном мире*. 2014. № 1 (12). С. 19–26.
12. Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 140 с.

Эволюция материализма

Гиниятуллин Филаиль Фанилевич, студент;
Камалов Дмитрий Ринатович, студент;
Рафиков Руслан Нашхатович, студент
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Наличие сотен философских учений вызывает необходимость в их классификации. Наиболее распространенным способом деления философских течений является их деление по хронологическому или историческому признаку. В этой классификации выделяют древнюю и средневековую философии, философию эпохи Возрождения, философию Нового времени, современную философию и т. д. Очень часто деление философских учений по хронологическому признаку сочетается с их делением по региональному признаку. Тогда говорят о философии Древнего Востока, античной философии, европейской философии XIX века и т. п. Существует также деление философских учений по национальному признаку (арабская, русская, японская философии), по религиозному признаку (буддийская, мусульманская, христианская философии). Сциентизация общественной жизни и ее последствия, а также обогащение европейской культуры идеями восточной философии сделали актуальным деление философских учений на рационалистическое и иррационалистическое направления. Решение ряда мировоззренческих проблем средствами философии породило деление философских учений на материалистические и идеалистические. Рассмотрим подробнее особенности и виды материалистической философии.

Все, с чем сталкивается человек, имеет либо материальную, либо духовную природу. Какой из этих двух видов реальности играет определяющую роль в природе, обществе и жизни человека? Есть мнение, что материальное начало (природа, материя) существует вечно и в процессе своей эволюции обретает ряд качеств, в том числе и то, что называют духовным, сознанием. Сторонников этой точки зрения называют материалистами. Материализм это «одна из основных тенденций в философии, противоположная идеализму, спиритуализму и дуализму и заключающаяся в установлении фактическим и логическим путем зависимости духовного от плотского и физиологического» [1, с. 376].

Но есть и другое мнение, согласно которому, определяющую роль в жизни природы, общества и человека играет духовное начало. Такой способ объяснения называют идеалистическим. Идеализм является противоположным материализму течением. К лагерю идеализма относятся те философы, которые утверждают, что дух существовал прежде природы, а природа или материя являются производными духа, под которым нередко понимают Бога. Согласно такой точке зрения природу любых социальных явлений — права, морали, искусства — следует искать в первоначально заданных генетических причинах, имеющих духовный характер [2; 3; 4; 5].

И материализм, и идеализм имеют богатую историю, украшенную именами знаменитых философов и ученых. Разнообразие их взглядов породило необходимость в классификации этих учений.

Здесь приводится одна из самых простых классификаций материалистических учений. Согласно этой классификации, существуют три вида материализма: а) стихийный (наивный), б) механический, в) диалектический. Стихийный материализм является исторически первой формой материализма. Наиболее заметными ее представителями в европейской философии являются Демокрит (ок. 460—370 до н. э.), Эпикур (341—270 до н. э.), Лукреций (ок. 99—55 до н. э.).

В восточной философии к этому виду материализма можно отнести древнеиндийские учения вайшешика и локаята, восходящие к Ведам (XV—VII вв. до н. э.). В древнекитайской философии крупным представителем стихийного материализма был Ван Чун (27—104). Особенностью этой философии является ее умозрительный характер, выдвижение предположений, не имеющих достаточно прочное фактическое обоснование. И философия, и наука не поднялись здесь еще до теоретического уровня. В качестве примера стихийного материализма, как правило, приводят взгляды первого европейского философа Фалеса (640/624—548/545 до н. э.). Он полагал, что основу всего материального мира составляет вода. Вода существует в жидком, твердом (лед) и газообразном (пар) состояниях. Наверное, есть и другие её состояния, полагал Фалес. Огонь есть пар, только очень горячий, а камень есть более твердый предмет, чем обычный лед, рассуждал он, сделав, в конечном счете, философский вывод: мир есть трансформированная в разные состояния вода. Чуть позднее примерно к такому же выводу пришел другой греческий философ — Анаксимен (VI в. до н. э.). Он полагал, что мир построен из такой субстанции, как воздух. «Воздух <..>, если он разрежен, становится огнем, а если он сгущен, становится ветром, потом облаком и затем водой, потом землей, потом камнями, и остальное возникает из этого», — писал Анаксимен [6, с. 119].

Эмпедокл (V в. до н. э.) несколько усложнил такое представление о материи: он, вслед за древнекитайскими философами, считал, что мир состоит из четырех первоэлементов: воды, огня, воздуха и земли. Все многообразие мира объяснялось ими различными сочетаниями этих элементов. Рассмотренные выше взгляды на материю можно назвать субстратными. Их всех объединяет одно — попытка найти конкретную основу, тот материал, субстрат, из которого построен весь мир.

В XVI—XVII вв. в европейской науке и философии широкое распространение получило учение, названное рядом философов механическим материализмом. Его сторонники полагали, что в основе всех изменений природы, общества и человека лежит механическая форма движения материи. По этой причине они предлагали рассматривать химические, биологические, астрономические, социальные процессы как проявления механических законов. Яркими представителями такой формы философствования являются Г. Галилей (1564–1642), Т. Гоббс (1588–1679), П. Лаплас (1749–1827), И. Ньютон (1643–1727) и др. Именно к этому периоду развития философии и науки относится появление механической картины мира [7; 8; 9; 10]. Соответственно с этим развивается и философская концепция механицизма, новая онтология, которая является структурным компонентом механической картины мира [11; 12].

В середине XIX в. в Германии появляется новое учение — диалектический материализм, более известный

под названием «марксистская философия». Эта философия в качестве главного своего метода использует диалектический метод изучения и объяснения природы, общества и человека. В соответствии с этим методом, все явления рассматриваются как процессы, т. е. постоянно изменяющиеся во времени объекты. Другой особенностью этого метода является требование рассматривать события в системе с другими, связанными с ними событиями.

Еще одной особенностью марксистской философии является распространение материалистического принципа на объяснение социальных процессов. Основатель этой философии К. Маркс (1818–1883) предложил искать причины политических, социальных и духовных изменений в обществе в сфере материальных (экономических) отношений. В соответствии с данной идеей, часть марксистской философии, занимающаяся анализом общества, называют историческим материализмом [13; 14].

Литература:

1. Пивоваров Д. В. Материализм // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. 864 с.
2. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 43–47.
3. Рахматуллин Р. Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1. С. 64–74.
4. Rakhmatullin R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // Nauka i studia. 2015. Т. 10. С. 288–291.
5. Рахматуллин Р. Ю. Дух как категория религиозной онтологии // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 651–653.
6. Бартош Я. К вопросу о формировании категории материи в истории философии // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 117–123.
7. Рахматуллин Р. Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (38). С. 166–168.
8. Камасина Р. Р., Семенова Э. Р. Научная картина мира как высшая форма научного знания // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 68–70.
9. Михайлова М. Г., Семенова Э. Р. Научная картина мира в системе знания // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 1. № 52. С. 169–172.
10. Рахматуллин Р. Ю., Хамзина Д. З. Соотношение понятий «мировоззрение», «картина мира», «онтология» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2. С. 156–159.
11. Rakhmatullin R. The picture of the world or ontology? // Уральский научный вестник. 2016. Т. 7. № 2. С. 55–60.
12. Рахматуллин Р. Ю. Картина мира или онтология? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 167–169.
13. Тагиров С. Ф., Семенова Э. Р. Марксистская философия истории // Вестник научных конференций. 2016. № 1–5 (5). С. 185–186.
14. Лутфраханова Д. У., Семенова Э. Р. О законах диалектики // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 79–80.

Концепция технологического детерминизма в философии истории

Давлетгаряева Разифа Гариповна, доцент;
 Лебединский Артём Сергеевич, студент;
 Назаров Тимур Зуфарович, доцент
 Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Главными вопросами философии истории являются: 1. Есть ли основания говорить о единой человеческой истории как целостной системе? 2. Существует ли у истории цель? 3. Куда движется человечество? 4. Чем измерить степень прогрессивности общества? [1, с. 12–13]. Существуют два подхода к решению этих вопросов: а) история человечества едина, она в целом движется по линии прогресса; б) единой истории человечества нет, следует говорить лишь об истории отдельной культуры, которая имеет свои, только ей присущие закономерности развития. Одним из ярких проявлений первой точки зрения являются концепции технологического детерминизма, которые стали возникать в 1960-х годах. В них утверждается о наличии прямой зависимости общественного прогресса от уровня развития науки, техники и технологии [2]. К ним относятся: а) теория единого индустриального общества; теория стадий экономического роста; постиндустриального общества; технотронного общества; нового индустриального общества; посткапиталистического общества; постэкономического общества и др. Появление этих теорий во второй половине XX в. связано с попыткой решения фундаментальных проблем общественного бытия, связанных с научно-техническим прогрессом, точнее, его последствиями. Тип общества, согласно сторонникам этих теорий, определяется не способом производства материальных благ, а уровнем развития техники и науки, меняющих характер труда [3; 4; 5]. Каждая из перечисленных теорий имеет свои особенности.

В качестве образца рассмотрим теорию постиндустриального общества. Ее автором является Д. Белл, который считает, что историю можно рассматривать в виде последовательной смены трех типов общества: доиндустриального, индустриального и постиндустриального. В основании такого деления лежит тип труда, зависящий в свою очередь от уровня развития техники и научных знаний. «Многое в характере людей и системе их социальных отношений определяется типом их труда. Если мы берем труд в качестве градации в характере социальных отношений, мы можем говорить о доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном труде. Мы можем рассматривать этот принцип в плане его синхронности, когда его проявления существуют внутри одного и того же общества, но мы также можем рассматривать их как последовательность изменений, благодаря которым общества переходят из одного состояния в другое», — пишет Д. Белл [6, с. 243]. Характерным признаком доиндустриального общества является борьба с природными силами, стремление к овладению ими. Мир человека этого общества, пишет Белл, это природа. «На протяжении многих тысячелетий существования лю-

дей жизнь представляла собой игру с природой, овладение стратегией ее покорения: нахождение убежища от природных стихий, возможности плыть по воде и парить в воздухе, отвоевание пищи и средств к существованию у земли, воды и других творений. Необходимость приспособления к этим превратностям во многом предопределила способ поведения людей» [6, с. 245]. Большинство государств и ныне находятся на доиндустриальном уровне развития. Это видно из того, что основной областью «приложения рабочей силы являются там добывающие отрасли промышленности: сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, рыболовство, лесоводство. Люди трудятся унаследованными способами, с помощью примитивной мускульной силы, и их восприятие мира обусловлено превратностями стихийных явлений — временами года, бурями, плодородием почвы, количеством воды, глубиной залежей ископаемых, засухами и наводнениями» [6, с. 244]. В середине XIX в. происходит промышленная революция и переход к индустриальному обществу. В центре внимания человека этого общества оказывается технический мир. «Машина господствует <...>. Энергия заменила примитивную мускульную силу и создает основу для большого скачка в производительности <...>, что и является отличительной чертой индустриального общества. Энергия и машины меняют природу труда» [6, с. 244].

Насыщение рынка индустриально развитых стран товарами повседневного спроса постепенно переместило усилия человека с технического мира на социальный мир. Это значит, что человек начал жить в другом обществе — постиндустриальном. Изложение особенностей этого общества дается в работе Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» [7]. В ней он указывает на пять признаков постиндустриального общества:

1. Перенос акцента в экономике из сферы промышленности в сферу услуг.
2. Господствующее положение в обществе ученых и технических специалистов.
3. Определяющее значение теоретических знаний, фундаментальной науки в материальной и политической сферах общественной жизни.
4. Создание новых «интеллектуальных технологий».
5. Возможность саморазвивающегося технологического роста.

Мы видим, что автор этой работы переносит акцент от традиционалистской ориентации в объяснении социальных процессов на либеральную [8; 9]. Это проявляется прежде всего от отказа поиска абсолютных начал, что характерно для религиозной модели развития общества [10; 11;

12; 13]. Первый из указанных Беллом признаков постиндустриального общества является следствием насыщения рынка товарами вследствие высокой производительности труда. Перепроизводство этих товаров приводит к перераспределению рабочей силы. Начинается отток производителей и капитала в сферу услуг, охватывающей торговлю, финансы, транспорт, туризм и развлечения, здравоохранение, образование, науку и государственное управление.

Увеличение доли специалистов и ученых в сфере принятия государственных решений (второй признак постиндустриального общества) связано с тем, что наука становится непосредственной производительной силой. Широкое внедрение научных технологий и возрастание ответственности за последствия таких внедрений вызывает все большее и большее привлечение в сферу управления обществом высококвалифицированных специалистов. Разработка новых технологий теперь немыслима без развития фундаментальной науки и теоретических знаний (третий признак постиндустриального общества). Создание таких продуктов производства нашего времени, как электронная и оптическая аппаратура, пластмассы, криогенная и космическая техника, современные средства связи, компьютеры, лазеры и голографы немыслимы без фундаментальных теоретических исследований.

Развитие теории информации, линейного программирования, ЭВМ и современных средств связи позволили создать новые «интеллектуальные технологии» (четвертый признак постиндустриального общества). Под этими технологиями Д. Белл подразумевает использование возможностей современных ЭВМ и науки для контроля и управления целыми отраслями промышленности, транспортными и финансовыми системами, создание всевозможных моделей развития экономических, политических и других процессов.

Разработка новых методов и средств прогнозирования, согласно Беллу, позволит сознательно влиять на ход общественной эволюции, планировать и осуществлять в соответствии с необходимостью технологический рост (пятый признак постиндустриального общества). Если в индустриальном обществе развитие обеспечивалось капиталом, то в постиндустриальном обществе главным источником непрерывного технологического роста становится информация. Он утверждает, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Именно информация позволяет быть более свободным в поиске эффективных решений в выборе будущего [14].

Литература:

1. Рахматуллин Р. Ю. Основы социальной философии // Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 1996. 74 с.
2. Ихсанов А. Г., Рахматуллин Р. Ю. Технологический детерминизм // Вестник научных конференций. 2016. № 1–5 (5). С. 89–90.
3. Рахматуллин Р. Ю., Тестова В. А. Взаимосвязь науки и материального производства // Уральский научный вестник. 2016. Т. 10. № 2. С. 226–229.
4. Давлетбаев Ф. Р., Рахматуллин Р. Ю. Критерии общественного прогресса // Вестник научных конференций. 2016. № 1–5 (5). С. 60–62.
5. Еникеева А. О., Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Проблема общественного прогресса // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 841–843.
6. Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль. М.: Политиздат, 1990, с. 243–255.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 786 с.
8. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Традиционализм и либерализм в свете философии права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 41–44.
9. Рахматуллин Р. Ю. Современная Россия между традиционализмом и либерализмом // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 45. С. 212–214.
10. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 43–47.
11. Rakhmatullin R., Semenova E. Thomism of the unity of the religious and scientific knowledge // Nauka i studia. 2015. Т. 10. С. 288–291.
12. Рахматуллин Р. Ю. О метафизических основаниях внеисторического в праве // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 549–552.
13. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Онтологические основания идеи федерализма в свете философии права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4. С. 50–55.
14. Пивоваров Д. В., Тульчинский Г. Л., Максимов А. М., Артемов В. М., Рахматуллин Р. Ю., Беляев И. А. Многомерность свободы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 4. С. 90–97.

Социально-философский анализ исторической трансформации понятия преступника в понятие делинквента: от преступного акта к качеству личности

Измайлова Варвара Глебовна, магистрант
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В данной статье центральной смысловой линией выступает тезис о невозможности дать определение преступления вне контекста некоторого государственного целого структурирующего социум. В ходе первого раздела разрабатывается идея, что понятие преступник укладывается в свойственное политическому разделению на категории друга и врага, своего и чужого. Разрабатывается проблема тотального характера проекта определения преступных черт в социальных явлениях, что ставит задачу рассмотрения исторических трансформаций от понятия преступника к понятию делинквента. Во второй части статьи проводится анализ смещения акцентов в определении преступного действия и поведения со времен Средних веков и феодального социально-экономического уклада к Новому времени и капиталистической социально-экономической формации. Рассматриваются такие социальные явления как бродяжничество и современный новый класс прекариат. Необходимым пунктом является обращение к понятию биополитики, что подводит исследование к выводу о том, что в Новое время возникновение понятий жизни, рабочей силы и делинквента не было случайным стечением обстоятельств и даже более — они связаны друг с другом.

Ключевые слова: государство, политическое, преступление, делинквентность, бродяжничество, прекариат, биополитика, жизнь, дисциплина, аномия

Общее введение в определение преступления. Преступник как внутренний враг государства

В первую очередь, прежде чем дать определение преступника и делинквентности, следует обратиться к понятию государства и политического в принципе. В этом плане весьма интересен текст немецкого философа и политического деятеля 20 века Карла Шмитта «Понятие политического», в котором он признает, что государство — это понятие, которое скорее связано со статусом, являющимся олицетворением «особого рода состояния народа» [1, с. 37]. Подобная мысль слышна и у Мишеля Фуко: «Государство никогда — ни сегодня, ни в своей предшествующей истории — не представляет собой некую целостную структуру и не обладает какой-либо индивидуальностью... По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена» [2, с. 162–163]. В то же время, политическое, по К. Шмитту, это понятие, которое можно определить, обнаружив специфически свойственные ему категории: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага» [1, с. 42]. В этом положении заключена важная идея о том, что политическое — это то, что выявляет в высшей степени уровень ассоциации и диссоциации людей. Делается акцент не только на внешнюю политику, но и на внутреннюю, и как раз последняя нас будет интересовать особенно в данной статье. Государство является институтом, который берет на себя право решать, кто является другом, а кто врагом, когда объявлять войну и как ее вести. Государство монополизирует политическое, что дает ему весьма широкое поле для определения врага, которое «объясняется смешением с какими-либо абстракциями или нормами» [1, с. 59]. Подобно сложной системе тактик при взаимодействии различных государств в международной политике, мы имеем

еще, возможно, более постоянно усложняющуюся и совершенствующуюся тактику борьбы с внутренним врагом. Образ врага — это некий объединяющий принцип, обладающий некоторым своеобразным дискурсивным свойством, которое позволяет власти устраивать внутри государства тот порядок, который легитимный суверен сочтет нужным. И здесь важно заметить, что не обязательно быть участником гражданской войны, чтобы стать внутренним врагом (но нужно заметить, что сам К. Шмитт связывает наличие внутреннего врага именно с состоянием гражданской войны [1, с. 46–53]), ибо враг тот, кто грозит целостности. Внутренний же враг грозит целостности изнутри. По мере совершенствования государственной власти, ее механизмов контроля и регуляции, мы имеем дело со стремлением власти выявить некоторые черты преступности у человека: нужно выявить кто и в силу каких качеств способен на преступление. В результате чего у нас должно появиться отношение причины-следствия, где причина была бы набором черт личности, а следствие — вероятность общественного вреда и опасности.

Современные понятия преступления в сфере науки о праве демонстрируют, что главный признак преступления — это общественно опасный характер деяния. Преступление — это действие субъекта по отношению к некоторому лицу или группе лиц (которая может быть количественно различна, вплоть и против населения в целом), которое носит общественно опасный характер. Отметим, что словосочетание «общественно опасный» предполагает наличие некоторой установленной общественности в плане цельности. Понятие преступления, зафиксированное в Уголовных кодексах самых различных современных стран, служит универсальным для каждого члена общества определением действия, нарушающего существующие нормативно-правовые акты. Его совершение имеет необратимые последствия в виде ответа со стороны общества в лице

государства. Оно же посредством специальных установленных действенных техник и институтов реализует установленные и закреплённые санкции в отношении преступного лица. Этот ответ со стороны официальной государственной власти, в конечном счете, будет являться — наказанием.

Но недостаточно сказать, что современное положение социального состоит только в связанных понятиях преступления и наказания. Перед нами более сложная система, связанная с надзором над преступником действительным, то есть над человеком признанным преступником за некоторый противозаконный акт. Но что еще важнее — над человеком преступником потенциальным (над человеком, который способен совершить преступление). Контроль над потенциально общественно опасным индивидом и индивидом, совершившим преступление, требует наличия строгих и точных критериев определения и описания, которые являлись бы маркировочными, но это уже больше, чем отношение к непосредственному акту преступления, это отношение к человеку как цельности некоторых качеств — телесных, но что еще важнее сегодня — духовных. Человек начиная с Нового времени и зарождения капитализма подвергается более тонкому, но одновременно тотальному рассмотрению, которое проникает в самые укромные уголки человеческой личности, человеческой души — сотканной из психической, социальной, культурной жизни. Мы сталкиваемся со стремлением на основании некоторого определения природы человека найти и дать определение некоторой природы преступного поведения. Результатом такой акции является фиксация некоторого понятия в результате исследования человека самими различными научными сферами, что позволило бы маркировать нормального человека в плане правового поведения от ненормального. Это понятие делинквентности, понятие противообщественного, противоправного, противозаконного поведения.

Социально-философское рассмотрение изменения способов определения преступления и тактик его наказания преступника.

Проанализируем некоторые исторические грани смещения акцентов в отношении к преступлению и наказанию. Средние века — эпоха величайшей жестокости, изощренных казней, четвертования, сжигания, рубленых голов. Время феодального мира — это время максимальной власти всевидящего монарха, который является символом государства и его целостности. Преступление — это преступление против монарха, и даже более — это покушение на тело государства в единстве с покушением на тело монарха. Поэтому наказание должно быть наиболее изощренным, наиболее демонстративным, оно должно стирать всякое достоинство преступника, стирать его с лица общественного целого. Что, если не тело, всегда является гарантированным объектом для наказания, наиболее демонстративного, публичного? Со стороны власти с телом можно делать все, что угодно, оно всегда является гарантом того, что преступник будет наказан. Преступника недостаточно осудить, и воспитать его уже нет никакой необходи-

мости — его нужно уничтожить, тем самым воспитав весь народ и внушив уважение к закону и государю, его устанавливающего и поддерживающего жизнь всего остального народа.

Нужно понимать, что сама система правосудия была иной, нежели сегодня: тот, на кого обрушивалось бремя обвинения, уже считался частично виновным, уже частично преступником. В это связи очень важно заметить, что имела целая сеть пропорциональных отношений между установленной степени вины преступника и соответствующей этой степени (установленной правоохранительными органами в силу добытых улик и принятых следствием во внимание) наказания, которое могло быть даже при неполном доказательстве вины [3, с. 45–55]. Не говоря уже о том, что система доказательств была весьма произвольной, действительно в руках правовых и судебных органов была сильная власть интерпретаций улик и свидетельств касающихся некоторого преступления.

Здесь возникает масса проблем, к примеру, публичность наказания и демонстрация расправы над преступником носило отчасти непредсказуемый характер наблюдающей толпы. Преступление может рождать отвращение, ужас, тотальное моральное осуждение, тогда общественное мнение и называет его ненормальным явлением, стремясь его укоренить в понятии ненормальности и исключить. Но с другой стороны, оно может быть поддержано, вызвать восхищение, положительно удивить. Не так ли существует право на насилие в одних руках — в руках государства, которое в силу этой привилегии способно повторять то же самое, что свойственно преступлению. Эта идея не может остаться незамеченной, именно эта практика истязания над телом весьма часто наводила на мысль членов толпы, что власть сама преступна: что в ее действиях так много того, что свойственно преступлению, с которым оно борется, как остроумно заметил Фридрих Ницше [4, с. 93]. Отсюда как следствие вытекают исторические события народных волнений перед казнями. Система работала не так гладко, как бы хотелось, она не могла подстраиваться под изменяющиеся условия.

Переход от феодализма к капитализму сопровождался множеством таких коллизий, как изменение характера труда — переход от аграрного хозяйства к производству машинному (мануфактуры), развитие производства требовало другого характера сосуществования производственных отношений и производительных сил, требовались люди — работающие в специальном помещении, выполняющие некоторую производственную функцию, которая являлась элементом сложной цепи производства. Крестьяне уже не могли быть исключительно земледельцами, когда были задействованы на производстве, им просто не хватало времени для создания условий для такого урожая, который бы пошел на откуп феодалу и прокормил бы их самих. Это явно требовало постепенного освобождения крестьян, перемещение их потоков в города. Естественно, все эти экономические и демографические процессы были постепенными,

вместе с ними проходили множественные трансформации всех надстраивающихся социальных уровней.

Возьмем, к примеру, бродяжничество, которое всегда являлось преступным в тех или иных государствах. В средневековье, бродяга — сбежавший крестьянин, часть общества, которая не выполняет свою функцию. И если ясно, что данное действие должно быть наказуемым, то что делать, когда сама система закреплённости, строгая и имеющая точные черты, начинает разваливаться, что если сама система требует переосмысления, перестройки регулирующих взаимодействий? Нужно выработать новые правила и нормы, которые позволяли бы поддерживать порядок, что несёт за собой трансформацию в сторону уменьшения привычного наказания — в смысле количества и качества. Речь идёт о том, чтобы трансформировать понятие бродяжничества под новые реалии. Если бродягу нельзя убить, поскольку тогда придется перебить большинство, то нужно придумать, как закрепить людей в новом положении, в новом статусе. Трансформации такого рода не могут трактоваться как простое отрицание: понятие бродяжничества и само бродяжничество не исчезает. Тот, кто считался бродягой может выйти в преобразованном статусе, которое придала ему власть, положительно определив его областью дозволенного. Так постепенное исчезновение крепостного права демонстрирует определенный уровень свободы бывшего крепостного, но если мы имеем дело с человеком, который не занят в какой-либо структуре общественного производства, которая установлена и урегулирована — то он тот самый бродяга: человек без работы, без постоянного места жительства, тунеядец. И это тоже осуждается, особенно на этапе раннего капитализма.

Сегодня положение бродяжничества напоминает راствующий прекариат. Стоит уделить внимание данному факту. Значимой датой здесь является 1 мая 2001 года, в этот день в Милане прошла альтернативная демонстрация, которая была задумана как акция протеста, в которой участвовали главным образом студенты и молодые активисты. К 1 мая 2005 года, через четыре года, их численность возросла до 50 тысяч человек (по некоторым оценкам более 100 тысяч). Эта дата положила начало систематическим общеевропейским демонстрациям EuroMayDay («Европервомай»), которые стали первыми вспышками волнений прекариата в глобальном масштабе. Гай Стендинг, профессор Лондонского университета, современный исследователь прекариата, говорит о данном движении следующее: «...как левачье либертарианское движение оно еще далеко от того, чтобы наводить страх или вызывать интерес со стороны... На одном европервомайском плакате, сделанном для парада в Гамбурге, сливаются в одну четыре бунтарские фигуры: дворник, сиделка, беженец или мигрант и так называемый творческий работник (вероятно, прообразом был художник, рисовавший этот плакат). На главном плане — хозяйственная сумка как красноречивый символ современного кочевничества в глобализирующемся мире» [5, с. 13]. Прекариат — это промежуточный класс, маргина-

лизованная группа людей, которая растет в современных условиях развитого капитализма, специфические условия труда которой оказываются выгодными этой экономической системе, но рождают массовые социальные противоречия. В рамках судебно-правых и политических институтов открыто и публично он не характеризуется, как класс преступный, но исследователи уже называют его новым опасным классом. И это имеет свои основания — если задача государства состоит в установлении и закреплении законопрядка, то мы имеем целую активную деятельность по официальному определению, оформлению и подчинению коллективных действий. И для современного неолиберального государства это особенно актуально, оно чтит конкуренцию и свободный рынок, и не одобряет любое коллективное начинание, которое может помешать логике такого неодавинистского развития социума. Таким образом, выстраивается дисциплинарная машина, которая подкрепляется правом и борется с «дикостью». Лоик Вакан называет данное явление «общественная анафемизация девиантных категорий» [6]. К ним относятся «уличная шпана», «безработные», «паразиты», опустившиеся люди, неудачники с характерными недостатками и поведенческими отклонениями. Неолиберализм воспевая конкуренцию и индивидуализм, в связке с принципом «выживает сильнейший», как пишет Гай Стендинг, «имеет тревожную тенденцию превращать борцов за выживание в неудачников и злодеев, которых следует наказывать, изолировать или взять под надзор» [5, с. 234]. И прекариат является тем классом, который из-за своего социального положения находится на этой грани. Будучи включенным в производство, тем не менее, при минимальном неудачном стечении обстоятельств, он превратится в толпу девиантов и делинквентов. Поэтому и контроль над ними сильнее — и дело не только в непосредственном системном контроле, но и символическом — демонизации прекариата. Что еще интереснее, так это то, что одновременно демонируя прекариат, криминализируя его элементы, именно тот тип организации труда, который он реализует (свободное перемещение, проектная работа, отсутствие закреплённости), сегодня занимает все большее место в рыночной экономике, тем самым и воспевается. Это напоминает положение животных в средневековье, которые наделялись сознательностью частично, что могло в ходе нарушения порядка обернуться против них [7].

Таким образом, можно выделить один из аспектов смещения внимания от отдельного акта к черте личности — от тела к душе человека. Как становится ясно из рассуждений выше, на протяжении всей истории остается такой вид отклоняющегося поведения как бродяжничество, которое меняет свои формы, но остается осуждаемым обществом и (или) государством. И в случае с ранней формой в средние века мы имеем дело с суровой формой наказания данного явления, то сегодня оно скорее максимум морально осуждается или не престижно. От государства требуется приспособление правовых и силовых практик таким образом, чтобы люди приживались к тем ролям, которые имеют ме-

сто и функционировали так, чтобы вся система имела наибольший успех.

Следует остановиться на этом моменте, и обратить внимание на такое важное понятие для данного исследования, как биополитика. Оно было введено М. Фуко в курсах лекций Колледж де Франс для характеристики периода конца 18 — начала 19 века в отношении трансформации понятия народонаселения [8, с. 38]. Именно в это время жизнь как биологический процесс начинает управляться, администрироваться политически. Для того чтобы лучше понять, что стоит за этим процессом и что означает биополитика, является наиболее продуктивным последовать в рассуждении вслед за современным итальянским мыслителем Паоло Вирно. В «Грамматике множества» он отталкивается от понятия рабочей силы, трактуя ее как потенцию производить, то есть как некоторую способность, возможность [9, с. 79]. И действительно, понятие рабочей силы у Карла Маркса занимало большое место и трактовалось как «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека» [10, с. 178]. Эта совокупность способностей есть потенция — то, что не присутствует непосредственно, материально. Или иначе, «способность к труду еще не означает труд» [10, с. 184]. В контексте капитализма эта основная философская категория — потенция — становится товаром, становится в центре обмена между капиталистом и пролетарием. Рабочая сила — это то, что продается, но являясь нематериальной, она неотделима от тела рабочего. Она превышает телесность, ибо и связана со способностями интеллектуального, и духовного характера, но неотделима от нее, как от некоторого сосуда. Отсюда важность понятия жизни: «Живое тело рабочего является субстратом этой рабочей силы, которая сама по себе не обладает независимым существованием. «Жизнь», чистый и простой *bios*, приобретает специфическую важность в качестве вместилища чистой потенции, *dinamis*' [9, с. 82]. Таким образом, вывод становится весьма предсказуемым — капиталиста волнует жизнь рабочего, ибо она олицетворение рабочей силы, которая делает возможным реализацию проектов капиталиста. Жизнь рабочего — это гарант наличия реализующейся потенции, рабочей силы человека, его разнообразных способностей (говорить, думать, помнить, действовать и т. д.).

С усложнением производства от самого раннего капитализма и до наших дней трансформируется и роль рабочего, от чисто механической работы происходит переход к участию в интеллектуальной деятельности, и даже более того, в наши дни труд приобретает вид чисто интеллектуального, замкнутого на себе. Данный тезис приводит к мысли, что с точки зрения властной функции дисциплинирования жизни общества, появляется необходимость создавать формы дисциплины не только внешней, но и внутренней,

более сложные, если мы хотим, чтобы их функционирование было продуктивным. Именно в этом случае и стоит говорить о биополитике. Административные органы государства обращаются к телу человека и его душе, это целая сложная система перенаправлений, закрепления социальных институтов, ролей, способов и возможностей мобильности, которая производит определенные способы социального взаимодействия. Поэтому различные формы девиации опасны в том смысле, что они демонстрирует альтернативное развитие потенции, как принято считать — негативное для данного социального порядка (например, умный человек становится хакером, и взламывает сайты банков). Данный факт рассматривался социологом Робертом Мертоном: мы имеем в составе социального два элемента — это цели, намерения и интересы, которые диктуются культурой, вписаны в функционирование общества, и средства по достижению данных целей, это элемент, определяющий, регулирующий и контролирующийся приемлемые способы достижения этих целей. Р. Мертон говорит о том, что аномия наиболее развита там, где навязываемые ценности, цели, которые общество постоянно воспроизводит и возводит в ранг необходимых, сталкиваются со сложностью или невозможностью их осуществления посредством принятых норм и правил, посредством институционального порядка применения средств для достижения цели, и где стоит проблема доступности этих средств. [11]

Весьма не преувеличением будет сказать, что еще страшнее для государства и социума — это то, что те траектории, которые выступают допустимыми и необходимыми для реализации этих потенций заменяются другими и даже закрепляются социумом независимо от машины легитимации государства. Поэтому, разнообразные свойства преступности предстают именно как потенция, как способность человека. Если у рабочего есть потенциальная способность полезная для производства, но у преступника есть потенциальная способность стать преступником, он потенциально опасен обществу. И здесь выступает уже известная нам фигура делинквента, которая возникает, как производимая властью практика его определения, нахождения, слежки за ним, контроля. Если производство закрепляет понятие рабочей силы, то власть закрепляет понятие делинквента. Это то, что Жан Франсуа Лиотар называет легитимацией, когда говорит о научном знании, проводя параллель этот процесс с легитимацией гражданского порядка: «Либо гражданский закон гласит: такая-то категория граждан должна совершать такого-то рода поступки. Тогда легитимация — это процесс, по которому законодателью оказывается позволенным провозглашать данный закон нормой. Либо научное высказывание, а оно подчиняется правилу: высказывание должно удовлетворять такой-то совокупности условий, чтобы восприниматься как научное» [12, с. 28].

Литература:

1. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. — С. 37–67.

2. Фуко М. Безопасность, территория, население. — СПб.: Наука., 2011. — 544 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 416 с.
4. Ницше Ф. Генеалогия морали. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. — 224 с.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
6. Wacquant L. Ordering Insecurity: Social Polarization and the Punitive Upsurge // *Radical Philosophy Review* volume 11, 2008, № 11. — P. 9–27.
7. Гуревич А. Я. Судебные преследования животных // *Словарь средневековой культуры* под ред. А. Я. Гуревича. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. — С. 508–511.
8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1978–1979 уч. году. — СПб.: Наука, 2010. — 448 с.
9. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 176 с.
10. Маркс К. Капитал. Том 1. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т. 23. — М.: Политиздат, 1960. — 920 с.
11. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. — М.: Прогресс, 1966. — С. 299–313.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 1998. — 160 с.

ПРОЧЕЕ

Product placement в кинематографе

Юшкова Дарья Романовна, магистр
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье раскрывается понятие product placement как технологии продвижения. Рассматриваются основные разновидности product placement. Дается краткая история развития product placement в России и за рубежом. Приводятся преимущества и недостатки данной технологии продвижения, а также примеры наиболее удачного и интересного размещения рекламы в известных фильмах.

Ключевые слова: product placement, скрытая реклама, кинематограф, реклама в кино

Любой из зрителей какого-либо широко известного фильма может припомнить, что видел тот или иной брендированный продукт в этом фильме, который мог быть просто показан на фоне или, наоборот, активно использоваться героями в качестве транспорта, одежды, еды и др. Причем в кадре это выглядело, что так и должно быть, что героям нужен продукт именно этого бренда. Данный ненавязчивый способ продвижения носит название product placement.

Product placement является одной из форм рекламы, основанной на том, что компания платит, за то, чтобы его продукт появился на видном месте в произведении искусства. Product placement, как способ рекламы, в настоящее время наиболее распространен в фильмах или телевизионных шоу. Его можно рассматривать как косвенную форму рекламы, потому что рекламируемый продукт обычно стараются органично вписать в сюжет произведения.

В настоящее время нет единого подхода как к трактовке самого понятия product placement, так и определению его места в системе интегрированных маркетинговых коммуникаций. Дословно термин product placement переводится как «размещение продукции», что частично отражает суть данного способа продвижения. Однако в современной маркетинговой и рекламной литературе встречаются более подробные определения product placement.

Например, классик маркетинга Ф. Котлер дает довольно краткое определение product placement как технологии размещения товара, применяемой продюсерами в кинофильмах для продвижения товара [6, с. 627].

Также довольно емкое, но более информативное определение дано Г.Л. Багиевым: «такая форма продвижения и размещения товара, которая осуществляется за счет эффективной интеграции функций рекламы с продуктом и/или услугой в медиапрограмме с целью улучшения положения товара и успеха его на рынке» [4, с. 468].

В данном определении также указана не только технология product placement, но и ее цели. Однако наиболее полное определение product placement дала отечественный исследователь данной темы О.П. Березкина: «Product placement — это размещение определенного товара, торговой марки или услуги в кино, теле- и радиопередачах, в газетах и журналах, в Интернете, компьютерных играх, в мультфильмах, литературе, поэзии, в песнях и музыкальных клипах, в комиксах и т.п. — во всех «продуктах», которые имеют сюжет и адресованы среднестатистическому потребителю. Это техника вплетения бренда, товара или услуги в сюжет произведения, а значит, в жизнь кино— или телегероя... Это утонченная техника проникновения в подсознание увлеченного сюжетом и игрой зрителя, который в этот момент без сопротивления и сомнений готов принять практически любую навязанную ему идею, мысль, привычку» [5, с. 7].

Таким образом, product placement, как способ продвижения, используется в различных художественных и информационных произведениях, но наиболее традиционным и частым является его использование в кинематографе. Целью данной технологии улучшение позиций на рынке путем проникновения в сознание потребителя в качестве неотъемлемой части сюжета или жизни героя.

Товар или бренд могут быть по-разному представлены в кино (см. Рисунок 1). В зависимости от способа появления и позиционирования в фильме, можно выделить четыре разновидности product placement:

1. Визуальный product placement подразумевает показ в фильме рекламируемой продукции и их восприятие через зрительные образы. Данный вид подразумевает, что рекламируемый товар просто появляется на экране, например, во многих русских фильмах используется съемка города сверху и в кадр попадает вывеска или баннер рекламируемой продукции;

2. Аудиальный product placement реализуется путем упоминания в речи героев какого-то бренда в положительном контексте, то есть выражается приверженность героев бренду, перечисляются его положительные стороны и т. п. Или может даже выражаться в воспроизводстве всем известных «звучков бренда», например, фирменного звонка Iphone во время фильма. Поэтому аудиальный product placement можно разделить на вербальный и невербальный [8, с. 207]

3. Кинетический или динамический product placement реализуется через непосредственное «использование» в кадре продвигаемого продукта [5, с. 12]. Данный способ в наилучшей степени раскрывает рекламируемый товар, позволяет наглядно продемонстрировать, как он хорош на практике, что усиливает эффект. Наиболее известным примером является использование автомобиля Aston Martin в «бондиане», главный герой постоянно ездит на автомобиле, демонстрируя его возможности.

4. Смешанный тип подразумевает, что бренд не только появляется на экране или используется героями, но и произносится его название. Данный способ может быть эффективным только при грамотном использовании, иначе он будет воспринят как обычная реклама из-за перенасыщенности кадров брендом.

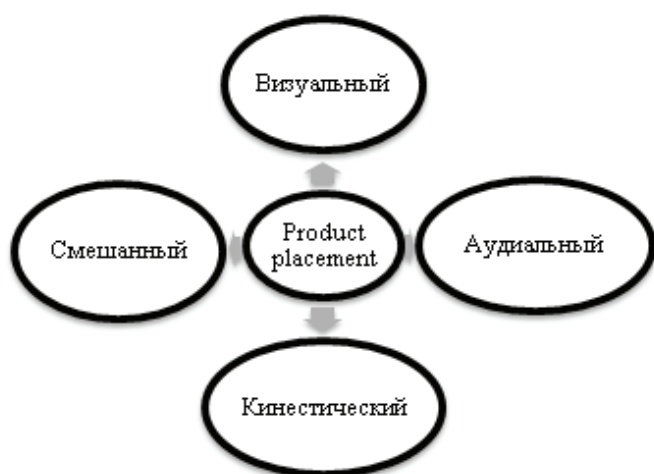

Рис. 1. Разновидности product placement

Кроме этого, можно выделить также и психологические модели интеграции бренда в конкретный фильм (см. Рисунок 2), которые оказывают разный психологический эффект на зрителя:

1. Суггестивная модель отражает способ размещения бренда в фильме, когда он находится долгое время в кадре и/или появляется на экране несколько раз в течение фильма, но контекст демонстрации товара является незначимым, основное внимание уделяется количеству показов и их длительности

2. Социально-психологическая модель основана на том, что товар или бренд вписан в контекст и связан с сюжетом, ситуациями или образами и поведением героев фильма. Данный способ вызывает у зрителя интерес к бренду, так

как он помогает героям в определенной ситуации, решает проблему, а также вызывает желание подражать героям, что может способствовать увеличению покупок товара. Данная модель делится на два вида:

– ролевая модель основана на том, что владение товаром приписывается определенному персонажу, чаще всего главному, из-за чего образ продукта отождествляется с образом героя. Зритель будет покупать товар, движимый желанием быть похожим на героя кино. Главным условием является правильный выбор персонажа, так как он должен вызывать желание подражать ему [8, с. 87]. Например, девушки, желая быть модными и современными захотят покупать брендовую одежду в след за Керри Бредшоу, героиней сериала и фильмов «Секс в большом городе»;

– Ситуативная модель основана на демонстрации товара в определенной ситуации, которая сопряжена с его использованием, если такая ситуация возникает в фильме несколько раз и всё время сопряжена с использованием рекламируемого товара, то у аудитории рождается ассоциативная связь между этими двумя явлениями. Ситуация должна быть позитивной и знакомой зрителю, чтобы он адекватно смог воспринять её и захотеть применить в жизни, купив рекламируемый товар [8, с. 88] Например, в фильмах франшизы «Форсаж» герои используют автомобили марки Dodge, любители быстрой езды на автомобилях после просмотра фильма захотели себе эти машины и увеличили продажи марки более чем в два раза.

Рис. 2. Психологические модели product placement

Примечательно, что product placement появился практически одновременно с кинематографом, так один из самых старых примеров относят к 1919 году. В фильме 25-минутном комедийном фильме «Гараж» представлено несколько пародийных сцен, в некоторых из которых можно увидеть торговый знак масла Zerolene, а также логотип бензоколонок Red Crown. Стоит отметить, что применение product placement было тогда подвергнуто критике в газетах [1].

Позже многие компании стали предлагать свои товары создателям фильма просто в качестве реквизита, product placement для кинематографа стал средством снижения

стоимости производства фильмов за счет предоставления компаниями товаров для съемок безвозмездно, в основном product placement развивался в США, что было связано как с активным развитием маркетинга, так и с «золотым веком» Голливуда.

Данную тенденцию отметила газета The New York Times в своей статье в 1929 году. По данным Times производители автомобилей любезно предлагают бесплатное пользование дорогостоящих автомобилей для киностудии. Дорогая мебель для съемок охотно поставляется многими мебельными фабриками, и даже пожертвованы в качестве постоянного студийного имущества, а также стремятся снять свои товары в кино производители одежды и ювелирных изделий [3].

Таким образом, отношения рекламодателей и кинематографа строились на взаимовыгодных бартерных отношениях, компании получали скрытую рекламу своих товаров, а создатели фильмов — бесплатный реквизит.

Оценили эффективность данного подхода и создатели социальной рекламы. Так в 1930-х годах в рамках государственной политики по охране здоровья был создан мультипликационный персонаж «морячок Поппай», который должен был популяризировать шпинат. Употребляя шпинат, Поппай стал обладать невероятной силой, благодаря чему победил противника и завоевал сердце любимой. В результате product placement продажи шпината в США выросли в несколько раз [10, с. 88].

Данный пример показывает, что product placement может эффективно влиять на мнение потребителей, демонстрировать полезный эффект от использования какого-либо товара, причем это может быть не обязательно польза для здоровья, чаще используется мотив пользы для имиджа.

Если изначально инициаторами product placement были создатели товаров, то позже, поняв выгоду от размещения бренда в кино и силу влияния product placement на потребителя, продюсеры стали использовать данную технологию как способ увеличения бюджета собственных фильмов.

Сейчас именно они управляют product placement, «отправляя маркетологам крупных концернов сценарии будущих фильмов с подробной раскадровкой, чтобы те могли оценить маркетинговые возможности своих брендов» [5, с. 14]. Потенциальные заказчики могут выбрать в сценарии наиболее подходящие эпизоды для включения своего бренда, а в некоторых случаях происходит даже специальное написание сцен для внедрения product placement определенного бренда.

Использовался product placement и в СССР, хотя, конечно, данный термин не использовался. В советском кинематографе продвигались только государственные заказы, например, в фильме «Спортлото-82» продвигается возможность выигрыша в государственной программе спортлото, а в фильме «Берегись автомобиля» рекламируется новый автомобиль «Жигули».

С коммерческим product placement аудитория смогла познакомиться только после появления в широком прокате

зарубежных фильмов, в которых данный тип продвижения использовался уже давно, а начало использования данной технологии непосредственно в российском кинематографе традиционно относят к фильму Э. Рязанова «Предсказание», вышедшем в 1991 году и раскрутившим духи «Маруся» [5, с. 17].

Однако ключевым моментом, с которого началось широкое использование product placement в российском кинематографе, включающее сразу несколько брендов в одном фильме, стал выход фильма Т. Бекмамбетова «Ночной дозор». В фильме появляются такие бренды как МТС, Nescafé, Rambler и др., по оценкам экспертов, в фильме было использовано неявной рекламы на сумму около 500 тысяч долларов [2].

После выхода данного фильма произошел настоящий бум product placement в отечественном кинематографе, который в некоторых фильмах достигает даже абсурдно избыточного количества, благодаря чему теряется главный эффект технологии как скрытой рекламы и появление бренда воспринимается как обычная прямая реклама.

Можно выделить несколько преимуществ product placement по сравнению с прямой рекламой, в частности рекламой на телевидении:

1. Product placement в отличие от телерекламных роликов позволяет сохранять внимание аудитории в течение всего времени трансляции бренда, так как он интегрирован в сюжет фильма, и зрители не будут переключать фильм или тем более выходить из зала кинотеатра на время его трансляции.

2. Product placement выгоднее по затратам, чем прямая телереклама, так как размещение бренда в кино исключает затраты на съёмку и производство рекламного ролика, а включает только оговоренную в договоре сумму и предоставление товара.

3. Product placement позволяет охватить широкую аудиторию, потому что фильм демонстрируется сначала в кинотеатрах, затем транслируется на телевидении, распространяется в Интернете и выпускается на DVD-дисках. Заказчику необходимо заплатить один раз за размещение бренда в кадре, а в случае прямой телерекламы, заказчик вынужден оплачивать все появления рекламного ролика на экране [6, с. 86]

Кроме этого, к преимуществам product placement также можно отнести широкие возможности формирования имиджа бренда, создание ассоциаций бренда с некоторыми положительными и приятными образами героев, которым аудитория захочет подражать, возможность продемонстрировать товар в действии.

Product placement, как и любой способ продвижения, также имеет и свои недостатки:

1. Большой промежуток времени между заказом product placement и выходом фильма в прокат, так как на создание фильма может уйти более года [9, с. 122]. За это время бренд не может поменять дизайн или имидж своего товара, а также коммуникационную стратегию его

продвижения, чтобы во время выхода он органично смотрелся и соответствовал существующей программе продвижения бренда.

2. Чаще всего, один зритель увидит такую скрытую рекламу только один раз, в отличие от многократного повторения телерекламы, так как далеко не все зрители пересматривают фильмы, тем более несколько раз, в связи с этим они могут спустя определенное время уже забыть о том, что видели бренд в фильме, особенно, если он появляется в кадре не надолго.

3. Высокая зависимость от контекста фильма, возможность получения обратного эффекта [10, с. 91]. Бренд должен появляться только в связи с положительными моментами, пользоваться им должны преимущественно положительные герои, не должно возникать ассоциаций с какими-то негативными моментами фильма, что может отрицательно повлиять на имидж бренда. Например, довольно противоречивым было неоднократное появление банок с консервами от бренда Heinz в фильме ужасов «Сияние».

4. Низкая эффективность при размещении новых брендов [10, с. 91], так как зрители могут их не узнать и принять за обычный реквизит, и не произойдет рекламного эффекта, таким образом, чтобы продвигаться с помощью product placement, бренд уже должен быть раскручен с помощью других элементов комплекса маркетинга.

5. Сложности с оценкой эффективности, так как демонстрация фильма растянута во времени, а компания использует и другие способы продвижения.

Таким образом, product placement предоставляет как определенные преимущества по сравнению с другими

способами продвижения, но также имеет и свои ограничения и подойдет далеко не для всех категорий товаров и брендов.

Кроме этого, как преимуществом, так и недостатком может выступать сам способ вписать товар в контекст фильма, который в некоторых случаях может быть очень удачным и положительно влиять на имидж и продажи, а может быть неудачным или неумелым, что даст обратный эффект. К наиболее удачным примерам product placement можно отнести:

1. Использование самошнующихся кроссовок Nike в фильме «Назад в будущее», которое имело эффект дважды, непосредственно после выхода фильма и в 2015 году, когда по сюжету фильма они должны были уже быть в продаже;

2. В фильме «Рискованный бизнес» 1983 года харизматичный и яркий герой Тома Круза носит очки компании Ray-Ban, модель Wayfarer, которая получила большую популярность после выхода фильма и остается известной до настоящего времени;

3. В фильме «Изгой» мяч компании Wilson становится практически героем фильма, постоянно появляясь в кадре, что положительно повлияло на узнаваемость и продажи марки.

Подводя итоги, можно сказать, что product placement, как технология продвижения, при грамотном использовании является эффективным способом скрытой рекламы товаров, услуг и брендов, которая ненавязчиво может внушить зрителю идею, что, если он хочет быть похожим на героя фильма, то ему нужна такая же одежда, автомобиль и другие вещи как у него.

Литература:

1. A History of product placement in movies: 150 cases from 1911 to today // www.vivelapub.fr. URL: <http://www.vivelapub.fr/en/a-history-of-product-placement-in-movies-150-cases-from-1911-to-today/> (дата обращения: 13.12.2016).
2. Product placement в дозорах // [mir-dozorov](http://mir-dozorov.com). URL: <http://mir-dozorov.com/product-placement-v-dozorax/> (дата обращения: 13.12.2016).
3. Walton A. The Evolution of Product Placement in Film // *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2010. Vol. 1, № 1. P. 70–85.
4. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М. *Маркетинг: Учебник для вузов*. 3-е изд. — СПб.: Питер, 2010. — 576 с.
5. Березкина О.П. *Product Placement. Технологии скрытой рекламы*. — СПб.: Питер, 2009. — 224 с.
6. Земко М.А. Product placement: сближение коммерции и культуры в современном российском кино // *Экономическая социология*. — 2010. — № 1. — С. 84–110.
7. Котлер Ф. *Основы маркетинга*, — 5-е европейское изд. — М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2012. — 752 с.
8. Рамазанова З.А. К вопросу о роли Product Placement в интегрированных маркетинговых коммуникациях // *Вопросы структуризации экономики*. — 2011. — № 1. — С. 206–211.
9. Тисенкова О.А., Мельникова С.А. *Product Placement: технология скрытой рекламы* // *Проблемы экономики и менеджмента*. — 2016. — № 5. — С. 120–125.
10. Хохлова Т.П., Назаретян П.В. *Product placement как глобальная стратегия продвижения товаров и услуг: проблемы и пути их решения* // *Маркетинг в России и за рубежом*. — 2011. — № 2. — С. 87–98.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 2 (136) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (*Армения*)
Арошидзе П. Л. (*Грузия*)
Атаев З. В. (*Россия*)
Ахмеденов К. М. (*Казахстан*)
Бидова Б. Б. (*Россия*)
Борисов В. В. (*Украина*)
Велковска Г. Ц. (*Болгария*)
Гайич Т. (*Сербия*)
Данатаров А. (*Туркменистан*)
Данилов А. М. (*Россия*)
Демидов А. А. (*Россия*)
Досманбетова З. Р. (*Казахстан*)
Ешиев А. М. (*Кыргызстан*)
Жолдошев С. Т. (*Кыргызстан*)
Игисинов Н. С. (*Казахстан*)
Кадыров К. Б. (*Узбекистан*)
Кайгородов И. Б. (*Бразилия*)
Каленский А. В. (*Россия*)
Козырева О. А. (*Россия*)
Колпак Е. П. (*Россия*)
Курпаяниди К. И. (*Узбекистан*)
Куташов В. А. (*Россия*)
Лю Цзюань (*Китай*)
Малес Л. В. (*Украина*)
Нагервадзе М. А. (*Грузия*)
Прокопьев Н. Я. (*Россия*)
Прокофьева М. А. (*Казахстан*)
Рахматуллин Р. Ю. (*Россия*)
Ребезов М. Б. (*Россия*)
Сорока Ю. Г. (*Украина*)
Узаков Г. Н. (*Узбекистан*)
Хоналиев Н. Х. (*Таджикистан*)
Хоссейни А. (*Иран*)
Шарипов А. К. (*Казахстан*)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 25.01.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25